

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

2014 – 4 (262)

Научно-информационный бюллетень

Издается с 1992 года

**Москва
2014**

*Центр гуманитарных
научно-информационных исследований*

Редакционная коллегия:

Л.В. Скворцов – д-р филос. наук, шеф-редактор, *А.Г. Бельский* – канд. ист. наук, автор проекта, научный консультант, *Е.Л. Дмитриева* – главный редактор, *О.П. Бибикова* – канд. ист. наук, первый зам. главного редактора, *Д.Б. Малышева* – д-р полит. наук, *А.В. Малащенко* – д-р ист. наук, *А.Ш. Ниязи* – канд. ист. наук, зам. главного редактора, *В.Г. Садур* – канд. ист. наук, *В.Н. Сченснович* – отв. за выпуск.

Россия и мусульманский мир: Научно-информационный бюллетень / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. – М., 2014. – № 4 (262). – 172 с.

Тексты, представленные в бюллетене, даны в авторской редакции.

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

- Владимир Путин.* Выступление на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» 5
- Б. Аксюмов.* Формирование цивилизационной идентичности как социальный капитал современной России 13

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

- Е. Арутюнова, А. Бравин, Р. Валиахметов и коллектив авторов.* Татарстан. Процесс реисламизации и современные тренды развития мусульманской идентичности 24
- И. Бабич.* «Мягкая исламская революция» в современной Адыгее 31
- И. Добаев, А. Понеделков, Р. Гаджибеков.* Причины и последствия раскола мусульманской элиты на Северном Кавказе 38
- Марта Брилл Олкотт.* Государства Центральной Азии идут своим путем (Могут ли внешние силы повлиять на развитие событий в Центральной Азии и насколько они в этом заинтересованы?) 57
- Д. Александров, И. Ипполитов, Д. Попов.* «Мягкая сила» как инструмент американской политики в Центральной Азии: Таджикистан 69
- Н. Кулешова.* Водно-энергетические противоречия в ЦА и их влияние на стабильность в регионе 82

<i>Н. Мамедова.</i> Иран: Интересы в ЦА и возможности влияния	85
---	----

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

<i>Е. Дорошенко.</i> Смерть Муаммара Каддафи: Уроки истории.....	91
<i>О. Бибилова.</i> Ислам в Австрии.....	97
<i>Д. Нечитайло.</i> Идеология салафизма в США.....	109
Конфликты на Ближнем Востоке в XXI в.....	113

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

<i>А. Суворова.</i> Столкновение цивилизаций или их примирение? Бхутто против Хантингтона.....	145
<i>М. Байрақдар.</i> Философия и наука в исламе. Перспективы.....	155
<i>Т. Муслимов.</i> Фундаментальные причины религиозных расколов и прецеденты их преодоления.....	164

КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – **НЕТ!**
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ
МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – **ДА!**

**СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ,
ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ**

Владимир Путин,
Президент Российской Федерации
**ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ЗАСЕДАНИИ
МЕЖДУНАРОДНОГО ДИСКУССИОННОГО КЛУБА
«ВАЛДАЙ»***

Сегодня с необходимостью поиска новой стратегии и сохранения своей идентичности в кардинально изменяющемся мире, в мире, который стал более открытым, прозрачным, взаимозависимым, в той или иной форме сталкиваются практически все страны, все народы: и русский, и европейские народы, и китайцы, и американцы, и общество из практически всех стран мира.

Для россиян, для России вопросы «кто мы?», «кем мы хотим быть?» звучат в нашем обществе все громче и громче. Мы ушли от советской идеологии, вернуть ее невозможно. Приверженцы фундаментального консерватизма, идеализирующие Россию до 1917 г., похоже, так же далеки от реальности, как и сторонники западного ультралиберализма. Очевидно, что наше движение вперед невозможно без духовного, культурного, национального самоопределения, иначе мы не сможем противостоять внешним и внутренним вызовам, не сможем добиться успеха в условиях глобальной конкуренции. А сегодня мы видим новый виток такой конкуренции.

Основные направления сегодняшней конкуренции – экономико-технологическое и идейно-информационное. Обостряются и военно-политические проблемы, и военно-политическая ситуация. Мир становится все более жестким, порой отвергается не просто международное право, но даже элементарные приличия. Нужно

* 19 сентября 2013 г., Новгородская область. Текст выступления опубликован на официальном сайте Президента Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru>

быть сильным в военном, технологическом, экономическом отношении, но все-таки главное, что будет определять успех, – это качество людей, качество общества интеллектуальное, духовное, моральное. Ведь в конце концов и экономический рост, и благосостояние, и геополитическое влияние – это производные от состояния самого общества, от того, насколько граждане той или иной страны чувствуют себя единым народом, насколько они укоренены в этой своей истории, в ценностях и в традициях, объединяют ли их общие цели и ответственность. В этом смысле вопрос обретения и укрепления национальной идентичности действительно носит для России фундаментальный характер.

Между тем сегодня Россия испытывает не только объективное давление глобализации на свою национальную идентичность, но и последствия национальных катастроф XX в., когда мы дважды пережили распад нашей государственности. В результате получили разрушительный удар по культурному и духовному коду нации, столкнулись с разрывом традиций и единства истории, с деморализацией общества, с дефицитом взаимного доверия и ответственности. Именно в этом многие корни острых проблем, с которыми мы сталкиваемся. Ведь вопрос ответственности перед самим собой, обществом и законом – один из основополагающих не только в праве, но и в повседневной жизни.

После 1991 г. была иллюзия, что новая национальная идеология, идеология развития, родится как бы сама по себе. Государство, власть, интеллектуальный и политический класс практически самоустранились от этой работы, тем более что прежняя, официозная идеология оставляла тяжелую оскомину. И просто на самом деле все боялись даже притрагиваться к этой теме. Кроме того, отсутствие национальной идеи, основанной на национальной идентичности, было выгодно той квазиколониальной части элиты, которая предпочитала воровать и выводить капиталы и не связывала свое будущее со страной, где эти капиталы зарабатывались.

Практика показала, что новая национальная идея не рождается и не развивается по рыночным правилам. Самоустройство государства, общества не сработало, так же как и механическое копирование чужого опыта. Такие грубые заимствования, попытки извне цивилизовать Россию не были приняты абсолютным большинством нашего народа, потому что стремление к самостоятельности, к духовному, идеологическому, внешнеполитическому суверенитету – неотъемлемая часть нашего национального характера. Не срабатывает такой подход и во многих других стра-

нах. Прошло то время, когда готовые модели жизнеустройства можно было устанавливать в другом государстве просто как компьютерную программу.

Мы также понимаем, что идентичность, национальная идея не могут быть навязаны сверху, не могут быть построены на основе идеологической монополии. Такая конструкция неустойчива и очень уязвима, мы знаем это по собственному опыту, она не имеет будущего в современном мире. Необходимо историческое творчество, синтез лучшего национального опыта и идеи, осмысление наших культурных, духовных, политических традиций с разных точек зрения с пониманием, что это не застывшее нечто, данное навсегда, а это живой организм. Только тогда наша идентичность будет основана на прочном фундаменте, будет обращена в будущее, а не в прошлое. Это главный аргумент в пользу того, чтобы вопрос идеологии развития обязательно обсуждался среди людей разных взглядов, придерживающихся разного мнения о том, что и как нужно делать с точки зрения решения тех или иных проблем. Нам всем: и так называемым неославянофилам, и неозападникам, государственным и так называемым либералам – всему обществу предстоит совместно работать над формированием общих целей развития. Нужно избавиться от привычки слышать только идейных единомышленников, с порога, со злобой, а то и с ненавистью отвергая любую другую точку зрения. Нельзя даже не перекидывать, а пинать будущее страны, как футбольный мяч, окунувшись в оголтелый нигилизм, потребительство, критику всего и вся или беспросветный пессимизм. А это значит, что либералы должны научиться разговаривать с представителями левых взглядов и, наоборот, националисты должны вспомнить, что Россия формировалась именно как многонациональное и многоконфессиональное государство с первых своих шагов, и что, ставя под вопрос нашу многонациональность, начиная эксплуатировать тему русского, татарского, кавказского, сибирского и какого угодно еще любого другого национализма и сепаратизма, мы встаем на путь уничтожения своего генетического кода. По сути, начинаем уничтожать сами себя.

Суверенитет, самостоятельность, целостность России безусловны. Это те «красные линии», за которые нельзя никому заходить. При всей разнице наших взглядов дискуссия об идентичности, о национальном будущем невозможна без патриотизма всех ее участников. Патриотизма, конечно, в самом чистом значении этого слова. Слишком часто в национальной истории вместо оппозиции

власти мы сталкиваемся с оппозицией самой России. И мы знаем, чем это заканчивалось – сносом государства как такового. У нас практически нет такой семьи, которую бы обошли стороной беды прошлого века. Вопросы оценки тех или иных исторических событий до сих пор раскалывают страну и общество. Мы должны залечить эти раны, восстановить целостность исторической ткани. Нельзя больше заниматься самообманом, вычеркивая неприглядные или идеологически неудобные страницы, разрывая связь поколений, бросаясь в крайности, создавая или развенчивая кумиров. Пора прекратить замечать в истории только плохое, ругать себя больше, чем это сделают любые наши недоброжелатели. Критика необходима. Но без чувства собственного достоинства, без любви к Отечеству эта критика унижительна и непродуктивна.

Мы должны гордиться своей историей, и нам есть чем гордиться. Вся наша история без изъятий должна стать частью российской идентичности. Без признания этого невозможно взаимное доверие и движение общества вперед.

Еще один серьезный вызов российской идентичности связан с событиями, которые происходят в мире. Здесь есть и внешнеполитические, и моральные аспекты. Мы видим, как многие евроатлантические страны фактически пошли по пути отказа от своих корней, в том числе и от христианских ценностей, составляющих основу западной цивилизации. Отрицаются нравственные начала и любая традиционная идентичность: национальная, культурная, религиозная или даже половая. Проводится политика, ставящая на один уровень многодетную семью и однополое партнерство, веру в Бога или веру в сатану. Эксцессы политкорректности доходят до того, что всерьез говорится о регистрации партий, ставящих своей целью пропаганду педофилии. Люди во многих европейских странах стыдятся и боятся говорить о своей религиозной принадлежности. Праздники отменяют даже или называют их как-то по-другому, стыдливо пряча саму суть этого праздника – нравственную основу этих праздников. И эту модель пытаются агрессивно навязывать всем, всему миру. Убежден, это прямой путь к деградации и примитивизации, глубокому демографическому и нравственному кризису.

Что еще может быть большим свидетельством морального кризиса человеческого социума, как не утрата способности к самовоспроизводству? А сегодня практически все развитые страны уже не могут воспроизводить себя, причем даже с помощью миграции. Без ценностей, заложенных в христианстве и других мировых ре-

лигиях, без формировавшихся тысячелетиями норм морали и нравственности люди неизбежно утратят человеческое достоинство. И мы считаем естественным и правильным эти ценности отстаивать. Нужно уважать право любого меньшинства на отличие, но и право большинства не должно быть поставлено под сомнение.

Одновременно мы видим попытки тем или иным способом реанимировать однополярную унифицированную модель мира, размыть институт международного права и национального суверенитета. Такому однополярному, унифицированному миру не нужны суверенные государства, ему нужны вассалы. В историческом смысле это отказ от своего лица, от данного Богом, природой многообразия мира.

Россия с теми, кто считает, что ключевые решения должны вырабатываться на коллективной основе, а не по усмотрению и в интересах отдельных государств либо группы стран, что должно действовать международное право, а не право сильного, не кулачное право, что каждая страна, каждый народ не исключителен, но уникален, конечно, самобытен, имеет равные права, в том числе право на самостоятельный выбор своего развития. Таков наш концептуальный взгляд, он вытекает из нашей собственной исторической судьбы, из роли России в мировой политике. Наша сегодняшняя позиция имеет глубокие исторические корни. Россия сама развивалась на основе многообразия, гармонии и балансов, приносила такой баланс и в окружающий мир. И Венский конгресс 1815 г., и ялтинские соглашения 1945 г., принятые при очень активной роли России, обеспечили долгий мир. Сила России, сила победителя в эти поворотные моменты проявлялась в благородстве и справедливости. И давайте вспомним Версаль, заключенный без участия России. Многие специалисты, и я с ними абсолютно согласен, считают, что именно в Версале были заложены корни будущей Второй мировой войны. Потому что Версальский договор был несправедлив по отношению к немецкому народу и накладывал на него такие ограничения, с которыми он в нормальном режиме справиться не мог, на столетие вперед это было ясно.

В европейских, да и в ряде других стран так называемый мультикультурализм – во многом привнесенная, искусственно сверху внедряемая модель – ставится сейчас под сомнение, и понятно почему. Потому что в основе лежит своего рода плата за колониальное прошлое. Не случайно сегодня политики и общественные деятели самой Европы все чаще говорят о крахе мульти-

культурализма, о том, что он не способен обеспечить интеграцию в общество иноязычных и инокультурных элементов.

В России, на которую пытались в свое время навесить ярлык «тюрьмы народов», за века не исчез ни один, даже самый малый этнос. Все они сохранили не только свою внутреннюю самостоятельность и культурную идентичность, но и свое историческое пространство. В советское время так внимательно к этому относились, почти каждый маленький народ имел свое печатное издание, поддерживались языки, поддерживалась национальная литература. Кстати говоря, многое из того, что делалось в этом смысле раньше, нам нужно бы вернуть и взять на вооружение. При этом у нас накоплен уникальный опыт взаимовлияния, взаимообогащения, взаимного уважения различных культур. Эта поликультурность, полиэтничность живет в нашем историческом сознании, в нашем духе, в нашем историческом коде. На этом естественным образом тысячелетие строилась наша государственность.

Россия, как образно говорил философ Константин Леонтьев, всегда развивалась как «цветущая сложность», как государство-цивилизация, скрепленная русским народом, русским языком, русской культурой, Русской православной церковью и другими традиционными религиями России. Именно из модели государства-цивилизации вытекают особенности нашего государственного устройства. Оно всегда стремилось гибко учитывать национальную, религиозную специфику тех или иных территорий, обеспечивая многообразие в единстве. Христианство, ислам, буддизм, иудаизм, другие религии – неотъемлемая часть идентичности и исторического наследия России в настоящей жизни ее граждан. Главная задача государства, закреплённая в Конституции, – обеспечение равных прав для представителей традиционных религий и атеистов, права на свободу совести для всех граждан страны.

Однако идентификация исключительно через этнос, религию в крупнейшем государстве с полиэтничным составом населения, безусловно, невозможна. Формирование именно гражданской идентичности на основе общих ценностей, патриотического сознания, гражданской ответственности и солидарности, уважения к закону, сопричастности к судьбе Родины без потери связи со своими этническими, религиозными корнями – необходимое условие сохранения единства страны. Как политически, идейно, концептуально будет оформлена идеология национального развития – предмет для широких дискуссий. Но глубоко убежден в том, что в сердце нашей философии должно быть развитие человека, разви-

тие моральное, интеллектуальное и физическое. Еще в начале 90-х годов Солженицын говорил о сбережении народа после тяжелейшего XX в. как о главной национальной цели. Сегодня нужно признать: полностью переломить негативные демографические тенденции пока и нам не удалось, мы только немного отступили от опасной черты утраты национального потенциала.

К сожалению, в истории нашей страны ценность отдельной человеческой жизни часто была невелика. Слишком часто люди оставались лишь средством, а не целью и миссией развития. У нас больше нет не только права, но и возможности бросать в топку развития миллионы людей. Нужно беречь каждого. Именно образованные, творческие, физически и духовно здоровые люди, а не природные ресурсы или ядерное оружие будут главной силой России этого и последующего веков.

Роль образования тем важнее, что для воспитания личности, патриота нам нужно восстанавливать роль великой русской культуры и литературы. Они должны быть фундаментом для самоопределения граждан, источником самобытности и основы для понимания национальной идеи. Здесь очень много зависит от учительского, преподавательского сообщества, которое было и остается важнейшим хранителем общенациональных ценностей, идей и установок. Это сообщество говорит на одном языке – языке науки, знания, воспитания. И это на огромной территории – от Калининграда до Владивостока. И уже тем самым это сообщество, имея в виду учительское, преподавательское сообщество в целом, в широком смысле слова, скрепляет страну. И поддержка этого сообщества – один из важнейших шагов на пути к сильной, процветающей России.

Не сконцентрировав наши силы на образовании и здоровье людей, на формировании взаимной ответственности власти и каждого гражданина и, наконец, на восстановлении доверия в обществе, мы проиграем в исторической конкуренции. Граждане России должны ощутить себя ответственными хозяевами своей страны, своего края, своей малой родины, своего имущества, собственности и своей жизни.

Гражданин тот, кто способен самостоятельно управляться с собственными делами, свободно сотрудничая с равными себе. А лучшая школа гражданственности – это местное самоуправление и самодеятельные организации граждан. Конечно, имею в виду в данном случае НКО. Кстати, одна из лучших российских политических традиций, земская традиция, также строилась именно

на принципах самоуправления. Только из эффективных механизмов самоуправления может вырасти настоящее гражданское общество и настоящая национально ориентированная элита, включая, разумеется, и оппозицию с собственной идеологией, ценностями, мерилами хорошего и плохого, собственными, а не навязанными средствами массовой информации или тем более из-за рубежа. Государство готово и будет доверять самостоятельным и самоуправляющимся структурам, но мы должны знать, кому мы доверяем. И это абсолютно нормальная мировая практика, именно поэтому мы приняли новое законодательство, повышающее прозрачность деятельности неправительственных организаций.

Говоря о любых реформах, важно не забывать, что наша страна – это не только Москва и Петербург. Развивая российский федерализм, мы должны опираться на собственный исторический опыт, использовать гибкие и разнообразные модели. В конструкцию российского федерализма заложен очень большой потенциал. Нам необходимо учиться его грамотно использовать, не забывая главное: развитие регионов, их самостоятельность должны работать на создание равных возможностей для всех граждан страны вне зависимости от их места проживания; на ликвидацию дисбалансов в экономическом, социальном развитии территорий России, а значит, на укрепление единства страны. Это сложнейшая задача, потому что развивались эти территории на протяжении десятилетий, а то и столетий неравномерно.

XXI век обещает стать веком больших изменений, эпохой формирования крупных геополитических материков, финансово-экономических, культурных, цивилизационных, военно-политических. И потому наш абсолютный приоритет – это тесная интеграция с соседями. Будущий Евразийский экономический союз – это не просто набор взаимовыгодных соглашений. Евразийский союз – это проект сохранения идентичности народов, исторического евразийского пространства в новом веке и в новом мире. Евразийская интеграция – это шанс для всего постсоветского пространства стать самостоятельным центром глобального развития, а не периферии для Европы или для Азии. Хочу подчеркнуть, что евразийская интеграция также будет строиться на принципе многообразия. Это объединение, в котором каждый сохранит свое лицо, свою самобытность и политическую субъектность.

Годы после 91-го принято называть постсоветским этапом. Мы пережили, преодолели это бурное драматическое время. Россия, как это уже бывало в истории не раз, пройдя через ломки, ис-

питания, возвращается к самой себе, возвращается в собственную историю.

Упрочив свою национальную самобытность, укрепив свои корни, оставаясь открытыми и восприимчивыми к лучшим идеям и практикам Востока и Запада, мы должны и будем идти вперед.

«Вестник Российской нации», М., 2013 г., № 6, с. 8–15.

Б. Аксюмов,

доктор философских наук

(Северо-Кавказский федеральный университет)

ФОРМИРОВАНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В начале чуть ли не каждой статьи, посвященной современному развитию России, приходится повторять банальные фразы о том, что Российское государство и общество находятся в состоянии фундаментального социокультурного перехода, поиска новых путей и технологий эволюции в наступившем XXI столетии. Действительно, современная Россия находится в стадии мощной транзитивности, которая сопровождается неопределенностью новых социокультурных форм и турбулентностью развития. Однако, если охватить взглядом панораму развития мирового сообщества, то станет очевидно: в состоянии перехода и турбулентности находится весь мир, ситуация России не является в этом смысле какой-то особенной. Фундаментальные сдвиги в мировом развитии, связанные с мгновенным (по историческим меркам) скачком в «постсовременность», не только резко обострили социально-политические, культурные, цивилизационные противоречия, но и предельно актуализировали проблему идентичности. Разновекторные процессы глобализации и локализации, секуляризации и религиозного ренессанса, постмодернизации и архаизации в максимальной степени усложнили и даже запутали социальный и культурно-цивилизационный ландшафт современности. Эта причудливая сплетенность в едином хронологическом поле совершенно антиподных мировоззренческих установок, культурных норм и принципов приводит к парадоксальному эффекту, когда, например, в Саудовской Аравии женщин секут плеткой за управление автомобилем, а в Европе повсеместно легализуют однополые браки. В таком мире, до предела наполненном противоречия-

ми и парадоксами, проблемы идентичности неизбежно выходят на первый план.

Этноконфессиональность как фактор дезинтеграции

При исследовании проблем идентичности внутри России подобный общемировой контекст необходимо учитывать, поскольку он, безусловно, накладывает отпечаток на, казалось бы, сугубо внутрироссийские процессы. Однако и внутри российского социокультурного пространства все очевиднее становятся противоречия между универсальным и локальным (специфичным), между тенденциями секуляризации и мощными процессами религиозного возрождения, между постмодернизацией культурного поля в одних случаях и его же архаизацией в других. Подобная «амплитудность» и амбивалентность эволюции социокультурного пространства России свидетельствует о существенной разобщенности российского социума, о наличии в нем акторов, у которых не столько разные интересы, сколько разные ценности, культурные нормы и стандарты. Как правило, подчеркивание культурных различий (в широком смысле), которые все чаще выступают в качестве конфликтогенного фактора, является непосредственным следствием демонстративной этноконфессиональной специфики, деструктивной мобилизации этнических и конфессиональных идентичностей при практически полном «забвении» гражданской идентичности.

Подобная ситуация в целом закономерна, поскольку сегодня наблюдается кризис коллективных интегрирующих форм идентичности при одновременном укреплении этноконфессиональных идентичностей, часто выступающих в качестве дезинтегрирующих. Как результат, регулярно возникают конфликты на этнической и конфессиональной почве, глубинной основой которых являются этнокультурные различия. Обострение ситуации произошло после распада СССР, когда, с одной стороны, исчерпали себя достаточно эффективная на определенном этапе идеология «дружбы народов» и основанная на ней надэтническая советская идентичность, а, с другой стороны, во многих регионах России, особенно на Северном Кавказе, неконтролируемыми темпами пошли процессы этнического и религиозного возрождения. Подавленные на протяжении многих десятилетий этническая и конфессиональная идентичности «вдруг» стали ключевыми и

определяющими. В результате групповые идентичности ряда народов Российской Федерации оформились к настоящему времени именно как этноконфессиональные в первую очередь, и только во вторую – как гражданские.

В этой связи можно утверждать, что ключом к решению межэтнических и межконфессиональных проблем современной Российской Федерации является интегрирующая структуризация идентификационного пространства, предполагающая отказ от примата этноконфессиональности и утверждение гражданской и цивилизационной идентичностей в качестве безусловно приоритетных. Однако реализовать данную модель будет очень непросто в силу того, что на данный момент ситуация складывается явно не в пользу интегрирующих идентичностей.

Подтверждением данного тезиса являются результаты проводимых в различных российских регионах социологических исследований. Например, как показали исследования в Башкирии в 2012 г., «этническая идентификация в настоящее время преобладает над государственно-гражданской в силу специфики выполняемых функций (обеспечение чувства «онтологической безопасности», социально-экономической и политической мобилизации и др.)»¹. Более того, «даже признающие в той или иной степени существование российской нации не готовы отречься от национальности, первостепенности этнической принадлежности»². Эти выводы в целом соответствуют выводам нашего исследования 2009 г., проведенного в некоторых субъектах Южного федерального округа. Тогда этническую идентичность как «очень важную» или «важную» определили 83,6% респондентов, что выдвинуло ее на ключевую роль среди выбранных для анализа видов идентичностей, хотя этот показатель являлся однопорядковым с гражданской идентичностью. В то же время как «очень важную» этническую идентичность определили 55,9% респондентов, что значительно превосходит соответствующую оценку гражданской идентичности (35,2%). Нами был сделан вывод о том, что хотя гражданская и этническая идентичности не являются взаимоисключающими и входят в единый «портфель идентичностей» современного россиянина, они выступают в исследуемом регионе как конкурирую-

¹ Шайхисламов Р.Б., Ирнараров Р.И., Садретдинова Э.В., Коровкина Н.В. Гражданская идентичность: Региональное измерение глобализации // Вестник ВЭГУ. – 2013. – № 3. – С. 82.

² Там же. – С. 84.

щие между собой¹. Как видим, в качестве конкурирующих этническая и гражданская идентичности выступают не только на юге страны, но и в других ее регионах.

Разумеется, подобная конкуренция не означает необходимости отказаться от какого-либо из этих видов идентичности. Можно согласиться с тем, что «формирование национальной идентичности вовсе не ведет к утрате идентичности этнической, следует лишь правильно выстроить их иерархию»². «Этническая и гражданская идентичности соотносятся не в категориях “или-или” (одна должна вытеснить другую), а в категориях “и-и”»³. В то же время необходимо отметить, что резкое усиление этнической идентичности является непосредственным следствием сначала коллапса советской, а затем слабости и аморфности российской гражданской идентичности. Можно утверждать, что с усилением интегрирующих гражданской и цивилизационной идентичностей значение этнической, а также конфессиональной идентичностей будет постепенно снижаться.

Что касается конфессиональной идентичности, то ее значимость в структуре идентичностей современного россиянина весьма велика. Особенно это касается некоторых республик Северного Кавказа, которым, по сути, дан карт-бланш на построение полноценных исламских сообществ⁴. Идеология единства всех мусульман, их императивная причастность к мировой мусульманской умме позволяют говорить не только о ценностно-мировоззренческом, но и о цивилизационном обособлении мусульманского Северного Кавказа.

В этом смысле весьма показательны выглядят данные, приведенные в таблице.

¹ Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В. Портфель идентичностей молодежи Юга России в условиях цивилизационного выбора // Социологические исследования. – 2010. – № 12. – С. 20.

² Лысак И.В., Наливайченко И.В. Патриотизм: Отжившая ценность или актуальный тренд? – Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2013. – С. 39.

³ Шайхисламов Р.Б., Ирнараров Р.И., Садретдинова Э.В., Коровкина Н.В. Гражданская идентичность: Региональное измерение глобализации // Вестник ВЭГУ. – 2013. – № 3. – С. 85.

⁴ Роман Силантьев: «Российские мусульмане чувствуют себя частью силы, реально претендующей на мировое господство» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://i-r-p.ru/page/stream-document/index-12784.html>

**Распределение ответов, полученных на вопрос
о регуляции поведения этнофоров
(в баллах, по пятибалльной шкале)**

<i>Этнофоры</i>	<i>Ингуши</i>			<i>Чеченцы</i>		
	<i>мужской пол</i>	<i>женский пол</i>	<i>все респонденты</i>	<i>мужской пол</i>	<i>женский пол</i>	<i>все респонденты</i>
Законы шариата	3,59	3,24	3,44	3,33	3,80	3,45
Общегосударственные законы	2,97	3,29	3,10	2,67	3,60	2,90
Обычаи и традиции	3,00	3,05	3,02	3,00	2,50	2,88
Нормы этноэтики	2,93	2,95	2,94	3,10	2,20	2,88
Нормы своего тейпа	1,93	1,57	1,78	2,67	2,90	2,73

Как видим, если суммировать все данные, законы шариата в качестве регулятивного принципа поведения чеченцев и ингушей более чем на полбалла опережают общегосударственные законы. Это один из тех характерных примеров, которые демонстрируют дезинтегрирующий потенциал конфессиональной идентичности с точки зрения обеспечения национального единства Российской Федерации.

В результате чрезмерной актуализации и политизации этноконфессиональных идентичностей возникает конфликт идентичностей как в формате индивидуального бытия, так и в масштабах больших социальных групп. Идеи национальной консолидации, гражданского единства, концентрирующиеся на уровне гражданской идентичности, далеко не всегда получают приоритет над узкоэтническими и узкоконфессиональными ценностями и принципами. Данный конфликт идентичностей выражается, например, в нежелании следовать принципам светского общества, в сохранении архаичных социокультурных моделей в условиях необходимости модернизационного развития. Само наличие подобного конфликта идентичностей говорит прежде всего о слабости современного варианта российской гражданской идентичности, о ее не-

¹ См.: Павлова О.С. Некоторые результаты изучения структуры этнокультурных ценностей чеченцев и ингушей. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.fpo.ru/etnopsy/pavl-cenchecking.html>

достаточности с точки зрения обеспечения национального единства Российской Федерации.

Слабость российской гражданской идентичности

Действительно, гражданская идентичность в современной России – крайне важная, но относительно несложная конструкция: в ее основании лежит формальный факт гражданства. Она формирует граждан, но еще не создает народ. Недостаточность гражданской идентичности как основы национального единства проявляется в межкультурных отношениях в российском обществе, когда представители различных культурных ареалов нередко ощущают взаимное отчуждение, а иногда и враждебность. В общественном сознании по-прежнему доминируют, а зачастую усиливаются многочисленные стереотипные представления. Это ведет к разобщенности людей, которые, являясь гражданами одного государства, не понимают, в чем заключается их единство, не видят для себя общих целей и социокультурных ориентиров. В условиях межкультурной разобщенности, дисгармонии мировоззренческих принципов и ценностных ориентиров гражданская идентичность выступает в роли формального маркера принадлежности граждан к определенному государственному целому и не более того. Гражданское сообщество, формируемое на основе гражданской идентификации, лишено сегодня глубинных интегрирующих связей, того цементирующего аксиологического начала, которое делает общество сплоченным, консолидированным, исключает конфликты между гражданами на основе принципиальных ценностных противоречий.

В этом смысле результаты социологических замеров гражданской идентичности хотя и впечатляют, но не дают возможности сделать глубоко идущих выводов. По данным замеров 2011 г., «95% опрошенных в стране идентифицировали себя как “граждане России”, при этом 72% ощущают свою общность с гражданами России “в значительной степени”. Судя по результатам опросов, это наиболее сильная, уверенная идентичность среди других наиболее значимых идентичностей»¹. На наш взгляд, в настоящий момент такой вывод можно сделать только по отношению к боль-

¹ Дробижина Л.М. Российская идентичность и тенденции в межэтнических установках за 20 лет // Россия реформирующаяся. – 2011. – № 10. – С. 74.

шей части русского населения. Дело в том, что русский народ в наименьшей степени был охвачен процессами этноконфессионального возрождения и все постсоветские годы оставался народом государственным, ориентирующимся не на этнодетерминированные структуры и организации, а на государство. При определенном проявлении русского национализма и учитывая те меры, которые были предприняты для возрождения православия, все же большая часть русского населения была и остается этнически не ангажированной и достаточно равнодушной к религиозной проблематике. Уровень этнической мобилизации русского населения, степень его религиозности значительно уступают соответствующим показателям многих других народов Российской Федерации.

В советское время русское население играло в национальных республиках существенную стабилизирующую и интегрирующую роль. После распада Советского Союза и фактического изгнания русских из ряда национальных республик Северного Кавказа ситуация в них накалилась, резко возросли сепаратистские настроения. В результате мы получили две чеченские войны и фактическую культурно-цивилизационную дезинтегрированность восточных республик Северного Кавказа.

Представляется совершенно справедливым мнение о том, что «именно русские влияют на формирование общероссийских культурных ценностей и установок и на поддержание общероссийского самосознания и патриотизма. Русское население играет также важную роль стабилизатора межэтнических отношений в регионе, предотвращая напряженность и межгрупповые конфликты между титульными этносами, которые имеют исторические корни»¹. В условиях тотального сокращения русского населения значимость общероссийских культурных ценностей и символов в Северо-Кавказском регионе резко снизилась. В этой связи можно утверждать, что в ряде национальных республик Российской Федерации гражданская идентичность означает, скорее, лояльность к государству, которое рассматривается как патриархальное начало, нежели реальное чувство причастности к его ценностям и символам. Образующийся в таком случае аксиологический вакуум с успехом наполняет этноконфессиональная специфика.

¹ Современная ситуация на Северном Кавказе. Аналитический вестник Совета Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/VestnikSF/2005/vestniksf263-11/vestniksf263-11030.htm>

Именно по этой причине современный вариант российской гражданской идентичности не способен решить задачу по преодолению межэтнических и межконфессиональных противоречий. Как отмечает Л.М. Дробижева, «важный итог двадцатилетия – сформировалась российская идентичность с ощущением у людей сильной связи с ней. Но идентичность эта хранит в себе болезненный опыт перемен и негативизм фобий и переживаний. Половина респондентов фиксировала, что в их местности бывают столкновения на почве национальной неприязни. 68% откровенно признались, что “испытывают раздражение или неприязнь по отношению к представителям каких-то национальностей”. Наиболее сильно такая неприязнь на этнической почве связана с тем, что люди иной культуры ведут себя “как хозяева на этой земле” – 63%. Другой аргумент неприязни – различия “в поведении людей, их образе жизни” – 39%»¹. Иными словами, российская идентичность сформировалась, но это не привело к улучшению межэтнической ситуации в стране, более того, она время от времени обостряется.

Разумеется, решение комплекса этноконфессиональных проблем – задача системная, требующая и социально-экономического прогресса, и политической стабилизации, и культурных усилий. Однако главное проблемное поле лежит, на наш взгляд, именно в идентификационной плоскости. Если гражданская идентичность, по крайней мере, в том виде, в котором она представлена сейчас в менталитете россиян, мало что дает, тогда необходимо искать ту форму идентичности, которая даст возможность существенно продвинуться в решении задачи по гармонизации этноконфессиональных отношений в Российской Федерации. И этой формой идентичности является цивилизационная идентичность – значительный социальный капитал современной России.

Формирование цивилизационной идентичности – основа обеспечения национального единства России

Интерес к цивилизационной идентичности как новой возможности обеспечения национального единства России актуализировался после предвыборной статьи В.В. Путина «Россия: Национальный вопрос». На фоне краха политики мультикультурализма во многих европейских странах стало очевидно, что ставка

¹ Дробижева Л.М. Указ. соч. – С. 83.

на формирование только гражданской идентичности при абсолютизации цивилизационного самоопределения, культурной автономии себя не оправдывает. Понимание этого обстоятельства нашло отражение в статье. По словам автора, «цивилизационная идентичность основана на сохранении русской культурной доминанты, носителем которой выступают не только этнические русские, но и все носители такой идентичности независимо от национальности. Это тот культурный код, который подвергся в последние годы серьезным испытаниям, который пытались и пытаются взломать. И тем не менее он, безусловно, сохранился. Вместе с тем его надо питать, укреплять и беречь»¹.

Тема поиска цивилизационной идентичности получила продолжение и в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. В ней отмечается, что «современное Российское государство объединяет основанный на сохранении и развитии русской культуры и языка, историко-культурного наследия всех народов России единый культурный (цивилизационный) код, который характеризуется особым стремлением к правде и справедливости, уважением самобытных традиций населяющих Россию народов и способностью интегрировать их лучшие достижения в единую российскую культуру»².

При всей своей научной непроясненности понятие «цивилизационный код» выполняет важнейшую функцию по закреплению представлений о непрерывности континуитета бытия России в мире в менталитете россиян. Именно мифология цивилизационного кода лежит в основе формирования цивилизационной идентичности современного российского общества. Главной составной частью этой цивилизационной идентичности является представление о единстве и незыблемости тысячелетнего исторического опыта существования России, убеждение в сохраненности неких культурно-цивилизационных констант, перешедших в наличествующую современность, несмотря на крушения в разные эпохи государственных систем России – Киевской Руси, Московского царства, Советского Союза.

¹ Путин В.В. Россия: Национальный вопрос // Сайт Председателя Правительства Российской Федерации В.В. Путина [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://premier.gov.ru/events/news/17831>

² Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=139350>

В этом смысле новое Российское государство представляет собой исторически обусловленную модификацию той культурно-цивилизационной традиции, которая развивается уже более тысячи лет. Формирование гражданской идентичности новой России должно осуществляться в опоре на трансисторические цивилизационные принципы, символизирующие непрерывность развития, целокупность тысячелетнего существования России в мировой истории. Кризис гражданской идентичности, который до сих пор не преодолен, обусловлен кризисом цивилизационной идентичности, утратой глубинной связи с цивилизационным кодом России и ее культурно-историческим наследием. Как следствие, гражданская идентичность конструируется преимущественно в опоре на новое Российское государство и его символы, во многом утратившие в менталитете россиян свою историческую ауру и сакральный смысл.

Полноценная гражданская идентичность, конституирующая такие важнейшие параметры жизни человека, как ценности, смыслы, принципы, культурные нормы и пр., возможна только на основе цивилизационной идентичности. Поскольку эта последняя находится в настоящий момент лишь в стадии зарождения, рефлекслируясь в качестве абстрактного цивилизационного кода, граждане России часто не чувствуют своей общности, у них по существу отсутствуют общие социокультурные ценности и ориентиры, что приводит в том числе к межнациональным и межконфессиональным конфликтам. Как отмечает Л.В. Савинов, «в России проблема гражданской нации – это главным образом проблема совпадения кодов национальной (универсальной) и этнических (уникальных) идентичностей с русской цивилизационной (социокультурной и исторической) матрицей»¹. Можно констатировать, что на данный момент подобного совпадения нет.

Этнокультурные различия граждан многонационального Российского государства, не попадая на общую интегрирующую культурно-цивилизационную основу, становятся конфликтогенным фактором, а не тем преимуществом России перед другими государствами, о котором так часто говорят высшие российские политики. Этнокультурное многообразие России только тогда станет фактором развития и модернизации, когда оно будет фундироваться на общероссийском культурно-цивилизационном базисе,

¹ Савинов Л.В. Концепт нации, конституция и этнополитика // Ценности и смыслы. – 2009. – № 3. – С. 77.

вобравшем в себя квинтэссенцию позитивного опыта бытия российской цивилизации в ее тысячелетней истории. Цивилизационная идентичность, призванная отображать данный базис, представляет тем самым огромный социальный капитал современной России, способный реально содействовать гармонизации межэтнических и межконфессиональных отношений, а также обеспечению национального единства Российской Федерации.

«Вестник Российской нации», М., 2013 г., № 5, с. 51–61.

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

**Е. Арутюнова, А. Бравин, Р. Валиахметов
и коллектив авторов,
руководитель проекта – Л. Дробижева
ТАТАРСТАН.
ПРОЦЕСС РЕИСЛАМИЗАЦИИ
И СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕНДЫ РАЗВИТИЯ
МУСУЛЬМАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ**

Религиозное возрождение у татар, происходящее в форме реисламизации, за последнее 20-летие прошло непростой путь. В начале 1990-х – в годы кризиса идентичности советских людей, враз ставших россиянами, в условиях идеологического вакуума на постсоветском пространстве татары, как большая часть населения страны, обратились к «исконным корням народа», «вере предков».

Реисламизация в это время проходила в форме этноконфессионализации, когда религия воспринималась как часть народной культуры, как национальная традиция, а мусульманская идентичность у татар чаще носила характер «религиозного национализма»¹. Это был период начала восстановления традиционного для татар мусульманского статуса и экстенсивного развития мусульманского поля республики: все большее число татар самоопределялись как мусульмане (при этом главным аргументом своей мусульманской идентичности объявлялось генетическое родство – «родился мусульманином»), началось активное строительство мечетей, стало заметно присутствие других атрибутов ислама – проведение религиозных мероприятий и праздников в театрах, на стадионах, проведение домашних меджлисов и т.п. Но в целом общий уровень интереса к религии ограничивался символическими и культурными аспектами.

¹ См.: Мусина Р.Н. Реисламизация татар как форма «религиозного национализма» // Ислам в России. – М., 1997. – С. 81–87.

Актуализацию мусульманской идентичности в то время можно рассматривать не как возрастающую религиозную активность населения и его возврат к вере, а скорее как повышение потребности в устойчивых культурно-цивилизационных характеристиках в жизни индивида и общества¹.

Быстрый рост количества мечетей в начале 1990-х происходил на фоне нехватки квалифицированных имамов. Основную часть духовенства составляли представители так называемого народного ислама. Большинство из них, особенно в селах, в одночасье из «неофициальных мулл», ставших официальными представителями духовных управлений на местах, не имели элементарного религиозного образования. Так, к началу 1990-х годов из 55 имамов 41 был старше 60 лет, только один из них обладал теологическим образованием университетского уровня, и лишь восемь имели образование среднего уровня². Имам для прихожан являлся авторитетом только в сфере выполнения религиозных обрядов, и основной массой верующих ислам воспринимался как система обрядов и элемент этнонационального самосознания.

Следующий этап – середина и вторая половина 1990-х годов – период институционализации ислама в Татарстане: укрепляется Духовное управление мусульман, растет число мечетей, религиозных организаций, формируется система религиозного образования. Именно на этот период приходится столкновение новых, молодых имамов, часто получивших зарубежное религиозное образование, с имамами старшего поколения, ориентированных в основном на обрядовый, народный ислам. В столкновении «традиционной» и «новой» интерпретаций ислама можно обнаружить социальные основания: это не только конфликт «отцов и детей», традиционного и нового, но и борьба за сферы влияния. Способность теологически подготовленных молодых имамов объяснить простым языком сложный язык Корана, дать ясные и понятные каждому наставления и духовные ориентиры, в отличие от формализованного и догматического подхода к учению «старых» има-

¹ См.: Российская повседневность в условиях кризиса. – М., 2009. – С. 134.

² См.: Понарин Э.Д. Потенциал радикального ислама в Татарстане / Современная татарская нация: Концептуальные исследования. – Казань, 2007. – С. 208.

мов, укрепляет их позиции и увеличивает число приверженцев¹. В этот период благодаря также все более увеличивающемуся информационному полю за счет религиозных средств массовой информации, интернет-ресурсов, широкого потока религиозной литературы все более тесных внутриконфессиональных контактов с зарубежными мусульманами во время хаджа, учебы за границей и других форм коммуникаций происходит популяризация исламских духовных ценностей, новое понимание ислама. Прежнее ее восприятие как народной, этнокультурной традиции в форме «обрядоверия» уже недостаточно для современного человека, который начинает понимать свое несоответствие внутренней духовно-нравственной сущности ислама, системе его социальных, мировоззренческих, вероучительных норм.

На рубеже 1990–2000-х годов фиксируется усиление «нормативного ислама»: увеличивается число приверженцев более глубокого его восприятия. Все более явно проявляется «новая» религиозность, характеризующаяся большей теологизацией сознания, особенно в среде городской молодежи, где начинает формироваться новая, исламская субкультура², для которой характерны строгое соответствие религиозным предписаниям в повседневной жизни, актуализированность социально-нравственного облика мусульманина, активная пропаганда ислама. Эта «новая» религиозность в меньшей степени связана с этническими интересами, чувствами, культурой³.

Некоторому дистанцированию этничности от ислама и приоритизации религии у современных татар немало способствовало снижение их национально-языковой компетентности в результате русификации языковой жизни общества и появления целой страты русскоязычных татар, не владеющих национальным языком. Определенную роль в этом сыграли также мощные мигра-

¹ См.: Сагитова Л.В. Институт семьи и традиция в процессе постсоветской реисламизации. Кейс средняя Елюзань // Этнологические исследования в Татарстане. Вып. 4. – Казань, 2010. – С. 278.

² См.: Титова Т.А., Гараев Д.М. Формирование исламской субкультуры в Казани на рубеже XX–XXI вв. – Казань, 2008. – С. 252–255.

³ Анализ этноконфессиональной и религиозной идентичности татар см. в: Мусина Р.Н. Ислам и проблемы идентичности татар в постсоветский период // Конфессиональный фактор в развитии татар. – Казань, 2009. – С. 86–100; Мусина Р.Н. Религия в структуре идентичности татар-мусульман // Традиции и новации в духовной и политической культуре постсоветского периода: Сфера этноконфессионального взаимодействия. – Казань, 2012. – С. 146–149; и др.

ционные потоки, нарушившие привычный национальный состав поволжских городов. Среди прихожан в мечетях все больше становится выходцев из Средней Азии, Северного Кавказа. Традиционный татарский язык проповедей все чаще заменяется русским.

В. Якупов, известный пропагандист традиционного для татар ислама, бывший заместителем муфтия ДУМ РТ, считал, что в эти процессах есть вина и татарской интеллигенции, которая «озабочена лишь реформацией ислама, т.е. весь смысл их усилий сводится к идее сконструировать “ислам” без намаза, без молитвенных обязанностей. Эти призывы существенно замедляют реисламизацию татар, которые отказываясь от намаза, покидают мечети, а их немедленно захватывают... южные коллеги... Эти процессы очень опасны для самой будущности татарской нации, для сохранения ее этнической составляющей... Без такого необходимого центра консолидации, как мечеть, собрать и сохранять народ очень проблематично»¹.

Новый этап развития ислама в республике связан с формированием богословского правового пространства. На первый план выходят сложные богословские проблемы, все более углубляется поляризация представлений о развитии ислама в татарском сообществе.

По мнению исламоведов, сегодня можно говорить о трех основных группах, имеющих существенное влияние на формирование религиозной ситуации в Татарстане: ханафитах – защитниках местных традиций ислама, суфиях-традиционалистах / неотрадиционалистах и салафитах. Кроме того, определенное влияние имеют небольшие группы ученых – модернистов / либералов, суфиев различных толков, включая нурсистов, топбашевцев, представителей запрещенных в РФ организаций «Хизб ут-Тахрир», «Джамаат ат-Таблиг»².

Два первых направления (ханафиты-традиционалисты и суфии) входят в группу неотрадиционалистов. Их главной характеристикой является принятие позитивной ценности местной традиции в противостоянии как западным ценностям, так и унитаристским исламским моделям, предлагаемым радикальными исламистами. Салафиты же представляют идеологию освобожде-

¹ Якупов В. Мера ислама. – Казань, 2004. – С. 25.

² См.: Алмазова Л.И. Современные религиозные дискуссии в Волго-Уральском регионе: О чем не могут договориться между собой мусульмане. – М.; Казань, 2012. – С. 332–333.

ния одновременно и от неисламского западного влияния, и от местных искажений «изначально чистых» религиозных представлений времен Пророка Мухаммада¹. Главные взаимные претензии неотрадиционалистов и салафитов заключаются в догматических противоречиях, обрядовых разногласиях, в этических несоответствиях².

Салафитская / ваххабитская форма ислама получает распространение в молодежном сообществе, в котором уживаются самые разные воззрения – от умеренности до радикализма и экстремизма. Пока радикализация ограничивалась рамками салафитских общин, у властных органов не возникало серьезных оснований для принятия каких-либо мер в отношении этих общин. Попустительское отношение к ним до определенного времени со стороны официальных исламских институтов в лице духовных управлений известный исламовед, ректор Российского Исламского университета Р.М. Мухаметшин в первую очередь объясняет тем, «что многие нынешние муфтии свои позиции укрепили за счет “арабских” денег. А с другой стороны, они сами так же далеки от традиционных для мусульман региона исламских ценностей». «Салафизм для них, – считает Мухаметшин, – ассоциируется с религиозными ценностями, которые формировались в полноценном мусульманском обществе и поэтому вполне способны быть формой исламского возрождения в регионе».

Глубокий и вдумчивый социолог Е.А. Ходжаева, исследуя процесс исламизации современной молодежи, приходит к следующему выводу: «В условиях навязанной со стороны СМИ интерпретации сторонников ваххабизма как социальной почвы для радикально-экстремистских идей и терроризма верующая молодежь вынуждена оправдывать себя и свою веру, подчеркивая:

– либо сконструированный характер этого ярлыка, который навешивается на любого мусульманина или мусульманку: “Слова ваххабизм вообще не должно быть. Людей следует разделять на хороших или плохих” (Набережные Челны, 2001 г., жен, 19 л.);

– либо оправдывая верующих, причисляющих себя к этому направлению, при этом дистанцируясь от них: “Ваххабизм – это течение ислама... Это не учение, которое призывает, к... плохому,

¹ См.: Алмазова Л.И. Современные религиозные дискуссии в Волго-Уральском регионе: О чем не могут договориться между собой мусульмане. – М.; Казань, 2012. – С. 333.

² См.: Там же. – С. 334.

нечеловеческому. Такое же течение, которое призывает верить в Аллаха, и нет там особой такой плохой стороны, чтобы противоречила той жизни, в которой мы живем. То, что там призывает, это все то, что полезно человеку” (Казань, 2000, жен., 22 г.);

– либо указывая на то, что слово “ваххабизм” стало удобным маркером всех несогласных и экстремистски настроенных групп, которые не имеют ничего общего с “настоящими мусульманами”¹.

Р.М. Мухаметшин во время пресс-конференции, организованной электронной газетой «Бизнес онлайн», также говорил о сложности определения идеологической направленности религиозных взглядов современной молодежи: «Когда молодому человеку говорят, что он – салафит, он обижается, потому что таковым себя не считает. Может быть, в каких-то вопросах он придерживается ханафитского мазхаба, но некоторые мировоззренческие аспекты у него сложились под влиянием других учений. Поэтому богословская картина очень пестрая, – они считают себя ханафитами, считают себя правыми. Хотя в каких-то вопросах они совершенно не ханафиты. И в этом заключается основная проблема, которая осложняет работу с ними»².

Фактический уход с политической арены татарского национального движения, вытеснение национальной составляющей исламистской, нарастание конфликта между традиционалистами-бабаями и салафитизированной молодежью происходят параллельно с усилением экстремистской агитации на интернет-форумах и в социальных сетях.

Таким образом, Татарстан постепенно становится ареной столкновения традиционной для татар формы ислама – толерантного ханафитского мазхаба и привнесенных из-за рубежа радикальных течений религиозного фундаментализма. В течение последних лет на территории республики произошло несколько преступлений, связанных с деятельностью экстремистских групп. В основном это члены Казанской ячейки международной террористической организации «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», приверженцы идеологии «Ат-такфир валь-хиджра». Были выявлены также факты деятельности на территории республики сторонников

¹ Ходжаева Е.А. Религиозность мусульманской молодежи в перспективе количественного и качественного исследования // Этносоциология в РТ.

² URL: <http://www.business-gazeta.ru/article/77068/> (дата обращения: 20.03.2013).

радикальных течений в исламе «Ахль ас-Сунна (Последователи сунны)», «Таблиги Джамаат», салафитского движения в исламе¹. Наивысшей точкой религиозного противостояния стали произошедшее в Казани 19 июля 2012 г. покушение на жизнь председателя Духовного управления мусульман Илдуса Файзова и убийство его экс-заместителя Валиуллы Якупова, которые были приверженцами традиционной для татар школы ханафитского мазхаба и решительными противниками радикальных форм зарубежного ислама и проводили политику деваххабизации республиканского религиозного пространства.

На внеочередном заседании Госсовета, собравшемся после этого трагического события, вице-премьер правительства Татарстана А. Сафаров заявил: «Произошедшие в Казани 19 июля события должны всех нас мобилизовать. Только при тесном взаимодействии религиозных организаций, органов государственной и муниципальной власти, а также институтов гражданского общества и СМИ можно добиться позитивных результатов, обеспечить мир, спокойствие и благополучие татарстанцев». Он отметил, что следует добиваться формирования общего понимания ситуации, вести совместную целенаправленную работу – силами государства и всего общества².

Сможет ли традиционная для татар форма ислама выступить в этой ситуации сдерживающим фактором процессов радикализации? Здесь еще раз уместно напомнить о том, что именно в рамках этого ханафитского мазхаба «татарский» ислам функционировал с довольно заметным этническим компонентом, который помог ему выстроить гибкую модель, сочетающую приспособляемость и выживание. «Татарский» ислам – по сравнению с «северокавказским» – действительно более толерантный, не случайно его иногда называют евроисламом. В отличие от радикального исламизма, традиционному для татар исламу ханафитского мазхаба свойственны лояльность к российскому светскому государству, уважительное отношение к другим традиционным конфессиям, сформировавшиеся благодаря многовековому опыту совместного проживания в инорелигиозной среде.

¹ URL: <http://news.mail.ru/inregions/volgaregion/16/politics/9799970/> (Дата обращения: 3.08.2012.)

² Татар-информ. Казань, 3 августа 2012 г. URL: <http://news.mail.ru/inregion/volgaregion/16/politics/9799707/>

Таким образом, процесс реисламизации татар рубежа XX–XXI вв. имеет достаточно сложный, неоднозначный характер. Возрождение ислама происходит в двух ипостасях: как народной традиции и как мировоззрения. Для первого десятилетия постсоветского периода в большей степени характерен процесс этноконфессионализации, основанный на взаимосвязи и взаимообусловленности этнического и конфессионального в самосознании, нормативных представлениях, праздничной и бытовой культуре народа, восстановлении традиционного для татар мусульманского статуса. Мусульманская идентичность татар тогда чаще имела этноконфессиональный характер, сейчас «мусульманство» татар все более стало наполняться собственно религиозным содержанием.

*Гражданская, этническая
и региональная идентичность: Вчера, сегодня,
завтра / Рук. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижеева. –
М., 2013. – С. 119–125.*

И. Бабич,

главный научный сотрудник
(Институт этнологии и антропологии РАН)
**«МЯГКАЯ ИСЛАМСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»
В СОВРЕМЕННОЙ АДЫГЕЕ**

24 ноября 2012 г. состоялся очередной съезд мусульман Адыгеи и Краснодарского края в г. Майкопе. Предыдущий съезд проходил 12 ноября 2008 г. Как нам представляется, данный съезд стал «судьбоносным» для будущего возрождения ислама в Адыгее: на съезде произошла смена дальнейшей парадигмы религиозной жизни в республике. На мероприятие были приглашены 225 делегатов, но присутствовали лишь 177 человек (из числа зарегистрированных)¹. Информация о съезде, опубликованная в газете Духовного управления мусульман Республики Адыгея и Краснодарского края (ДУМ РА и КК), отчасти разнится с той, полученной мною лично во время моего присутствия на съезде². Согласно газете, присутствовали 176 делегатов из 201 заявленных.

В ходе съезда нынешним муфтием ДУМ Н. Емижем был сделан отчетный доклад. Прежде всего он отметил, что организацией данного мероприятия занимался Оргкомитет во главе с одним из «молодых мусульман» Ибрагимом Шхалаховым³, однако Н. Емиж не принимал в этом участия. Ибрагим Шхалахов (1975 г.

рожд., аул Б. Псеушко Туапсинского района) в 1993 г. окончил Морское профессиональное техническое училище. В 2007 г. начал работать зам. муфтия в ДУМ РА и КК и имамом Соборной мечети г. Майкопа. Любопытно, что он едва ли не единственный среди тех, кто был отправлен на учебу в исламские институты в Сирию и Саудовскую Аравию, и кто окончил учебное заведение⁴. В своем докладе Н. Емиж отчитался о деятельности и финансовом состоянии ДУМ РА и КК. Вопросов и замечаний по его работе и работе ДУМ у делегатов не было. Сам Нурби акцентировал внимание на любопытном факте, что многие адыгейцы в последние годы предпочитают идти не в мечеть, а в различные «секты»⁵, поэтому еще в 2012 г. ДУМ РА и КК приняло следующее постановление: если член адыгейской семьи уходил в секту, то его и его членов семьи ДУМ РА и КК запретило хоронить на местном мусульманском кладбище⁶.

Ключевым событием съезда стали выборы нового муфтия. В ходе обсуждения данного вопроса на съезде сразу же сформировались две группы: одни выступающие предлагали голосовать за действующего муфтия – Н. Емижа, а другие – за «молодых», таким образом, граница прошла между мусульманами старшего и условно «молодого» возраста (около 40 лет). Среди претендентов на должность нового муфтия ДУМ РА и КК было четыре человека: действующий муфтий Н. Емиж, который был готов остаться на своей должности, имам мечети г. Майкопа А. Карданов, имам Соборной мечети РА И. Шхалахов, имам аула Мафехабль, репатриант из Косово Х. Мухамад. Трое последних являлись членами Оргкомитета по подготовке данного съезда мусульман РА и КК.

Среди претендентов на должность муфтия лидерскими качествами и амбициями выделялся Ибрагим Шхалахов. Тем не менее в последний момент, уже на самом съезде, он снимает свою кандидатуру, уступая место Аскербию Карданову – человеку, хотя и амбициозному, и близкому к республиканским органам власти, однако не глубоко образованному и обладающему скромными лидерскими качествами, скорее мягкому и интеллигентному. В своем выступлении в качестве претендента на должность муфтия РА и КК И. Шхалахов сказал, что пришло время «дать дорогу молодым». Всем трем претендентам около 40 лет. Х. Мухамад также снял свою кандидатуру в пользу А. Карданова. В результате открытого голосования 44 человека были за Н. Емижа и 125 человек – за А. Карданова.

По нашему мнению, выборы новым муфтием А. Карданова являются «переходным этапом» «мягкой исламской революции» в

РА и КК: в настоящее время к власти внутри исламской общины Адыгеи пришли «молодые мусульмане». Для переходного периода был выбран более нейтральный кандидат, который, по нашему мнению, стал скорее формальным лидером, чем реальным. В действительности, духовная власть перешла к новому Совету ДУМ, в который и вошли более сильные исламские лидеры – члены Оргкомитета по подготовке съезда, а также кандидаты на должность нового муфтия – И. Шхалахов и Х. Мухамад. И. Шхалахов остался на должности зам. муфтия ДУМ РА и КК. И именно эти исламские лидеры стали главными действующими лицами в новой исламской действительности в РА после декабря 2013 г., поэтому неслучайно интервью газете «Аргументы и факты» 26 октября 2013 г. о положении дел в исламской общине Адыгеи и Краснодарского края давал не муфтий, а зам. муфтия ДУМ РА и КК И. Шхалахов. Любопытно, что в ходе выборов на съезде членов нового Совета ДУМ РА и КК Н. Емижу было предложено войти в его состав, однако тот отказался от этого.

Очевидно, что на данном съезде демократическим путем произошла смена власти в ДУМ РА и КК – к руководству пришли новые мусульманские силы – так называемые «молодые мусульмане», которые отстаивают право на собственные методы, формы и видение исламского возрождения в РА, во многом отличные от тех, которые использовал Н. Емиж⁷. Таким образом, закончилось 12-летнее правление ДУМ РА и КК Нурби Емижа. Рассмотрим в данной статье, каковы результаты деятельности Н. Емижа на посту муфтия и его команды и каков предполагаемый, а во многом уже и реальный, вектор деятельности нового муфтията.

Прежде всего подчеркнем, что подобная борьба «за власть» внутри исламского сообщества и исламских институтов характерна для многих республик Северного Кавказа, в частности, мы ее наблюдали в течение последних 10–15 лет в Кабардино-Балкарии, где так называемые «молодые мусульмане» в лице А. Астемирова, М. Мукожева и др. стремились к «легальному» получению «исламской власти» в республиканском муфтияте (используя исключительно допустимые российскими законами методы воздействия на мусульманское сообщество), между тем потерпели поражение, перейдя на нелегальное положение и обратясь к насильственным методам борьбы, что закончилось их полным разгромом со стороны республиканских и федеральных силовых и властных структур⁸. Встает закономерный вопрос: почему в Кабардино-Балкарии случилось «поражение» «молодых мусульман», а в Республике Ады-

гея имел место спокойный и достаточно мирный «переход» власти в их руки? В чем сходство и различие сложившихся обстоятельств, связанных с противостоянием мусульман старшего и более молодого поколения в этих двух республиках Северного Кавказа? И главное – будут ли различия в развитии дальнейших событий?

На протяжении всех лет нахождения на посту муфтия Н. Емиж проводил определенную и достаточно продуманную политику в области исламского возрождения в РА. В своей работе он проявлял большое внимание и поддержку ученых, и мы всегда чувствовали его доброжелательный настрой и честное отношение к своей работе, к исламским общинам. В 2002–2006 гг. мы много беседовали с муфтием РА и КК Нурби Емижем.

В своих беседах мы не раз обсуждали вопрос о «противостоянии» мусульман разных поколений, о его неизбежности, особенно после известных событий в г. Нальчике в октябре 2005 г., когда имела место быть вооруженная борьба так называемых «молодых мусульман» против исламской и более республиканской власти в Кабардино-Балкарии. Мы обсуждали с муфтием возможность развития подобного сценария в Адыгее. Н. Емиж был уверен в себе, в своем положении, в правильности выбора своего курса, считая, что выстроенная им сеть контроля и активной деятельности, в том числе и в области установления правильного и грамотного взаимопонимания со всеми мусульманами, позволит ему «удерживать» власть в своих руках и «контролировать» активность «молодых» мусульман.

Между тем в конечном итоге этого не произошло. «Молодые» мусульмане пришли к власти в ДУМ РА и КК, тем не менее переход власти в данном случае оказался не столь радикальным, как это имело место в Кабардино-Балкарии. Каковы причины этого? На наш взгляд, переход власти в руки молодых мусульман – это естественный и во многом неизбежный процесс, который вряд ли можно предотвратить, оставаясь в легальном, правовом поле. Н. Емиж как человек, разумеется, опытный и дальновидный, это хорошо понимал, и передача им власти в руки молодых мусульман произошла вполне достойно и грамотно. Его безусловной заслугой является то, что, предвидя эту ситуацию, правильно оценив все ее возможные последствия, он не начал борьбу с молодыми мусульманами, используя методы «обвинения молодежи в радикализме» и необходимости борьбы с ней с помощью силовых и властных ресурсов, как это имело, по нашему мнению, место в Кабардино-Балкарии⁹.

Итак, прошел год деятельности нового состава ДУМ РА и КК. Каковы тенденции в жизни мусульман РА и КК? В отличие от Н. Емижа, который много работал со старшим поколением, стараясь внедрять среди них исламские традиции, который много работал именно со старшим поколением, борясь со сложившимися в начале 1990-х годов «странными» похоронными традициями с не национальными и неисламскими элементами, новое руководство Духовного управления мусульман во многом оставило стариков в покое и в настоящее время ориентировано исключительно на молодежь. Об этом свидетельствует интервью зам. муфтия ДУМ РА и КК И. Шхалахова газете «Аргументы и факты»¹⁰. Ибрагим говорит: «Новому поколению мы хотим дать правильное представление об исламе. Поэтому мы читаем лекции, проводим уроки, обращаемся к прихожанам с проповедями, проводим выездные проповеди, беседуем с ребятами...». Ключевым в деятельности нового муфтията становится образование молодежи, т.е. работа с религиозным сознанием, религиозными знаниями и поведением молодого поколения. Проведенное нами интервью с нынешним муфтием А. Кардановым показывает правдивость слов И. Шхалахова. Еще во время подготовки съезда новый Оргкомитет, в который входили члены будущего муфтията, проводил большую работу в районах республики именно среди молодого поколения для привлечения их на свою сторону. По мнению И. Шхалахова, в настоящее время слабо «охваченными» остались еще Шовгеновский и Красногвардейский районы Адыгеи¹¹.

По мнению муфтия, в настоящее время в РА всего пять образованных имамов, поэтому ДУМ планирует собирать районных имамов и проводить для них лекции образовательные по исламу. По подсчетам муфтията, таких набирается около 45 человек. Причем, зам. муфтия подчеркивает трудности проведения работы среди молодежи, поскольку огромное влияние на молодежь оказывает Интернет и это влияние не всегда сочетается с теми принципами, которые стремятся «внедрить» в умы и сердца молодежи Адыгеи и Краснодарского края члены муфтията. Как нам представляется, в настоящее время идет процесс своего рода «наращивания массы», во время которого новое руководство ДУМ стремится создать мощный фундамент своей поддержки среди молодого поколения на местах, в районах¹². Те же самые процессы имели место в конце 1990-х – начале 2000-х годов, когда «молодые мусульмане» Кабардино-Балкарии проводили мощную пропаганду своих идей и взглядов в сфере исламского возрождения. В республике была

создана целая система исламского образования и воспитания среди молодежи, которая имела позитивные для «молодых мусульман» последствия: в регионах сформировались многочисленные последователи не официального ДУМ КБР, а именно молодых лидеров А. Астемирова и М. Мукожева.

21 июня 2013 г. глава РА Аслан Тхакушинов встретился с представителями ДУМ РА и КК: муфтием – Аскарбием Кардановым, имамом Собо-Мафехабль Мухамеда Хасани¹³. Президент обсуждал с новыми лидерами вопрос о похоронных обрядах адыгейцев, которые бытуют последние 20 лет, считая, что многие из них не являются мусульманскими: проведение поминок 7 дней, 40 дней и годовщины смерти. Предыдущий муфтий Н. Емиж уделял много времени в «борьбе» против этих нововведений. Нынешнее руководство согласилось, что с этим надо бороться. Они также, как и Н. Емиж, проводят в различных районах республики встречи с населением по этому вопросу, однако довольно скоро «перевели» разговор с президентом РА на другие проблемы, которые их волнуют в большей степени, а именно: на открытие в Республике Адыгея собственного медресе – учебного заведения, которое будет готовить образованных имамов для работы в районах, а также проводить курсы для эфендиев. Президент РА А. Тхакушинов поддержал эту идею.

Заключение

Известные адыговеды Х.С. Ханаху и О.М. Цветков в своих работах по исламоведению в Адыгее прогнозируют в ближайшем будущем усиление конфликта между мусульманами старшего и молодого поколения, так называемыми «традиционными» и «молодыми» мусульманами¹⁴, однако, по нашему мнению, сценарий развития ислама в Адыгее будет несколько иным: «молодые мусульмане» уже победили, получив легально власть внутри исламской общины, и им уже нет необходимости вести борьбу со старшим поколением за сферы влияния. Имевшийся в прежние годы конфликт между «традиционными» и «молодыми» мусульманами все же лежал не в плоскости соблюдения обрядов, а в сфере борьбы за власть внутри исламского сообщества. Поэтому, как нам представляется, они скорее сконцентрируются на работе с молодежью, «обрабатывая» их сознание и душу в нужном для них направлении, оставляя старшее поколение в покое. Скорее всего, в ближайшей перспективе в Республике Адыгея произойдет некото-

рое усиление противоречий между Духовным управлением мусульман РА и КК, с одной стороны, и различными властными (а может быть и силовыми) институтами – с другой.

Примечания

- ¹ Полевые материалы автора, съезд мусульман РАН и КК (далее – ПЗА), 24.12.2012, Майкоп, Республика Адыгея.
- ² Состоялся очередной съезд мусульман Республики Адыгея и Краснодарского края // Свет. Газета ДУМ РА и КК – 2012. – № 7 (65).
- ³ www.adigea.aif.ru
- ⁴ Полевые материалы автора, Республика Адыгея, Т. 1, Д. 1, 25 ноября 2012 г.
- ⁵ Бабич И.Л. Протестантское движение в Адыгее // Бабич И.Л., Соловьева Л.Т. (отв. ред.). Христианство на Северном Кавказе: История и современность. – М., 2011. – С. 162–185.
- ⁶ ПЗА, 24.12.2012, Майкоп, Республика Адыгея.
- ⁷ Бабич И.Л. Республика Адыгея: Ислам и общество на рубеже веков // Центральная Азия и Кавказ. – 2004. – № 4. – С. 68.
- ⁸ Бабич И.Л. Антропология власти и ислам. – М., 2009; Бабич И.Л., Ярлыкапов А.А. Исламское возрождение в современной Кабардино-Балкарии. – М., 2003; Бабич И.Л. Современные исламские общины в Кабардино-Балкарии // Россия и мусульманский мир. – 2003. – № 7. – С. 48–61; Бабич И.Л. Современные исламские движения в Кабардино-Балкарии // Бабич И.Л., Ярлыкапов А.А. Исламское возрождение в современной Кабардино-Балкарии. – М., 2003. – С. 76–112; Бабич И.Л. Ислам и право в России // Бабич И.Л., Соловьева Л.Т. (отв. ред.). Ислам и право в России. – М., 2004. – Вып. 1; Бабич И.Л. (отв. ред.). Правовой статус ислама на Северном Кавказе. – Кабардино-Балкария, Адыгея, Краснодарский край // Ислам и право в России. – Вып. 3. – 2004.
- ⁹ Бабич И.Л. Современные исламские общины в Кабардино-Балкарии // Россия и мусульманский мир. – 2003. – № 7. – С. 48–61; Бабич И.Л. Современные исламские движения в Кабардино-Балкарии // Бабич И.Л., Ярлыкапов А.А. Исламское возрождение в современной Кабардино-Балкарии. – М., 2003. – С. 76–112.
- ¹⁰ Ибрагим Шхалахов. «Радикализация ислама исходит от малограмотных людей» // Аргументы и факты, 26 октября 2013 г // www.adigea.aif.ru
- ¹¹ Полевые этнографические материалы автора, Республика Адыгея, 2013 г., (далее – ЭМА), Т. 1, Д. 2, 8 ноября 2013, интервью с И.К.
- ¹² Полевые этнографические материалы автора, Республика Адыгея, 2013 г., (далее – ЭМА), Т. 1, Д. 1, 6 ноября 2013, интервью с Р.Ц.
- ¹³ Свет. Газета ДУМ РА и КК – 2013. – № 3 (68).
- ¹⁴ Ханаху Р.Х., Цветков О.М. Исламская община в Адыгее: Внутренняя динамика и перспективы эволюции (по итогам социологического исследования) // Вестник Адыгейского государственного университета. Вып. 1 (92). – 2012. – С. 132–138.

*Статья предоставлена автором для публикации
в бюллетене «Россия и мусульманский мир».*

И. Добаев,
доктор философских наук
(ЮФУ, Ростов-на-Дону)

А. Понеделков,
доктор политических наук
(Ростов-на-Дону),

Р. Гаджибеков,
политолог (Пятигорск)

ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ РАСКОЛА МУСУЛЬМАНСКОЙ ЭЛИТЫ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Ислам в Российской Федерации преимущественно локализован в его суннитской версии ханифитского толка. В то же время, практически до последнего времени исследователи четко дифференцировали два качественно отличающиеся друг от друга ареала распространения ислама – Поволжье, Урал и Западная Сибирь, с одной стороны, а с другой – Северный Кавказ. На Северном Кавказе за последние два десятилетия религиозно-политический экстремизм и терроризм стали суровой реальностью, поэтому сконцентрируем внимание именно на нем.

На Северном Кавказе, как и в других регионах России и мира, ислам не представляет собой монолита, но разобщен в рамках существующих направлений, толков и идейных течений. В регионе, как и в других субъектах РФ, доминирует его суннитская версия, относительно небольшое количество шиитов (по данным Комитета по делам религий Республики Дагестан около 45 тыс. человек) проживает в южной части этой северокавказской республики. Их невысокая численность и относительная политическая пассивность позволяет в ходе дальнейшего анализа вывести их за рамки рассмотрения.

Что касается толков (мазхабов, или правовых школ в исламе), то с этой точки зрения северокавказский ислам достаточно условно можно разделить на две части: на Северо-Западном и Центральном Кавказе (Адыгея, Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария и Северная Осетия-Алания) представлен ханифитский мазхаб, считающийся самым мягким и гибким в исламе. На Северо-Восточном Кавказе (Дагестан, Чечня и Ингушетия) преобладает шафиитский толк, более жесткий, чем ханифитский.

Однако самое значимое расслоение фиксируется на поле идейных течений в исламе (традиционализм, фундаментализм, мо-

дернизм), прежде всего по линии традиционализм – фундаментализм. Каждое из этих течений борется за усиление своего влияния на верующих. Модернистские тенденции в регионе пока еще крайне слабы и противоречивы, и существенной роли в общем раскладе сил не играют. Поскольку самой исламизированной республикой Северного Кавказа является Дагестан, то в дальнейшем в ходе аргументирования тех или иных положений мы будем в большей степени опираться на дагестанский исламоведческий материал.

Традиционный ислам представляет собой, прежде всего институционализированное мусульманское духовенство – административно-управленческий аппарат религиозных организаций – Духовные управления мусульман (ДУМ), а также подведомственные им структуры (мечети, исламские образовательные учреждения и др.). Эти исламские институты принято считать «официальным исламом», или, что характерно для восточной части региона, «мечетным исламом». На Северо-Восточном Кавказе имеется также еще и другая институционализированная группа традиционалистов – сторонники «немечетного ислама», представленные многочисленными вирдовыми, или мюридскими, братствами трех суфийских тарикатов (накшбандийа, кадирийа, шазилийа) во главе со своими руководителями – шейхами и устазами.

Традиционный ислам – сложное, многоуровневое и противоречивое явление. Он также далеко не един. В ДУМах, главных институтах «официального ислама», фиксируются конфликты интересов между отдельными служителями культа. В некоторых республиках, в частности в Дагестане, еще относительно недавно существовал целый ряд этнически ориентированных ДУМов. Имеются противоречия между духовными управлениями мусульман различных северокавказских республик. В рамках созданного в 1998 г. КЦМСК (координационный центр мусульман Северного Кавказа) между некоторыми муфтиями время от времени фиксируется всплеск борьбы за высший пост в данной структуре. Постепенно осуществляется ротация кадров «официального ислама», имамами мечетей, другими служителями мусульманского культа становятся люди, получившие образование за рубежом, а потому нередко являющиеся носителями далеких от традиционных в регионе ценностей.

Другим влиятельным отрядом традиционализма, влияющего на религиозно-политическую ситуацию в республиках Северо-Восточного Кавказа, является суфизм – мусульманский мисти-

цизм¹. Например, только в Дагестане действуют около 20 шейхов накшбандийского, шазилийского и кадирийского тарикатов. По этническому составу накшбандийский тарикат, в основном, исповедуют аварцы, даргинцы, кумыки, лезгины, лакцы, табасаранцы. Кадирийскому тарикату следуют чеченцы и андийцы. Шазилийский тарикат распространен среди аварцев и в меньшей степени – среди кумыков и даргинцев. Общее число активных суфиев в РД, по различным данным, составляет до 55 тыс. человек, причем примерно 75% из их числа проживают на севере и западе Дагестана. Наиболее влиятельным шейхом одновременно накшбандийского и шазилийского тарикатов, с наибольшим числом мюридов, до недавнего времени был Саид Ацаев (Саид-апанди Чиркейский), трагически погибший из-за самоподрыва «террористки-смертницы» в 2012 г. Авторитетом также пользуются Сиражутджин Исрафилов, Магомед-Мухтар Бабатов, Магомед Курбанов, Магомед-Гаджи Гаджиев, Магомед Рабаданов, Арсланали Гамзатов, Магомед-Халиб Рамазанов².

Суфизм также распространен в Чечне и Ингушетии, там действуют более 30 вирдовых братств накшбандийского и кадирийского тарикатов³. Более того, приверженность к суфизму у вайнахов более сильна, нежели у дагестанцев. Однако исследование суфийских структур здесь затрудняется закрытостью от посторонних вирдовых братств, потому исследовательская литература по проблеме в целом скромна. Подчеркнем также, что в центральной и западной части Северного Кавказа суфизм распространения не получил. Этим, по нашему мнению, и объясняется меньшая исламизированность данного кавказского субрегиона по сравнению с Северо-Восточным Кавказом как в историческом контексте, так и в наши дни. Вместе с тем на Северо-Восточном Кавказе отмечается напряженность в отношениях между различными суфийскими структурами, их шейхами и мюридами.

Отсюда следует, что традиционный ислам в регионе («мечетный» и «немечетный») калейдоскопичен, полон противоречий,

¹ См. о суфизме: Тримингэм Д.С. Суфийские ордены в исламе. – М., 1989; Шиммель Аннемари. Мир исламского мистицизма. – М., 2000; Эрнст Карл. Суфизм: Мистический ислам. – М., 2012.

² См. об этом: Абдуллаев М.А. Суфизм и его разновидности на Северо-Восточном Кавказе. – Махачкала, 2000.

³ См. об этом: Акаев В.Х. Ислам: Социокультурная реальность на Северном Кавказе. – Ростов н/Д., 2004; Он же. Суфийская культура на Северном Кавказе. – Грозный, 2011.

которые, помимо отмеченных выше, можно было бы артикулировать и дальше. Разумеется, все это не может не отражаться на настроениях и взглядах простых верующих, большинство из которых также можно отнести к традиционалистам. Северокавказский традиционный ислам в основном пребывает вне поля модернизационных процессов, фиксируемых в других «мусульманских» регионах России, прежде всего в Поволжье.

В постсоветский период фиксируется неуклонная политизация традиционного, прежде всего, «официального» ислама. Как правило, в этом процессе наблюдается взаимодействие властей и официального духовенства, их взаимное притяжение. Власти нередко используют мусульманскую риторику, пытаются опереться на авторитет ислама и служителей культа. Например, в 90-е годы XX в. среди представителей некоторых республиканских институтов власти существовало даже мнение о том, что «спасение» национальных республик лежит в плоскости ориентации исключительно на ислам¹. В свою очередь, мусульманские лидеры пытаются приобщиться к власти и властным структурам, заявляя, в частности, что только они способны противостоять исламским радикалам. Однако главной причиной политизации официального ислама стала их борьба с привнесенной извне салафийей, в ходе этой борьбы и произошла окончательная смычка светских властей с официальным мусульманским духовенством.

Одновременно неуклонно укреплялась инфраструктура официального ислама. В частности, только в Дагестане в 2010 г. действовали 2240 исламских организаций (из них 2220 суннитских: 1122 джума-мечетей, 699 квартальных мечетей, 178 молитвенных домов, 16 исламских высших учебных заведений, 15 их филиалов, 116 медресе, 94 мактаба, а также 20 шиитских объединений: семь центральных мечетей, шесть квартальных мечетей и семь молитвенных домов). Служителей исламских религиозных объединений (имамов, будунов, муэдзинов и др.) в этой республике – более 2500². Аналогичные показатели в других республиках,

¹ См., например: Асиятилов С.Х. Спасение Дагестана в Исламе. – Махачкала, 1989.

² Добаев И.П., Мурклинская Г.А., Сухов А.В., Ханбабаев К.М. Радикализация исламских движений в Центральной Азии и на Северном Кавказе: Сравнительно-политологический анализ // Южнороссийское обозрение. Выпуск № 60. – Ростов н/Д., 2010. – С. 169–170.

хотя и скромнее по сравнению с Дагестаном, также впечатляют, особенно по сравнению с советским периодом.

Исламские организации располагают собственными и подконтрольными СМИ. Например, Духовное управление мусульман Дагестана (ДУМД) имеет свой официальный печатный орган – газету «Ассалам», которая выходит на восьми языках (русском, аварском, даргинском, кумыкском, лезгинском, лакском, чеченском и табасаранском). По своей концепции и содержанию к этому изданию близко примыкает еженедельник «Исламский вестник», газета «Нур-ул ислам», журнал «Ислам». Электронные версии газет «Ассалам» и «Нур-ул ислам» размещаются в Интернете. В Дербенте выходит ежемесячная газета «Ислам в Юждаге». Исламские организации Дагестана также активно используют возможности республиканского телевидения и радио: передачи «Мир вашему дому» на русском языке в ГТРК «Дагестан», «Час размышлений» на «ГНТ-Махачкала», «Путь к истине» на ТВ «Центр-Махачкала» и на «ТВ-Чиркей». Некоторые передачи дублируются на каналах кабельного телевидения. Пропаганда ислама ведется на волнах радио «Прибой», «Сафинат» и др. В республике многотысячными тиражами издается религиозная литература, в том числе и на языках различных этнических групп. Кроме того, в РД до недавнего времени завозилось большое количество религиозной литературы на русском, арабском и других языках, изданной как в России (издательствами «Бадр» и «Сантлада»), так и за рубежом. По имеющимся данным, в обороте на территории этой республики находится около тысячи наименований исламской литературы. Впрочем, такая ситуация характерна, в той или иной степени, и для других субъектов Северного Кавказа¹.

Мусульманские объединения северокавказских республик, обладая широкой сетью организаций, опираясь на традиционные морально-нравственные ориентиры ислама, на авторитет духовных лидеров (алимов, шейхов) предпринимали активные шаги для усиления своего влияния на происходящие процессы в республиканских обществах. При этом укрепление позиций Духовных управлений мусульман в вопросах регулирования межконфессиональных отношений порождало централизацию религиозной власти и вместе с тем усиливало центробежные тенденции, углуб-

¹ Добаев И.П., Мурклинская Г.А., Сухов А.В., Ханбабаев К.М. Указ. соч. – С. 171–173.

ляло внутриконфессиональные разногласия и противоречия в мусульманских общинах.

Как уже отмечалось, главным оппонентом и антагонистом традиционалистов в регионе выступают фундаменталисты (салафиты, или неоваххабиты), идеалом которых является возврат к реалиям «золотого века» ислама (период жизни первых трех поколений мусульман, или период, связанный с жизнью и деятельностью Пророка Мухаммада и четырех «праведных» халифов) – шариатизация общественной жизни и воссоздание государственного образования в форме халифата. Противостояние традиционалистов и салафитов в итоге привело к повышенной исламизации республик, особенно на Северо-Восточном Кавказе, хотя в первой половине 90-х годов XX в. власти отмежевывались от поддержки какой-либо из сторон, считая это внутренним делом исламских организаций и их лидеров, якобы занимающихся теологическими спорами. Однако, начиная с середины 1990-х годов во многом благодаря усилиям Духовного управления мусульман Дагестана (ДУМД), где исключительным влиянием пользуются последователи местных ответвлений суфийских орденов накшбандийа, кадирийа и шазилийа, в межконфессиональное противостояние начинают вовлекаться представители федеральных и региональных властных структур, которые взяли курс на борьбу с «ваххабизмом»¹. С принятием в 1999 г. в Дагестане «антиваххабитского» закона светские власти этой, а затем и других северокавказских республик окончательно оформили союзнический альянс с представителями «официального» ислама.

Несмотря на некоторые негативные реалии и тенденции в традиционном исламе, федеральные и республиканские власти, и это в большей степени справедливо, рассматривают его как «толерантный ислам», заслуживающий признания и всемерной поддержки. Реально такой взгляд на вещи, в 90-е годы XX в. абсолютно верный, сегодня по многим позициям ошибочен. На деле традиционный ислам политизирован, а порой радикален и даже агрессивен практически во всех республиках Северного Кавказа, что чревато разрастанием внутренних трений и конфликтов, как непосредственно в среде традиционалистов, так и между традиционалистами с представителями других течений в исламе, прежде всего «ваххабизма» (точнее – «неоваххабизма»). Сказанное

¹ Бобровников В.О. Исламофобия и религиозное законодательство в Дагестане // Центральная Азия и Кавказ. – 2000. – № 2 (8).

актуально, в первую очередь, для Северо-Восточного Кавказа, где в традиционализме беспрецедентно важную роль играет суфизм, полнейший антипод «чистого» ислама (он же – «ваххабизм», «неоваххабизм», «северокавказский ваххабизм», исламизм и т.д.). Поэтому неудивительно, что в конкретных исторических условиях на Северном Кавказе «столкнулись две полярные формы идентичности: исходная “традиционная идентичность” и привнесенная религиозными экстремистами “ваххабитская” идентичность»¹. Еще раз подчеркнем, что суфизм и «ваххабизм» являются противоположными полюсами, главными антагонистами на северокавказском общеисламском поле, а потому конфликт между ними носит ценностный, непреходящий характер, решить который путем уступок и компромиссов вряд ли удастся.

Тем не менее в отсутствие модернизированного северокавказского ислама, у светских властей практически нет выбора. В условиях нарастания исламистских тенденций в противостоянии радикальным салафитам игнорировать традиционалистов нельзя, безоглядно же поддерживать и во всем им потакать – становится опасно. Как следствие, несмотря на все усилия властей, политизация и радикализация ислама не ослабевает, захватывая при этом все новые российские территории. В то же время следует подчеркнуть, что этот процесс на территории России начался именно в Дагестане.

Преждевременно ушедший из жизни талантливый дагестанский исламовед К.М. Ханбабаев (1956–2011) выделяет четыре этапа радикализации исламского движения в Дагестане². По его мнению, на начальной стадии (конец 80-х – 1991 г.) осуществлялся так называемый «исламский призыв», заключающийся во внедрении в массовое сознание дагестанцев основных идеологических посылов исламизма.

На второй, организационной стадии (1991–1999) фиксируется процесс институционализации радикальных группировок. Именно в этот период времени начиная с 1997 г. на «ваххабитов» обрушивается волна репрессий, что стало побудительной причи-

¹ Абдурахманов Д.Б., Акаев В.Х., Дадурев М.А. Северный Кавказ: Преодоление факторов этнополитической дестабилизации и достижение межнационального согласия // Южнороссийское обозрение. Вып. 76 / Под ред. Черноуса В.В. – Москва – Ростов н/Д., 2013. – С. 7.

² Ханбабаев К.М. Этапы радикализации исламского движения в Дагестане // Южнороссийское обозрение. Вып. 72. – Ростов н/Д., 2012. – С. 37–38.

ной переселения («хиджры») в 1998 г. наиболее решительно настроенных салафитов во главе с их идейным лидером Магомедом Кизилюртовским из Дагестана в Чечню, где в селении Урус-Мартан стал функционировать их центр. Там произошла полная консолидация дагестанских и чеченских «ваххабитов», причем влияние на этот процесс со стороны зарубежных экстремистов, особенно арабских, в тот период было беспрецедентным.

Третья, насильственная стадия (1999) началась с призыва к «джихаду», односторонне понимаемому как ведение вооруженной борьбы с «врагами ислама», и заключалась в борьбе за установление исламского порядка, насильственного захвата власти в Дагестане. В этой республике на волне вооруженного противодействия бандам, вторгшимся с территории Чечни, 16 сентября 1999 г. принимается Закон «О запрете ваххабизма и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан». Согласно этому закону все «ваххабиты» были фактически приравнены к экстремистам и террористам и поставлены вне закона. Между тем упомянутый закон был принят поспешно, на волне глубокого народного возмущения вторжением боевиков со стороны Чечни.

На четвертой стадии (с начала 2000-х по настоящее время) исламистские радикальные группировки, потерпев поражение в открытой борьбе, ушли в подполье, и перешли к терактам в отношении представителей государственных и муниципальных органов власти и управления, правоохранительных органов, простых граждан.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что, вопреки устоявшемуся мнению, фундаменталистские группировки на Северном Кавказе появились еще в 70-е годы XX в. в виде небольших по формату подпольных групп единоверцев, сложившихся в Дагестане, а их основателем был М. Кебедов (Мухаммед Кизилюртовский). В конце 80-х – начале 90-х годов на гребне горбачёвской «перестройки» они, выйдя из подполья, под мощным воздействием извне, стали активно развиваться. Этот процесс был резко усилен в ходе первой чеченской кампании (1994–1996), вследствие участия на стороне бандформирований многочисленной прослойки зарубежных «моджахедов», а также отдельных радикально настроенных представителей других северокавказских республик. В период «чеченского межсезонья» (1996–1999) фундаментализм фактически прошел институционализацию на территории непризнанной Чеченской Республики Ичкерия. В ходе второй чеченской кампании произошел процесс «растекания» салафитов на всем северо-

кавказском пространстве, предопределив последующий сложный ход политического процесса в регионе.

Поскольку предложенная К.М. Ханбабаевым характеристика этапов политизации и радикализации ислама наиболее адекватно отражает процессы в Дагестане, но не в полной мере учитывает происходящее в других северокавказских республиках, а тем более далеких от этого макрорегиона некоторых субъектах РФ, представляется целесообразным предложить несколько отличающиеся от вышеприведенных этапы политизации и радикализации ислама в Российской Федерации. Тем более что религиозно-политические процессы последних двух-трех лет внесли серьезные качественные изменения в структуру и географию распространения исламизма и его крайних форм. Итак, представляем нашу версию периодизации радикализации российского ислама:

1. 70-е – начало 90-х годов XX в. знаменует собой первый этап. Первоначально в Дагестане, не без влияния извне, появляются молодежные салафитские группировки, идет процесс осмысления их адептами зарубежного салафитского наследия, а первым «наставником» выступает уже упоминавшийся Магомед Кизилюртовский. Силовые структуры выявляют и «мягко» пресекают деятельность этих группировок.

2. Начало 90-х годов – 1994 г. Фиксируется воссоздание и практическая легализация дагестанских салафитских группировок, которые осуществляют так называемый «салафитский призыв» путем создания исламистских кружков, где их участники детально изучают такие понятия, как «такфир» и «джихад», в их специфической «ваххабитской» интерпретации. В этот же период в России при посольствах некоторых мусульманских стран создаются «культурные центры», фиксируется ввоз в страну и распространение исламистской литературы. Одновременно аналогичная литература в массовом порядке начинает издаваться на местах (например, издательство «Сантлада» в селе Первомайское Хасавюртовского района Дагестана). В Россию начинают прибывать миссионеры, проповедники и зарубежные «преподаватели» мусульманских дисциплин, одновременно начинается выезд для получения исламского образования за рубежом российской мусульманской молодежи. Первые два периода основной территорией исламизации выступает Дагестан.

3. Декабрь 1994 г. – начало 2000-х годов характеризуется доминированием Чечни в процессе радикализации северокавказского ислама. Чеченские войны, как и трехлетний перерыв между

ними, сопровождалась концентрацией в этой республике зарубежных «моджахедов», преимущественно арабов, с серьезной идеологической, финансовой и иной подпиткой со стороны зарубежных исламистских центров. На территории Чечни функционировали специальные учебные центры по подготовке боевиков – самый известный под селением Сержень-Юрт в Шалинском районе, который возглавлял известный зарубежный террорист Эмир Хаттаб, близкий к лидеру «Аль-Каиды» Усаме бен Ладену. В 1998 г. в Чечню из Дагестана переезжают радикальные исламисты со своим лидером – М. Кизилюртовским, происходит консолидация зарубежных, чеченских, дагестанских салафитов, а также их единомышленников из других северокавказских республик. В 1999 г. позиции салафитов в Чечне настолько окрепли, что они решились на агрессию в дагестанском направлении, где их боевые структуры были разгромлены.

4. Сентябрь 1999–2007 гг. Этап характеризуется началом второй чеченской кампании, разгромом боевых подразделений сепаратистов, переходом их к партизанской войне. В этот период Чечня остается эпицентром сосредоточения радикальных исламистов, хотя ее лидерами артикулируются еще вполне светские сепаратистские проекты в рамках конструирования так называемой ЧРИ (Чеченская Республика Ичкерия). В этот же период наблюдается процесс «растекания джихада» практически по всей территории Северного Кавказа. Речь идет о распространении идеологии радикального исламизма, институционализации собственных неправительственных религиозно-политических организаций и группировок, появлении и разрастании инфраструктуры «джихада» (схроны, блиндажи, бункера и т.п.), ведении специфической политической диверсионно-террористической практики, в том числе далеко за пределами Северо-Кавказского региона. Происходит трансформация структур боевиков, которая постепенно приобретает сетевой характер.

Значимым на данном этапе представляется то, что если в 90-е годы XX в. северокавказские «ваххабиты» были представлены умеренно-радикальной и ультрарадикальной составляющими, то в ходе второй чеченской кампании местная салафийя выродилась исключительно в религиозно-политический экстремизм, на базе которого развилось террористическое движение, прикрывающееся исламским вероучением. Тем не менее умеренные радикалы, хотя и в меньшем количестве, еще присутствуют на Северном Кавказе. Однако власти, не умея или не желая отличать умеренных

от ультрарадикалов, осуществляют в отношении них одинаково жесткие силовые меры. Такой подход сокращает и без того узкую прослойку умеренных радикалов, постепенно переходящих на экстремистские позиции.

5. 2007 г. – настоящее время. Пришедший к власти в виртуально существующей Чеченской Республике Ичкерия новый лидер – Доку Умаров – объявил о завершении националистического плана построения ЧРИ и одновременно обнародовал новый геополитический проект – «Имарат Кавказ». Согласно ему, на Северном Кавказе на исламистских принципах функционирования создается новое государство – «Имарат Кавказ», управление которого осуществляется по образу и подобию исламских государств прошлого (Халифаты). В свою очередь, помимо соответствующих центральных институтов власти и управления, в «Имарат» на правах провинций входят так называемые «вилайеты» – конкретные республики Северного Кавказа, а в перспективе и другие регионы России. В свою очередь, указанные «вилайеты» состоят из секторов, в составе которых действуют первичные исламистские группировки – так называемые «джамааты», представляющие собой, по сути, диверсионно-террористические группировки, иначе говоря – банды.

6. Конец первого десятилетия – начало второго десятилетия XXI в.: наблюдается распространение влияния «Имарата» и его лидеров на другие «мусульманские» территории – в Поволжье, Урале и Западной Сибири, прежде всего на Татарстан.

7. Последние год-два: появление исламистских группировок в «исламских анклавах»¹ в немусульманских субъектах страны, группирующихся вокруг появляющихся на этих территориях мечетей, что следует считать новейшей тенденцией в процессе радикализации отечественного ислама, заключающейся в расползании метастаз исламизма по территории страны. Аналогичные процессы ранее имели место в США и некоторых государствах Западной Европы².

¹ О «мусульманских анклавах» см. подробнее: Милованов Ю.Е. «Анклавизация» территорий Северо-Кавказского региона: Содержание процесса и проблемы исследования. – Ростов н/Д., 1999.

² См. об этом: Добаев И.П. Экстремистские группировки в США: Исламский фактор // Мировая экономика и международные отношения. – 2007. – № 1; Он же. Исламизация Европы: Миф или реальная угроза? // Мировая экономика и международные отношения. – 2008. – № 4.

Совершенно очевидно, что последние три этапа радикализации ислама и исламского движения напрямую затрагивают уже не только Северный Кавказ, но и другие регионы России, формируют качественно новую структуру исламистских группировок, подготавливают почву для разработки более грандиозных геополитических планов по переформатированию политического поля страны. Именно поэтому они нуждаются в более подробном осмыслении и описании. Если проигнорировать эту негативную тенденцию, вряд ли можно будет правильно расставить акценты в деле усиления борьбы с этим разрушающим российскую государственность религиозно-политическим явлением.

Итак, 7 октября 2007 г. новый лидер непризнанной Ичкерии Доку Умаров заявил о сложении президентских полномочий и назначил себя верховным правителем – «амиром моджахедов Кавказа», «предводителем джихада», а также единственной законной властью на всех территориях, где есть моджахеды. В перспективе – на весьма обширных и удаленных от Северного Кавказа территориях – вплоть до Татарстана и даже Бурятии¹. Таким образом, идея национальной независимости была заменена доктриной освобождения от «власти неверных». Как было заявлено, целью создания Имарата Кавказ является установление шариатского правления на всей территории Северного Кавказа².

По территориальному устройству «Имарат Кавказ» состоит из ряда входящих в него субъектов – вилайетов (в переводе с турецкого «вилайет» – область, провинция). Первоначально он был разделен на шесть вилайетов: Дагестан, Нохчий (Чечня), Галгайче (Ингушетия), Иристон (Северная Осетия-Алания), Ногайская степь (Ставропольский край), а также объединенный вилайет Кабарды, Балкарии и Карачая³. В мае 2009 г. вилайет Иристон был включен в состав вилайета Галгайче. «Имарат Кавказ» располагает своим представительным органом – «Маджлис уль-Шура», а также разнообразными функциональными структурами, среди которых – военное ведомство, спецслужбы, шариатский суд, «министерство» по связям с общественностью и т.д. В достаточно независимом от

¹ Новая газета. – 2010. – № 22. – 3 марта.

² Романченко Н.Е. Институционализация современных радикальных неправительственных религиозно-политических организаций на Северном Кавказе // Южнороссийское обозрение. Вып. 68. – Ростов н/Д., 2011. – С. 97.

³ Боброва О. Имарат Кавказ. Государство, которого нет // Новая газета. – № 22. – 2010. – 3 марта.

«центрального аппарата» «Имарата» пребывают сетевым образом оформленные салафитские «вилайеты» со своими «амирами», которые, в свою очередь, не жестко замыкают на себя структуры так называемых «секторов», а те – конкретные бандгруппы, именуемые салафитами «джамаатами».

Таким образом, в своей совокупности на Северном Кавказе сложился крупный, но достаточно автономный сетевой террористический кластер, который с другими аналогичными сетевыми структурами в различных регионах мира объединяет лишь, как правило, общность идеологических положений и целей. При этом «сегодня в регионе... сложилась разветвленная сетевая террористическая структура, обладающая такими специфическими институтами, как судебная власть (кадии), хорошо отработанной фискальной системой, а также исполнительной властью в лице так называемых “амиров” различных уровней, от “джамаата” – до “Имарата”...»¹, а живучесть сложившейся системе придает сращивание идеологии радикального исламизма с северокавказскими традиционными социальными институтами и сложившимися современными общественно-политическими условиями.

Диверсионно-террористическая активность «Имарата» и входящих в нее структур резко возросла, особенно в преддверии, в ходе и по завершению «пятидневной войны», когда грузинский режим Саакашвили предпринял очередную попытку обеспечить территориальную целостность Грузии военным путем. Например, в 2009 г. на территории Южного федерального округа, в состав которого в тот период времени входил весь Северный Кавказ, «было совершено 641 посягательство на жизнь сотрудников правоохранительных органов и военнослужащих (в 2008 г. – 491, рост составил 30%). Только в 2009 г. по Южному федеральному округу погибли: 251 сотрудник правоохранительных органов и военнослужащих, а также 32 гражданских лица (в 2008 г. – соответственно 210 силовиков и 12 гражданских), ранены 727 сотрудников и 85 гражданских лиц (в 2008 г. – 484 силовика и 68 гражданских)». В 2010 г. было «зафиксировано 273 взрыва и 492 обстрела, подорвали себя 14 террористов-смертников. В результате погибли 410 человек, а более тысячи получили ранения»².

¹ Боброва О. Имарат Кавказ. Государство, которого нет // Новая газета. – № 22. – 2010. – 3 марта.

² Как заткнуть за пояс шахида? // Московский Комсомолец. – 2010. – 24 февраля.

Уровень террористической преступности остается высоким и в настоящее время, особенно в Дагестане, Ингушетии, Кабардино-Балкарии и Чечне. Так, за последние три года (2010–2012) на Северном Кавказе зафиксировано более тысячи совершенных акций террористического характера, в том числе в Дагестане – 732 (соответственно по годам – 310, 229, 193), Ингушетии – 253 (161, 46, 46), Кабардино-Балкарии – 222 (131, 46, 45), Чечне – 198 (149, 32, 17)¹. Отсюда следует, что в указанных субъектах РФ в 2010 г. было совершено 751, в 2011 г. – уже 353, а в 2012 г. – 301 преступление террористического характера. Таким образом, в последние годы наблюдается неуклонное падение уровня террористической активности, тем не менее эти показатели остаются все еще чрезвычайно высокими. Особенно это касается Дагестана, в последние два года практически не уменьшается число терактов в Ингушетии и Кабардино-Балкарии, и только Чечня демонстрирует позитивную динамику, что, безусловно, связано с эффективностью осуществления в этой республике антитеррористической деятельности.

Под сильным воздействием извне, в том числе с Северного Кавказа, началась радикализация ислама в Поволжье, прежде всего в Татарстане. Здесь уже в 1993 г. дирекция новообразованного набережно-челнинского медресе «Йолдыз» заключила договор о содействии образовательному процессу с «благотворительной» организацией «Тайба» из Королевства Саудовская Аравия. Как следствие, медресе было превращено в центр по подготовке религиозных радикалов. Результат не замедлил сказаться: осенью 1999 г. выпускник этого медресе Денис Сайтаков оказался в числе организаторов терактов в Москве. Позднее другие учащиеся медресе оказались причастными к нескольким подобным акциям. Кроме того, были обнародованы факты сотрудничества руководителей этого учебного заведения с чеченскими «полевыми командами» Басаевым и Хаттабом, которые предоставляли учащимся «Йолдыза» возможность пройти соответствующую «практику» в Чечне². В начале 2000-х, помимо Набережных Челнов, были обнаружены аналогичные структуры молодых радикалов в Альметьев-

¹ Личный архив автора.

² Аргументы и факты. Регион. – 2000. – № 4, 5.

ске, Нижнекамске, Кукморе, а также и в других населенных пунктах Татарстана¹.

Как подчеркивает татарский исламовед Р. Сулейманов, «новейшая история исламского терроризма в Татарстане началась с первых терактов на газопроводах в 2003–2005 гг. в сельских районах. Затем в республике появились свои “лесные” боевики в Нурлатском районе Татарстана, где вооруженная банда фундаменталистов постаралась организовать подполье в местном лесу по типу северокавказского»². Действительно, 25 ноября 2010 г. в Нурлатском районе Татарстана силами МВД республики при личном участии министра внутренних дел РТ генерала А. Сафарова была ликвидирована вооруженная банда боевиков, намеревавшихся создать в лесистой части закамской зоны республики свою опорную базу³. Именно тогда стало окончательно ясно, что в Республике Татарстан возникли устойчивые группы радикальных салафитов, при этом обнаружилась непосредственная взаимосвязь между ними, а также этнонационалистами и представителями криминального мира. Так, глава МВД республики, впервые открыто признав факт сращивания исламистов с представителями организованных преступных группировок (ОПГ), отметил: «Мы отмечаем трансформацию организованной преступности, поскольку идет выделение в преступной среде группировок, сформированных по религиозному принципу, а особую активность в исламизации участников преступных группировок проявляют сторонники так называемого салафитского (ваххабитского) течения»⁴. Кроме того, как подчеркнул генерал, исламисты-салафиты ведут постоянную проповедническую деятельность в мечетях, местах лишения свободы и в криминальной среде, ежегодно вовлекая в свои ряды десятки лиц. Однако, в отличие от обычных ОПГ, «мусульманские бригады» не противоборствуют друг с другом. Они соли-

¹ Силантьев Р.А. Распространение ваххабизма в современной России // Вестник Челябинского государственного университета. № 16 (154). История. – 2009. – С. 168–169.

² Сулейманов Р. Исламский терроризм в современном Татарстане: Ваххабизм на практике // АПН. – 2012. – 25 июля.

³ Сулейманов Р.Р. Ваххабизм в Татарстане в постсоветский период в свете влияния внешних факторов // Проблемы национальной стратегии. – 2013. – № 1 (16). – С. 177.

⁴ Руководитель МВД Татарстана признал опасность ваххабизма в республике // Regnum: Информ. агентство. – 2010. – 16 дек. URL: <http://www.regnum.ru/news/1357240.html>

дарны и поддерживают связи, часто пользуясь поддержкой «братьев по вере» из других аналогичных группировок. «Объединенные одной идеологией и хорошо организованные, неукоснительно соблюдающие требования конспирации, имеющие криминальный опыт, члены организованных преступных формирований, принявшие салафизм, представляют сегодня реальную угрозу», – признал Асгат Сафаров¹.

В том же 2010 г. лидер северокавказских радикальных исламистов «амир Имарата Кавказ» провозгласил о появлении так называемого «вилаята Идель-Урал», который охватил территорию современного Поволжья и Урала². Вслед за этим появляется бандподполье со своим «амиром вилайета». Следствием длительного процесса институционализации подполья стало увеличение числа салафитов, их структурного оформления.

По мнению экспертов, сегодня в Татарстане насчитывается около 3 тыс. салафитов и салафитствующих³. Однако их количество неуклонно пополняется: только в Саудовской Аравии обучаются 120 татар, а в 2011 г. без уведомления ДУМ РТ в эту страну, родину ваххабизма, отправилось еще 20 человек⁴. Ситуация резко усугубляется: в январе 2012 г. в деревне Мемдель Высокогорского района Татарстана была обнаружена домашняя лаборатория по производству взрывчатки и «поясов шахида»⁵, а 19 июля 2012 г. в Казани был ранен муфтий Татарстана И. Фаизов и убит его заместитель В. Якупов, возглавлявший учебный отдел Духовного управления мусульман РТ. По мнению татарских экспертов, «сегодня в республике ваххабитами реализуется ингушско-дагестанский сценарий: то, что происходило на Северном Кавказе 10–15 лет назад, сейчас осуществляется в Поволжье. Первый муфтий Дагестана

¹ Руководитель МВД Татарстана признал опасность ваххабизма в республике // Regnum: Информ. агентство. – 2010. – 16 дек. URL: <http://www.regnum.ru/news/1357240.html>

² Моджахеды Татарстана признали своим лидером Доку Умарова // Тема Казань: Интернет-сайт. – 2012. – 27 июля. URL: <http://www.ternakazan.ru/news/crine/itern/4819/>

³ Гордеев Я. На пороховой бочке: Откуда в Поволжье террористы // Новое время: Интернет-сайт. – 2011. – 12 сент. – № 29. URL: <http://newtimes.ru/articles/detail/43421>

⁴ Гарсия Р. Волга впадает в Аравийское море: Маленький оплот религиозного экстремизма в Татарстане // Эксперт. – 2012. – 15 окт.

⁵ Сулейманов Р. Исламский терроризм в современном Татарстане: Ваххабизм на практике...

был убит в 1998 г. После этого было убито свыше 50 муфтиев, их заместителей и известных имамов, придерживавшихся традиционного для Северного Кавказа ислама»¹.

Итак, в Республике Татарстан сформировались устойчивые салафитские группы, а в настоящее время экспертами прогнозируется процесс «растекания салафизма» по Поволжью, Уралу и Западной Сибири, как это произошло уже на Северном Кавказе. При этом вышеуказанные группы рассматривают себя как устойчивые сообщества, четко осознающие свою специфику, свои интересы и возможности их отстаивания, используя в этих целях правозащитные и юридические средства. Впрочем, этот путь уже прошли их северокавказские единомышленники, сформировав целый ряд таких правозащитных организаций. Например, в Дагестане уже в первой половине 2000-х были сформированы каналы легальной поддержки деятельности вооруженного экстремистского подполья через общественные объединения, самой известной из них стала организация «Матери Дагестана»². Лидеры этих организаций поддерживают контакты с экстремистами, подвергают резкой критике деятельность правоохранительных органов, обвиняя их в массовых нарушениях прав человека и гражданина.

Такая позиция формирует у населения мнение о том, что, якобы, неоправданно жесткие действия правоохранительных органов являются одной из основных причин, побуждающих молодежь пополнять ряды боевиков. Более того, по мнению некоторых экспертов, в России сложилось устойчивое и влиятельное «исламистское лобби»³. Пользуясь этим, «салафитское крыло мусульман опробовало в разных регионах новый для них формат легальных митингов, мобилизуя на них своих сторонников и пытаясь озвучить поднятую ими тему “гонений на ислам” в России в федераль-

¹ Сулейманов Р. Исламский терроризм в современном Татарстане: Ваххабизм на практике...

² См. об этом: Мурклинская Г.А. Сетевая война против России на Северном Кавказе: Реальность и перспективы // Исламский фактор на Юге России // Южнороссийское обозрение. Вып. 72. – Ростов н/Д., 2012. – С. 22–33.

³ См., например, об этом: Амелина Я. Кровь муфтия Татарстана и его заместителя на руках тех, кто не признавал исламистских настроений в республике // ИА REGNUM. – 2012. – 20 июля; Сулейманов Р. Исламский терроризм в современном Татарстане: Ваххабизм на практике // Агентство политических новостей. – 2012. – 25 июля.

ном масштабе»¹. Например, 8 февраля 2013 г. «свыше 2 тыс. салафитов – сторонников радикального ислама, которые и ведут войну против российского государства, провели митинг в самом центре Махачкалы. Митинг стал отражением новой реальности: сторонники салафитов сегодня составляют, по разным оценкам, от 10 до 17% от общего числа мусульман республики.

Напомним, в 2005 г., когда впервые в Дагестане прогремели взрывы, число салафитов, по данным МВД, составляло менее 2 тыс. человек»². Участники указанной акции в столице Дагестана держали в руках черные и белые флаги с исповеданием веры на арабском языке. Похожая символика использовалась на митингах, организованных летом 2012 г. в Казани прихожанами мечети «Аль-Ихлас» и на «мусульманском автопробеге» по столице Татарстана 26 октября 2012 г. Позднее в СМИ появилась информация о том, что представленные на экспертизу флаги автопробега были признаны казанскими специалистами «полностью идентичными символике, используемой членами международной религиозной организации “Хизб-ут-Тахрир аль-Ислами” во многих странах мира»³.

Отсюда становится совершенно очевидным, что «...любые попытки свалить вину на силовиков, якобы заинтересованных в начале репрессий, о которых разглагольствуют “исламские аналитики”... а также любые способы найти смягчающие обстоятельства для “исламских диссидентов”, как стали террористов называть их единомышленники на ваххабитских Интернет-ресурсах, являются ничем иным как оправданием ваххабизма»⁴.

Следующим этапом «растекания ваххабизма», по нашему мнению, следует считать укрепление позиций его адептов в «мусульманских анклавах», появившихся и укрепившихся в последние годы в некоторых российских мегаполисах. Впрочем, такие «анклавы» уже давно сложились в некоторых европейских госу-

¹ Мальцев В. Ислам зачищают от нелегалов. Государство расширяет силовую поддержку официального духовенства // НГ-Религии. – 2013. – 20 февр.

² Омарова Х. Республика Дагестан: Системный кризис разрастается? // Электронный ресурс: <http://www.bs-kavkaz>. – 2013. – 27 февр.

³ См. об этом: <http://www.regnum.ru/news/polit/1616981.html>

⁴ Сулейманов Р. Исламский терроризм в современном Татарстане: Ваххабизм на практике...

дарствах, например во Франции, а потому их опыт может оказаться полезным и для России¹.

Европейские реалии свидетельствуют о том, что этнически и религиозно однородные общины мигрантов активно и достаточно успешно формируют «анклавную» среду обитания, которая тяготеет к тому, чтобы локализоваться в соответствующих территориальных границах, а центром их сосредоточения, как правило, выступают мечети или молельные помещения. Одновременно одним из последствий появления подобных «анклавов» становятся криминализация и религиозно-политическая радикализация некоторой части мигрантов, что неизбежно приводит к появлению латентных очагов социально-политической конфликтности в достаточно продолжительной перспективе, к их неизбежной конфронтации с местным населением.

По нашему мнению, говорить в данном случае о толерантном «евроисламе» не приходится, скорее, речь идет об исламизации Европы, причем в самых опасных формах. События первых лет нового тысячелетия в Испании, Великобритании, Франции и других европейских странах рельефно подтверждают этот тезис. Как следствие, в последние годы европейские политики в унисон заговорили о провале идеологии и практики мультикультурализма в Европе, о несовместимости исламизма и западно-либеральных ценностей.

Аналогичные «анклавы» появились и в российских городах, и результаты этого не замедлили проявиться. Например, в ходе проведенной 8 февраля 2013 г. представителями силовых структур Санкт-Петербурга операции в молельном помещении одного из городских рынков, а также в домах и на частных квартирах было задержано несколько человек, которых обвинили в распространении материалов религиозно-экстремистского характера. Всего, по официальным данным, были задержаны 271 человек, 90% из них оказались иностранцами, в том числе иммигрантами из Афганистана и Египта.

Судя по информации, озвученной СМИ руководителем пресс-службы УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области Д. Кочетковым, характер исламистской угрозы в регионе сопоставим с северокавказской ситуацией: «В ходе операции были задержаны... приверженцы радикальных течений ислама, пред-

¹ См. об этом: Добаев И.П. Исламизация Европы: Миф или реальная угроза? // Мировая экономика и международные отношения. – 2008. – № 4.

ставляющие угрозу государству, которые отрицают светскую власть и стремятся к халифату»¹.

Таким образом, в постсоветский период, вследствие ослабления институтов государственной власти Российской Федерации, под сильным внешним воздействием, наблюдался неуклонный процесс политизации и радикализации ислама и исламских группировок, появления и институционализации на территории страны нетрадиционных исламистских течений. Этот процесс усугублялся слабостью и разобщенностью традиционного и официального российского ислама, реализацией сепаратистских проектов в некоторых регионах страны, прежде всего на Северном Кавказе.

В силу целого ряда причин, объективных и субъективных факторов на территории России возникли и окрепли устойчивые группировки радикальных салафитов, прошедших институционализацию первоначально в некоторых северокавказских республиках. Впоследствии произошел процесс «растекания джихада» практически по всему Северному Кавказу, а в последнее десятилетие складываются предпосылки для создания радикальных салафитских группировок в Поволжье, на Урале и в Западной Сибири, а также появления их в «мусульманских анклавах» российских мегаполисов.

«Элитология России: Современное состояние и перспективы развития», М., 2013 г., т. 1, с. 481–497.

Марта Брилл Олкотт,
политолог (США)
ГОСУДАРСТВА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
ИДУТ СВОИМ ПУТЕМ
(Могут ли внешние силы повлиять
на развитие событий в Центральной Азии
и насколько они в этом заинтересованы?)

Порой, когда я просматриваю материалы по Центральной Азии, создается ощущение, что время остановилось. Уже более двух десятилетий Казахстан, Киргизстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан – независимые и суверенные государства. Однако нередко аналитики, а то и политики пишут и говорят о

¹ Мальцев В. Ислам зачищают от нелегалов. Государство расширяет силовую поддержку официального духовенства // НГ-Религии. – 2013. – 20 февр.

проблемах этих стран так, будто все это время они существовали в вакууме, практически не замечая изменений, которые произошли там за последние два десятилетия, и того, что этим государствам все же удастся находить свои пути развития, несмотря на проблемы, с которыми они до сих пор сталкиваются.

Сразу после распада СССР в ходе дискуссий, которые шли и в Вашингтоне, и в Москве, часто звучали мрачные сценарии относительно будущего Центральной Азии. Высказывалось мнение, что эти государства определенно не готовы к независимости¹ и вряд ли смогут ее сохранить.

Сегодня в центре дискуссий по-прежнему находятся те же темы: незавершенность политических и экономических реформ в странах региона, напряженность в связи с дефицитом водных ресурсов, проблема вывода энергоресурсов на рынок и доставки их населению – как будто за эти 20 лет ничего не изменилось, а если и изменилось, то только к худшему.

В нынешних дискуссиях о судьбе Центральной Азии все то, что произошло более чем за два десятилетия со времени появления в этой части мира независимых государств, зачастую несправедливо игнорируется и полностью вырывается из контекста глобальных тенденций и более общих проблем.

Все пять центральноазиатских стран сейчас уже совершенно другие по сравнению с тем, какими они были в декабре 1991 г., когда Советский Союз прекратил свое существование. Если бы 20 лет назад россиянина, завязав ему глаза, переправили на самолете из Москвы в Центральную Азию и отвезли его в пригород любой из тамошних столиц, то, сняв повязку, он вряд ли смог бы понять, куда он попал, и ему было бы трудно поверить, что он находится уже не на территории Российской Федерации.

Теперь тот же самый человек сразу осознал бы, что он не в России, но, вероятно, не смог бы определить, где именно, поскольку в каждой из этих стран появились собственная архитектура и уникальный культурный колорит. В Алматы есть практически все те же дорогие фирменные бутики, что в Москве и Санкт-Петербурге, и то же изобилие роскошных автомобилей. Ашхабад сейчас гораздо больше похож на столицу одной из стран Персидского залива, чем на самого себя образца советских времен; новая столица Казахстана Астана тоже мало чем напоминает своего советского предшественника – город Целиноград. В Душанбе и его окрестностях явно ощущается атмосфера иранской провинции, а

как только вы выезжаете из Ташкента, у вас создается впечатление, что вы находитесь в одной из стран Южной Азии.

Кроме того, россиянину, оказавшемуся в затруднительном положении, будет нелегко найти здесь человека, говорящего по-русски, чтобы спросить у него дорогу, особенно на окраинах Душанбе или Ашхабада, а вполне возможно, что и Ташкента, и даже Бишкека или Астаны. В каждой из этих стран более половины населения составляет молодежь до 30 лет (данные на 2010 г.), которая получила среднее образование в рамках национальной школьной системы, не испытав непосредственного влияния общих «советских» ценностей². Туркмены и узбеки теперь пользуются латинским алфавитом. Казахи перейдут на латиницу к 2020 г., что резко ограничит влияние литературы, изданной в советские годы, но облегчит доступ к тюрко-язычным переводам.

Все эти изменения окажут воздействие на следующее поколение жителей Центральной Азии. Советская идентичность здесь очевидным образом исчезает, что заметнее всего для людей старше 40 лет; и связь с советским прошлым ослабевает, особенно если верить российским источникам. На государственном телевидении число русскоязычных передач резко сократилось, а пакеты кабельного телевидения предлагают жителям Центральной Азии международные программы на русском языке, сделанные за пределами Российской Федерации. Молодое поколение широко использует новые медиаисточники³ и, хотя власти стремятся наложить ограничения на Интернет, все же подвергается воздействию множества противоречивых идеологических посылов, идущих из разных точек земного шара. Национальная идентичность здесь все еще находится в процессе становления и пока не сформировалась даже в пределах какой-либо одной страны. Региональная, этническая и религиозная идентичность накладываются на модель по большей части светской национальной идентичности, которую пытаются привить населению власти каждой из этих стран. В результате отсутствует ощущение общей центральноазиатской идентичности, особенно у представителей молодого поколения.

Во всех этих странах растет число научных публикаций, посвященных формированию национальной идентичности⁴, хотя они все еще по большей части и фрагментарны, человек, часто бывающий в этом регионе, уже сможет распознать некоторые очевидные общие черты.

Тем не менее, несмотря на то что отдельным политикам все же удастся заметить произошедшие здесь перемены, гигантские

внешнеполитические структуры крупных иностранных держав и международные организации, непосредственно занимающиеся государствами Центральной Азии, похоже, не в состоянии понять, каким образом следует учитывать эти изменения при принятии политических решений, которые в любом случае в гораздо большей мере определяются собственными национальными интересами этих крупных держав, а не интересами пяти стран Центральной Азии (хотя это и преподносится как забота о национальных интересах центральноазиатских государств).

Кроме того, политика самих стран Центральной Азии весьма инерционна. И руководители этих государств (а это пока исключительно выходцы из советской элиты) так же, как их зарубежные партнеры, зачастую не желают замечать изменений, происходящих в соседних государствах, но при этом склонны идеализировать изменения в своих странах.

Проблемы. Спустя 21 год после обретения независимости пять стран, вместе образующие то, что называется «Центральной Азией», в будущем, вероятно, столкнутся с серьезными проблемами. Некоторые из них глобальные, например изменение климата и колебания цен на товары потребления; другие характерны именно для данного региона, в частности взаимозависимость этих стран из-за водных ресурсов и отсутствие у них прямого выхода к морю, когда расстояния до океанских портов измеряются тысячами километров⁵. Много своих специфических проблем и в каждой отдельной стране.

В экономическом плане все пять стран до сих пор страдают от последствий того, что ранее они были лишь составной частью единого автаркического целого. Все пять стран пытаются диверсифицировать свою экономику, но ни одна из них пока не преуспела в этом. Быстрее всех открыли свои экономики и попытались интегрироваться в мировую экономику Киргизстан и Казахстан. Таджикистан последовал их примеру после окончания гражданской войны в конце 1990-х. Самой закрытой страной остается Узбекистан, нынешний президент которого в советскую эпоху возглавлял Госплан республики и по сей день считает, что управляемая экономика – лучшая гарантия стабильности. Туркменистан также выбрал в значительной степени управляемую экономику, хотя Всемирный банк сейчас относит его к странам со средним уровнем доходов (наряду с Казахстаном, также крупным экспортером энергоносителей)⁶.

Сохраняются многие социальные проблемы, которые были характерны для этого региона в поздний советский период: демографический взрыв, дефицит рабочих мест – при отсутствии у молодежи достаточной квалификации, позволяющей ей претендовать на рабочие места в интенсивно развивающихся высокотехнологичных секторах экономики. Система образования, переживавшая трудные времена уже в последние годы советской власти, испытывает дополнительную нагрузку, поскольку преподавание по новым учебным программам ведется на национальных языках, а не на русском. Кроме того, увеличился разрыв между городом и деревней, так как прекращение субсидий, существовавших в советскую эпоху, изменило характер сельской экономики намного сильнее, нежели городской. Прежнее колхозное хозяйство трансформировалось в промышленные фермы и небольшие частные владения или просто разрушилось – в зависимости от того, насколько выгодно или невыгодно стало обрабатывать землю при отсутствии государственных субсидий.

Именно в сельской местности наиболее остро ощущается растущая нехватка электроэнергии в регионе, поскольку из-за этого население остается полностью изолированным. Между тем дефицит электроэнергии стал обычным явлением даже в самых богатых энергоресурсами странах Центральной Азии. И проблема не только в высоких ценах, которые особенно ощутимы для Киргизстана и Таджикистана, учитывая, что они вынуждены импортировать газ для производства электроэнергии в зимний период, но и в том, что энергосети и гидроэлектростанции, построенные в 1960-х и 1970-х годах, за последние 40–50 лет выработали свой ресурс. Чтобы проложить новые электросети для подачи электроэнергии к новым жилым домам и малым предприятиям, появившимся в результате перехода к рыночной экономике, нередко потребуются годы, а в каких-то случаях их и вовсе не будут прокладывать⁷.

Разрыв между бедными и богатыми увеличивается⁸, и это становится все более очевидным, поскольку теперь все пять стран Центральной Азии включены в глобальный рынок, по крайней мере в том, что касается доступа к предметам роскоши и другим потребительским товарам. Неоправдавшиеся социальные ожидания лишь усиливают недоверие к политическим решениям демократической направленности.

Ни в одной из этих стран до сих пор не создана стабильная и устойчивая политическая система. Заметим, что статус союзных республик, который имели страны региона в годы Советского

Союза, обеспечил им реальные преимущества по сравнению с государствами, возникшими после распада колониальных систем Англии и Франции, поскольку к тому времени, когда новые государства обрели независимость, в них уже существовали полномасштабные структуры управления, хотя большинству из них и пришлось решать новые задачи и искать новые источники финансирования.

Действительно серьезная проблема по-прежнему состоит в том, как наилучшим образом управлять гражданами. Во главе двух из центральноазиатских государств до сих пор находятся люди, которые на момент обретения независимости занимали высшие государственные посты. В середине 1989 г., после этнических волнений в обеих республиках, Михаил Горбачёв назначил первыми секретарями республиканских коммунистических партий в Казахстане Нурсултана Назарбаева, а в Узбекистане Ислама Каримова. В декабре 1991 г. оба были избраны на пост президента. Третий президент, Эмомали Рахмон, пришел к власти в конце 1992 г. в разгар гражданской войны в Таджикистане. Все трое решили, что их странам нужна система правления с сильной президентской властью и слабым парламентом, и никто из них не пытался институционализировать процесс перехода власти. В настоящее время Рахмон готовится к переизбранию на президентских выборах осенью 2013 г., а Назарбаев дал понять, что намерен оставаться президентом до самой смерти, поскольку Конституция позволяет ему баллотироваться на пост президента столько раз, сколько он захочет⁹. Только Ислам Каримов, срок полномочий которого истекает в январе 2015 г., по-видимому, рассматривает возможность оставить должность президента еще при жизни.

Лучшим вариантом развития событий во всех трех странах стал бы консенсус внутри правящей элиты в отношении преемника, причем желательно, чтобы он был достигнут еще при жизни действующего лидера, как это произошло, по словам инсайдеров, в Туркменистане. Сапармурат Ниязов скончался в декабре 2006 г., однако, как говорят, план передачи власти преемнику у него был готов еще летом 2006 г.¹⁰

Безусловно, большую тревогу вызывает то, что почти повсюду в Центральной Азии неудавшиеся политические перемены могут спровоцировать социальные волнения, пусть даже в довольно мягкой форме, как в Киргизстане, где уже два президента были свергнуты относительно бескровно, и даже этническое противостояние в Оше в июне 2010 г. не приобрело столь острого характе-

ра, как революции в Ливии и Сирии. Сейчас этот призрак бродит по всему региону, однако каждый из лидеров в Центральной Азии считает, что такое возможно в соседнем государстве, но ни в коем случае не в его собственной стране.

Решения, предлагаемые из-за рубежа. Такая перспектива пугает и международных наблюдателей. США и ЕС считают, что только дальнейшая демократизация позволит избежать подобного развития событий, однако политики в России и Китае предостерегают, что прежде всего необходима лучшая политика безопасности и что слишком быстрый переход к открытому обществу не только не предотвратит волнений, но, напротив, спровоцирует их.

Между тем совершенно неясно, в какой степени внешние силы могут повлиять на развитие событий в Центральной Азии, и насколько глубоко они в этом заинтересованы. Если взглянуть на эту проблему с некоторой долей цинизма, то создается впечатление, что силы, действующие на международной арене, в большинстве своем стремятся влиять на развитие событий в Центральной Азии исходя из собственных национальных интересов или чтобы достичь собственных идеологических целей.

В этом нет ничего удивительного, однако необходимо понимать, что это способствует росту недоверия и цинизма у лидеров Центрально-Азиатского региона. Они осознают, что поменяли одного «старшего брата» на многочисленную группу старших братьев и сестер, которые только и хотят указывать им, что надо делать, в то время как сами центральноазиатские лидеры считают себя достаточно взрослыми и способными самостоятельно принимать важные решения.

Сказанное выше касается не только государств, но и четырех крупнейших международных финансовых организаций: Всемирного банка, Международного валютного фонда, Азиатского банка развития и Европейского банка реконструкции и развития, которые стремятся и уже действительно играют важную роль в этом регионе. В той или иной степени они несут ответственность за реформирование финансового сектора во всех пяти государствах, хотя Узбекистан¹¹ и Туркменистан сохранили наибольшую самостоятельность по сравнению с другими странами региона.

Что касается Туркменистана, то в настоящее время он готовится вступить во Всемирную торговую организацию, поэтому тоже вынужден более тесно сотрудничать с названными банками и фондами¹². Эти банки принимают активное участие в разработке планов по финансированию системы социальной защиты населе-

ния в центральноазиатских странах, в зависимость от которой население Центральной Азии попало в послесталинскую эпоху советской власти. Предлагаемые в этой связи рекомендации зачастую становятся источником разногласий¹³. Так было, например, когда международные доноры предложили Киргизской Республике списать ее долги как бедной стране с большой задолженностью (*heavily indebted poor country, HIPS*); киргизские националисты выступили против, в первую очередь не желая соглашаться с определением «бедная страна»¹⁴.

Серьезное испытание в регионе сейчас проходит Всемирный банк, после того как он опубликовал технико-экономическое и экологическое обоснование проекта строительства Рогунской ГЭС на реке Вахш в Таджикистане. Этот проект активно поддерживает Таджикистан, поскольку это позволило бы ему решить сложнейшие экономические проблемы, но против строительства дамбы категорически возражает Узбекистан, так как опасается, что будет нарушено водоснабжение страны и возникнут угрозы для экологии в целом¹⁵. Если согласовать интересы сторон не удастся (а это представляется практически невозможным), престиж Всемирного банка в регионе серьезно пострадает и под угрозой может оказаться даже безопасность всего региона.

Репутация ОБСЕ в регионе также неоднозначна: ею недовольны то из-за того, что она делает здесь слишком много, то из-за того, что делает слишком мало. В большинстве стран региона ОБСЕ резко критикуют за то, что она стремится утвердить свои стандарты проведения выборов¹⁶, а, с другой стороны, за то, что Казахстану было предоставлено председательство в ОБСЕ и что в 2010 г. она не смогла предотвратить этническое насилие на Юге Киргизстана¹⁷.

Большая доля критики в адрес США и ЕС связана с тем, что многие в Центральной Азии называют двойными стандартами. Казахские политики могут ссылаться на главы и статьи в законах, регулирующих деятельность религиозных организаций в ЕС, в частности относительно требований к одежде в общественных местах, что они и делают раз за разом, когда чиновники ЕС или американские конгрессмены критикуют казахские законы, регулирующие религиозные дела¹⁸.

В настоящее время многие опасаются, что вывод основной массы войск из Афганистана, намеченный США и НАТО на 2014 г., только ухудшит ситуацию. Долгое время государства Центральной Азии склоняли к тому, чтобы они принимали участие

в наращивании натовского военного потенциала в регионе, а сейчас прямо-таки мантрой стали слова о региональной самопомощи, включая стратегию «Нового шелкового пути» или «Сердца Азии»¹⁹, которую продвигают Соединенные Штаты и Германия, и которая была разработана для того, чтобы сподвигнуть около 15 стран, расположенных в той или иной близости от Афганистана, взять на себя большую часть бремени по восстановлению экономики этой страны. Похоже, никто в Центральной Азии не верит, что благодаря такой стратегии удастся достаточно быстро снизить уровень угроз, которые могут исходить от Афганистана. Это касается даже Казахстана²⁰, который был и остается горячим сторонником и лидером Стамбульского процесса²¹ – инициативы по созданию атмосферы политического доверия, которая была предложена на конференции министров иностранных дел, созванной президентами Турции и Афганистана в Стамбуле в ноябре 2011 г. Кроме того, власти Казахстана уделяют большое внимание укреплению границ и прилагают много усилий для обеспечения безопасности страны, и, дабы продемонстрировать это общественности, 7 мая 2013 г. впервые после обретения независимости был проведен военный парад.

Руководство России также выступило с заявлениями по поводу угроз, возникающих в связи с выводом Международных сил содействия безопасности из Афганистана. Однако желание России использовать ОДКБ в качестве регионального инструмента безопасности, похоже, не успокаивает никого из тех, кто озабочен проблемами безопасности. Таджикистан и Киргизстан тесно сотрудничают с Москвой в этом направлении, но у них нет выбора, поскольку обе страны критически зависят от денежных переводов, отправляемых домой из России сотнями тысяч рабочих-мигрантов. С точки зрения Таджикистана наличие российских войск на таджикско-афганской границе уменьшает степень его собственной ответственности перед соседями в случае, если террористы из Афганистана через Таджикистан проникнут в Узбекистан и Киргизстан.

Таджикистан и Киргизстан готовятся присоединиться к России, Казахстану и Беларуси в рамках Таможенного союза, хотя Таджикистану сначала удалось вступить в ВТО (а Киргизстан уже давно является членом ВТО). В то же время руководство Казахстана очень недоволено результатами членства в Таможенном союзе для развития экономики страны²². С образованием этого союза повысились цены на продовольствие и пошлины на потре-

бительский импорт в целом, однако спрос на казахские товары не увеличился. Хотя речи о выходе Казахстана из Таможенного союза не идет, тем не менее нет и никаких признаков того, что Астана намерена воплощать в жизнь планы России по углублению экономической интеграции.

Кроме того, есть еще, конечно, и Китай, слишком щедрый, чтобы ему противостоять, и слишком большой, чтобы его игнорировать. За последние несколько лет, благодаря займам под низкие проценты, капитальным вложениям в инфраструктуру и проектам по добыче природных ресурсов, Китай превратился в основного экономического партнера для всех пяти центральноазиатских стран. С каждым годом экономическое влияние Китая возрастает в геометрической прогрессии, в основном из-за огромных потребностей Пекина в ресурсах и его стремления обрести экономические возможности, позволяющие контролировать Центральную Азию, превратив ее в своеобразный буфер, помогающий сдерживать возможное недовольство его собственных национальных меньшинств, проживающих вдоль границ Центральной Азии – в Синьцзяне.

Будущее. Интересно, что, хотя нередко возникают мрачные предчувствия относительно того, что может произойти в Центральной Азии, ни один из наиболее заинтересованных внешних акторов не имеет достаточной мотивации для того, чтобы приложить большие усилия и не допустить ожидаемых проблем. Даже Китай с его огромными инвестициями не проявляет особого желания непосредственно участвовать в обеспечении безопасности в этом регионе, довольствуясь тем, что делают Россия и Соединенные Штаты, и что сможет предложить Шанхайская организация сотрудничества.

И в Вашингтоне, и в Центральной Азии нередко можно услышать, что если в Афганистане или в самом регионе начнутся серьезные волнения, которые, подобно атакам террористов 11 сентября, могут представлять непосредственную угрозу безопасности США, то Соединенные Штаты и НАТО отреагируют на это. Однако далеко не очевидно, что так оно и будет.

Когда США настаивали на вводе в Афганистан Международных сил содействия безопасности, они еще не начали растянувшуюся почти на десять лет войну в Ираке, в ходе которой был свергнут Саддам Хусейн, но результаты которой весьма неоднозначны. Еще не потерпели крах режимы в Египте, Ливии и, особенно, в Сирии, что повлекло за собой неопределенность, гибель

людей и почти полное опустошение в каждой из этих стран. Именно на таком фоне Соединенным Штатам придется в будущем принимать решения о вмешательстве во внутренние дела других государств. И именно такое развитие событий будут иметь в виду руководители центральноазиатских стран и их граждане, решая, как выстраивать свое политическое будущее.

Примечания

- ¹ Olcott M.B. *Central Asia's Catapult to Independence* // *Foreign Affairs*. – 1992. – № 3 (71). – Summer.
- ² По оценкам ООН, доля населения в возрасте 0–29 лет в 2010 г. составляла в Таджикистане 68,6%, в Киргизстане – 61,4; в Узбекистане – 60,8, в Туркменистане – 60,0, в Казахстане – 51,7%. *World Population Prospects, the 2010 Revision* // United Nations Department of Economic and Social Affairs. 2010. (<http://esa.un.org/unpd/wpp/Excel-Data/population.htm>). Учитывая высокую рождаемость в регионе, в 2013 г. эта доля станет еще больше.
- ³ Данные за 2011 г. показывают, что почти во всех странах Центральной Азии, начиная с 2008 г., уровень пользования Интернетом вырос почти или более чем в два раза. По имеющимся оценкам, в 2011 г. доля граждан, имеющих выделенный доступ в Интернет, составляла в Казахстане – 45%, в Киргизстане – 20, в Таджикистане – 13, в Туркменистане – 5, в Узбекистане – 30,2%. См.: *Percent of Individuals Using the Internet* // ITU (<http://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/stat/default.aspx>). На самом деле Интернетом пользуется, вероятно, намного больше людей, поскольку многие выходят в Интернет со своих мобильных телефонов. Доступ к мобильной связи в этом регионе очень высок. Во всех странах, кроме Туркменистана, в котором доля абонентов сотовой связи составляет 68 на 100 жителей, она составляет не менее 90 контрактов на 100 жителей. См.: *ITU, Mobile-cellular telephone subscriptions* // ITU (http://www.itu.int/ITU-D/icteye/Reporting/ShowReportFrame.aspx?ReportName=WTI/CellularSubscribersPublic&ReportFormat=HTML4.0&RP_intYear=2011&RP_intLanguageID=1&RP_bitLiveData=False) (по состоянию на 1 мая 2013 г.). Хотя данные по Таджикистану и Туркменистану были недоступны, в трех других странах в число самых посещаемых сайтов входят YouTube.com, Facebook.com, Wikipedia.org, Yandex.ru, Vk.com и Odnoklassniki.ru (см.: <http://www.alexa.com/topsites/countries>).
- ⁴ См., например: Adams L.L. *The Spectacular State: Culture and National Identity in Uzbekistan*. Duke Univ. Press, 2010; Хакимов Р.С., Мухаметшин Р.М. *Ислам, идентичность и политика в постсоветском пространстве: Сравнительный анализ Центральной Азии и европейской части России*. Изд-во «Мастер Лайн», 2005.
- ⁵ Минимальные расстояния по автодорогам от коммерческих столиц стран Центральной Азии до портов Бендер-Аббас (Иран) и Карачи (Пакистан) соответственно составляют: от Ашхабада 1695 км / 2316 км; от Ташкента 3004 км / 2812 км; от Бишкека 3713 км / 3434 км; от Алматы 3993 км / 3708 км. См.: *Land Transport Linkages From Central Asia to Seaports in the South and the East* //

- UN ESCAP 1995. Ch. 4 (http://www.unescap.org/ttdw/Publications/TIS_pubs/pub_1560/pub_1560_fulltext.pdf).
- ⁶ По оценкам Всемирного банка, в 2011 г. ВВП Туркменистана составил 5497 долл. на душу населения. См.: Turkmenistan World Development Indicators. World Bank (<http://databank.worldbank.org/data/views/reports/tableview.aspx>).
- ⁷ Olcott M.B. Tajikistan's Difficult Development Path. Carnegie Endowment for International Peace, 2010.
- ⁸ В 2009 г. коэффициент Джини в Казахстане был равен 29,0 – по сравнению с 25,7 для Казахской ССР в 1988 г.; в Киргизстане он поднялся с 26,0 в 1998 г. до 30,8 в 2009 г.; в Таджикистане в 2009 г. этот коэффициент был равен 36,2, данных за 1988 г. нет. В настоящее время нет данных также для Узбекистана и Туркменистана. См.: GINI Index. World Bank (<http://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI?page=4>).
- ⁹ О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Казахстан (№ 254). 2007. 21 мая (http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z070000254_).
- ¹⁰ Из авторитетных источников мне стало известно, что Ниязов уведомил ближайших соратников о своем желании видеть в качестве преемника Гурбангулы Бердымухамедова после того как в августе 2006 г. в Туркменистан приезжал его сын Мурад и во время своего пребывания в стране отказался вернуться в Туркменистан и готовиться к роли преемника отца.
- ¹¹ В 1996 г. Узбекистан отказался от макростабилизационной программы МВФ и с тех пор продолжает сохранять строгий валютный режим. См.: Keller P. et al. Republic of Uzbekistan: Recent Economic Developments. International Monetary Fund. 1998. IMF Staff Country Report No. 98/116. P. 14 (<http://www.imf.org/external/pubs/ft/scr/1998/cr98116.pdf>).
- ¹² Туркменский лидер создает специальную комиссию по вступлению в ВТО // Universal Newswires. 2013. 25 Jan. (<http://www.universal-newswires.com/central-asia/economy/viewstory.aspx?id=13531>).
- ¹³ Например, в 1997–1998 гг. Всемирный банк оказал Казахстану помощь в проведении радикальной реформы пенсионной системы, которая до сих пор вызывает споры в основном из-за низкой доходности созданных в ходе этой реформы частных пенсионных фондов. См.: Галат И. Как может выглядеть пенсионная реформа в Казахстане // Власть. 2012. 15 Oct. (<http://vlast.kz/?art=898>). В 2013 г. правительство Казахстана объявило о своем намерении консолидировать все частные пенсионные фонды в Единый государственный фонд, что также вызвало критику с нескольких сторон; в частности, широко переиздававшееся открытое письмо президенту Нурсултану Назарбаеву от Ассоциации пенсионных фондов Республики Казахстан и Независимой ассоциации предпринимателей Республики Казахстан, в котором запланированные реформы квалифицируются как «системная ошибка». См.: Открытое письмо президенту Казахстана «Создание единого пенсионного фонда – системная ошибка Казахстана». 2013. 12 фев. (<http://today.kz/ru/news/kazakhstan/2013-02-12/81902>).
- ¹⁴ Качиев А. Киргизстан: Молодежь Бишкека активно протестует против вступления страны в НРС // Ferghana News. 2006. 13 дек. (<http://www.fergananews.com/articles/4780>).

- ¹⁵ Assessment Studies for Proposed Rogun Regional Water Reservoir and Hydro-power Project in Tajikistan // World Bank (<http://web.worldbank.org/WBSITE/EXTERNAL/COUNTRIES/ECAEXT/0,contentMDK:22743325~pagePK:146736-piPK:146830~theSitePK:258599,00.html>); Keene E. Solving Tajikistan's Energy Crisis. Carnegie Endowment for International Peace. 2013. 25 Mar. (<http://carnegieendowment.org/2013/03/25/solving-tajikistan-s-energy-crisis/fta8>).
- ¹⁶ См., например: Казахстан может отказаться от миссии наблюдателей от ОБСЕ // Tengri News. 2012. 2 марта. (http://tengrinews.kz/kazakhstan_news/kazakhstan-mojet-otkazatsya-ot-missii-nablyudatej-ot-obse-209388/); Associated Press. Uzbeks Vote, but There's No Opposition // Los Angeles Times. 2004. 27 Dec. (<http://articles.latimes.com/2004/dec/27/world/fg-uzbek27>).
- ¹⁷ Kiljunen K. et al. Report of the Independent International Commission of Inquiry into the Events in Southern Kyrgyzstan in June 2010 // Kyrgyzstan Inquiry Commission. 2011. 3 May. (http://relief-web.int/sites/reliefweb.int/files/resources/Full_Report_490.pdf).
- ¹⁸ Olcott M.B. et al. Is Religion a Security Threat in Central Asia? Videoconference. Carnegie Endowment for International Peace. 2011. 9 Sept. (<http://carnegieendowment.org/2011/09/09/is-religion-security-threat-in-central-asia/57qo>).
- ¹⁹ Clinton H.R Remarks at the New Silk Road Ministerial Meeting. 2011. 22 Sept. (<http://www.state.gov/secretary/rm/2011/09/173807.htm>).
- ²⁰ Almaty Ministerial Conference of the Istanbul Process on Afghanistan. Embassy of the Republic of Kazakhstan in the US. 2013. 29 Apr. (<http://www.kazakhembus.com/article/almaty-ministerial-conference-of-the-istanbul-process-on-afghanistan>).
- ²¹ Declaration of the Istanbul Process on Regional Security and Cooperation for a Secure and Stable Afghanistan. 2011. 2 Nov. (<http://www.cfr.org/afghanistan/declaration-istanbul-process-regional-security-cooperation-secure-stable-afghanistan/p26434>).
- ²² Келимбетов К. Мы хотим быть партнерами, а не субсидировать друг друга // Коммерсантъ Власть. 2013. № 8 (1013). 4 марта (<http://kommersant.ru/doc/2137306>).

«Pro et contra», М., 2013 г., январь–апрель, с. 70–78.

Д. Александров, И. Ипполитов, Д. Попов,
политологи
(Российский институт стратегических исследований)
**«МЯГКАЯ СИЛА» КАК ИНСТРУМЕНТ
АМЕРИКАНСКОЙ ПОЛИТИКИ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ТАДЖИКИСТАН**

В силу малого политического веса, экономической слабости и транспортной замкнутости Таджикистан в планах американских стратегов объективно не способен претендовать на роль главного союзника в Американское агентство по международному развитию. Тем не менее для политики США эта республика может

иметь значение как потенциальный узел нестабильности вблизи границ России, Китая и Ирана. Государственный переворот и раскачивание общественно-политической ситуации в Таджикистане могут стать ударом по безопасности названных стран, превращая республику в источник фундаментализма, террористической активности и торговли наркотиками.

Как наглядно демонстрируют «цветные революции» на постсоветском пространстве, события в Северной Африке и на Ближнем Востоке, важнейшая роль в дестабилизации обстановки в различных государствах – объектах воздействия США отводится так называемой «мягкой силе», предполагающей влияние на социальные процессы через финансируемую из-за рубежа сеть неправительственных организаций, средств массовой информации и Интернет. Данный механизм отчасти запущен и в Таджикистане.

Ведущим американским агентством, ответственным за распределение ассигнований на невоенные цели, выступает USAID. В 2010 г. из американского бюджета на разнообразные проекты в Таджикистане было безвозмездно направлено 48,3 млн долл., из которых 32,3 млн – через структуры USAID. Всего с 1993 г. Агентством было распределено 320 млн долл.¹, которые в основном в виде грантов осваивались рядом американских и международных НПО.

Среди неправительственных организаций, получавших гранты USAID в первые годы независимости Таджикистана, большую активность в республике проявляли такие структуры, как Фонд Ага Хана (гуманитарная помощь), Фонд Сороса (поддержка прессы), Human Rights Watch и Amnesty International (мониторинг соблюдения прав человека), действовавшие при координирующей роли посольства США². Впоследствии список партнеров USAID претерпел изменения, что произошло в том числе под давлением правительства Эмомали Рахмона. В настоящее время по Таджикистану USAID постоянно сотрудничает более чем с 30 западными организациями-партнерами, стабильно получающими контракты от Агентства. Среди них: Американские советы по международному образованию (ACTR / ACCELS); Университет Центральной Азии (UCA); Международная организация по миграции (ИОМ);

¹ USAID in Tajikistan // Агентство по международному развитию США: Интернет-сайт. URL: <http://centralasia.usaid.gov/page.php?page=artide-3> (Дата обращения: 03.05.2012.)

² Brian Auten. Tajikistan today // Studies in Conflict & Terrorism. – 1996. – Vol. 19, iss. 2. – P. 206.

Pragma Corporation; Deloitte Consulting; AECOM International Development, Inc.; DCA Office in Washington, TBD; Winrock International; IREX; Population Services International (PSI); Creative Associates Int.; ACDI/VOCA; Internews Network; Care International; Mercy Corps; Save the Children и др.¹

Положение некоммерческого сегмента в Таджикистане заметно отличается от ситуации в соседней Киргизии, сопоставимой с ним по численности населения. Сеть международных НПО в Таджикистане гораздо менее развита и каналы ее финансирования не так стабильны. Не удивительно, что региональные офисы большинства названных выше контрагентов USAID сосредоточены в Бишкеке и Алма-Ате, и только отдельные из них, как правило, гуманитарные и социально ориентированные (например, Mercy Corps), имеют представительства в таджикской столице. В основном западные неправительственные структуры работают в Таджикистане через своих местных партнеров.

Кроме того, в отличие от Киргизии, где сеть НПО покрывает не только столичный регион, но и населенные пункты, скажем, Ошской и Джалал-Абадской областей, в Таджикистане иностранные объединения имеют меньше возможностей для постоянного присутствия в регионах. Тем не менее еще в 1997–2000 гг. USAID финансировало создание шести центров поддержки гражданского общества в крупных городах республики: Душанбе, Худжанде, Пендженте, Курган-Тюбе, Кулябе, Хорог. Эти центры задумывались как площадки для мероприятий и доступа к информационным ресурсам, в них прошли обучение более 5 тыс. представителей местных НПО².

В настоящее время в части работы в регионах особняком стоит Организация Ага Хана по развитию (Aga Khan Development Network, AKDN), которой удалось наладить диалог с таджикским руководством. Организацию возглавляет действующий всемирный лидер исмаилитов имам Ага Хан IV. Она представляет собой фонд, ежегодно аккумулирующий до 1,5 млрд долл. и инвестирующий в страны, где проживают приверженцы этого ответвления шиитско-

¹ USAID Programs in Tajikistan in 2010 // Агентство по международному развитию США: Интернет-сайт. URL: <http://centralasia.usaid.gov/page.php?page=article-90> (Дата обращения: 11.05.2012.)

² Обзор деятельности USAID в Таджикистане с 1992 по 2009 г. // USAID: Интернет-сайт. С. 15. URL: http://centralasia.usaid.gov/datafiles/_upload/USAID_Tj_brochure_Rus.pdf (Дата обращения: 28.04.2012.)

го течения ислама¹. По разным оценкам, в мире насчитывается от 15 до 20 млн исмаилитов, а на территории бывшей Таджикской ССР они компактно проживают в Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО). В республике АКДН реализует ряд проектов, направленных на развитие экономики и образования в ГБАО. Еще в 2000 г. им был учрежден частный светский Университет Центральной Азии (UCA), открывший в Таджикистане сразу два представительства: в Душанбе и Хороге, а также в Казахстане и Киргизии. Фонд Ага Хана, входящий в структуру АКДН, является получателем ряда американских и европейских грантов. В Таджикистане среди прочего в его активе строительство мостов в Афганистан, т.е. реализация собственно американского инфраструктурного проекта². Сам Ага Хан IV, несмотря на духовный статус, получил светское образование в Гарварде и поддерживает обширные связи с западным истеблишментом³. Интересно также и то, что в политической сфере Таджикистана Ага Хан IV как религиозный лидер имеет значительное неформальное влияние на представителей так называемой «памирской» этнотерриториальной группы, в период гражданской войны выступавшей в оппозиции к Э. Рахмону.

В целом активность американских НПО вызывает беспокойство таджикской элиты, вынужденной, однако, учитывать позицию западных правительств, оказывающих помощь республике. После «цветных революций» 2003–2005 гг. в Грузии, на Украине и в Киргизии руководство Таджикистана изменило законодательство об общественных объединениях и наложило на них дополнительные административные ограничения.

Весной 2007 г. парламент страны принял в новой редакции Закон Республики Таджикистан «Об общественных объединениях», который пришел на смену устаревшему нормативному акту 1998 г. Согласно положениям нового закона иностранным гражданам запрещается создавать общественные организации, если они не проживают на территории Таджикистана постоянно и не имеют

¹ Сведения об Организации Ага Хана по развитию // Организация Ага Хана по развитию: Интернет-сайт. 2011. 23 октября. URL: <http://www.akdn.org/russian/de-fault.asp> (дата обращения: 28.04.2012).

² В Таджикистане начато строительство очередного моста в Афганистан // News-Asia: Информ. агентство. – 2011. – 1 октября.

³ Миндич Д. Имам из Гарварда / Д. Миндич // Профиль. – 2002. – 13 мая. – № 18 (288).

вида на жительство (п. 2, ст. 17). Также они впредь не могут становиться руководителями НПО (п. 5, ст. 17). Иностранные общественные организации помимо общего порядка регистрации в Министерстве юстиции республики должны проходить процедуру аккредитации персонала в Министерстве иностранных дел Таджикистана (ст. 39). Введен широкий перечень оснований для отказа в регистрации (ст. 23) и набор полномочий государственных органов по контролю за НПО (ст. 34)¹.

Кроме того, закон предписывал всем ранее созданным общественным объединениям в течение 2007 г. пройти перерегистрацию. Эта норма впоследствии была использована властями для пресечения деятельности некоторых наиболее политизированных западных НПО. К весне 2008 г. из 145 международных организаций перерегистрацию в Таджикистане прошли 116 и не было зарегистрировано ни одного нового иностранного объединения². При этом проблемы с оформлением документов возникли, например, у NDI и Freedom House. Обе эти структуры подозреваются таджикскими экспертами в активной поддержке оппозиционного движения во время «тюльпановой революции» в Киргизии в марте 2005 г.³

Функционирование в Таджикистане NDI, который пришел в республику в 2002 г., было фактически парализовано еще весной 2006 г. В 2007–2008 гг. органы юстиции Таджикистана неоднократно отказывали этой организации в перерегистрации, несмотря

¹ Закон Республики Таджикистан «Об общественных объединениях» принят Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан 25 апреля 2007 г., подписан Президентом Республики Таджикистан Э. Рахмоном 12 мая 2007 г. (в редакции Закона РТ от 20 марта 2008 г. № 384); Анализ Закона Республики Таджикистан «Об общественных объединениях», подготовленный Международным центром некоммерческого права (ICNL) при финансовой поддержке Агентства по международному развитию США от 18 февраля 2007 г. URL: http://www.icnl.org/knowledge/news/2007/2-23_tajikanalysisrus.pdf (дата обращения: 16.05.2012). Международный центр некоммерческого права – западная неправительственная организация, специализирующаяся на юридической поддержке других НПО. В ЦА работает с 1997 г. Имеет юристов-представителей во всех республиках региона.

² По официальным данным Управления по регистрации общественных организаций и политических партий Министерства юстиции Республики Таджикистан (см.: Национальный Демократический институт ожидает регистрацию в Таджикистане // Regnum: Информ. агентство. 2008. 22 апреля. URL: <http://www.regnum.ru/news/990562.html> (дата обращения: 12.05.2012).

³ Князев А.А. Государственный переворот 25 марта 2005 г. в Киргизии / А.А. Князев. Изд. 3-е, испр. и доп. – Бишкек, 2007. – С. 16.

на давление со стороны политического руководства США, американского посольства и лично бывшего госсекретаря Соединенных Штатов Мадлен Олбрайт, возглавляющей Совет директоров NDI. Таджикские власти беспокоили контакты NDI с местными оппозиционными партиями и функционерами, т.е. попытки Организации влиять на внутритаджикский политический процесс.

Что касается Freedom House, то данная НПО и сегодня не выпускает Таджикистан из фокуса своего внимания. Периодически публикуемые им доклады о плачевном состоянии прав человека в республике, «рейтинг несвободы», а также прогнозы прихода к власти в Душанбе радикальных группировок имеют широкий общественный резонанс как в самой республике, так и за ее пределами. Они призваны реализовывать важнейшую функцию, отведенную сети неправительственных объединений, – обосновывать перед западным общественным мнением возможность и даже необходимость вмешательства во внутренние дела тех или иных государств под предлогом гуманитарных миссий и «защиты демократии».

Тем не менее введенные Таджикистаном административные и законодательные ограничения побудили американцев несколько пересмотреть прежние подходы к финансированию неправительственных объединений и больше внимания уделять тем из них, которые созданы гражданами республики. Среди прочего для этого были задействованы ресурсы Национального фонда поддержки демократии (NED)¹. Если USAID распределяет гранты между американскими НПО и оказывает финансовую помощь в том числе и правительству республики, то деятельность NED в Таджикистане сосредоточена на поддержке таджикского негосударственного сектора – прежде всего местных прозападных общественных объединений и средств массовой информации. В последние несколько лет NED выделяет на Таджикистан по 300–400 тыс. долл. в год. Постоянными получателями его средств являются около десяти местных организаций, ежегодно претендующих на гранты в размере 30–50 тыс. долл.² Речь идет о таких неправительственных объединениях, как «Калам», «Паритет», «Центр прав человека», «Молодежь XXI века», «Ампаро», «Республиканское бюро прав

¹ Frequently Asked Questions // National Endowment for Democracy: Website. 2011. April 11. URL: <http://www.ned.org/about/faqs> (Дата обращения: 05.05.2012.)

² Подсчитано автором на основе NED Annual Reports of 2006–2009 (см.: National Endowment for Democracy: Website. 2011. April 11. URL: <http://www.ned.org/publications/annual-reports/> (Дата обращения: 05.05.2012.)

человека и законности», а также медийные структуры – узбекоязычная газета «Тонг», информагентство «Азия-Плюс», Национальная ассоциация независимых СМИ Таджикистана (НАНСМИТ).

Определенные изменения претерпело и содержание деятельности НПО в республике. В настоящее время большая часть иностранных объединений реализует проекты в области здравоохранения, сельского хозяйства, водоснабжения, обеспечения прав детей и женщин и т.п. Такие социально ориентированные НПО, по оценкам наблюдателей, чувствуют себя в стране, остро нуждающейся в помощи, вполне свободно и не испытывают целенаправленного административного давления. Одновременно была снижена активность зарубежных эмиссаров в политической сфере, например в части конструирования оппозиционных политических блоков и движений. Но американцы сохранили программы поддержки СМИ, Интернета, образования и институтов гражданского общества, которые прямо влияют на общественное мнение и косвенно – на политическую обстановку в Таджикистане. О текущем состоянии этих программ стоит сказать особо.

В 1996 г. USAID приступило к осуществлению проекта по содействию таджикским СМИ, позже акцент был сделан на развитие интернет-ресурсов. В этих целях американцы наладили поставку оборудования, обучение и стажировки журналистов, а также оказание технической помощи, без которых в условиях продолжающегося гражданского конфликта создание «независимых» средств вещания было бы невозможным.

Американские эксперты принимали участие в разработке законодательства Таджикистана о СМИ. В 1999 г. при их непосредственной помощи была учреждена Национальная ассоциация независимых СМИ Таджикистана, объединяющая более 70 газет и 12 телеканалов и преследующая в качестве цели «защиту свободы слова и прав журналистов» в республике. В течение ряда лет USAID финансировало центральноазиатский новостной еженедельник «Открытая Азия» и еженедельную телевизионную программу на таджикском языке «Набзех Зиндаги» («Пульс жизни»). С 2006 г. USAID оказывает поддержку новостной программе «Пайванд», которую транслирует сеть независимых телевизионных станций, и созданному в 2001 г. в Худжанде радио «Тироз»,

заявляющему о себе как о первой независимой радиостанции в стране¹.

Одним из получателей помощи USAID выступает частный таджикский информационный холдинг «Азия-Плюс», созданный в 1995 г. и объединяющий информационное агентство, Издательский дом, телерадиокомпанию и Школу журналистики. На сегодняшний день интернет-портал «Азия-Плюс» (www.news.tj) является лидером по числу обращений в доменной зоне Таджикистана², а его руководитель постоянно проживает с семьей в США.

Известная американская неправительственная организация Internews со штаб-квартирой в Калифорнии работает над созданием в нескольких регионах Таджикистана местных общественных радиостанций³.

В сентябре 2010 г. посольство США поддержало учреждение частного кооператива «Матбуот-Пресса» для беспрепятственного распространения печатной продукции 13 самых многотиражных негосударственных изданий, выпускающих около 40 еженедельных газет⁴. Цель создания кооператива не скрывалась и состояла в преодолении государственной монополии и злоупотреблений со стороны государственной службы распространения периодической печати «Почтаи Тоҷикистон».

Поддерживая «независимую» прессу в Таджикистане, Госдеп не ограничивается только финансированием, но в необходимых случаях обеспечивает ей политико-дипломатическое покровительство. В октябре 2010 г. в ответ на блокирование правительством Таджикистана ряда новостных сайтов и СМИ посольство США совместно с диппредставительствами Великобритании, ФРГ, Франции и миссией ЕС обратилось в МИД республики с требованием обеспечить свободу слова и восстановить нарушенное

¹ Обзор деятельности USAID в Таджикистане с 1992 по 2009 г. // USAID: Интернет-сайт. С. 10–11. URL: http://centralasia.usaid.gov/datafiles/_upload/USAID_Tj_brochure_Rus.pdf (Дата обращения: 28.04.2012.)

² Об агентстве // Азия-Плюс: Информ. агентство. 2011. 20 мая. URL: <http://news.tj/ru/aboutus> (Дата обращения: 22.04.2012.)

³ Where We Work // Internews: Website. 2011. October 24. URL: <http://www.internews.org/regions/eurasia/default.shtm#ca> (Дата обращения: 20.04.2012.)

⁴ В Таджикистане учрежден Кооператив распространителей печатных СМИ «Матбуот-Пресса» // Союз журналистов Таджикистана: Интернет-сайт. 2010. 17 сентября. URL: http://www.tuj.tj/index.php?option=com_content&task=view&id=538 (Дата обращения: 20.04.2012.)

вещание, после чего в Душанбе вынуждены были смягчить свою позицию и снять ограничения на работу пострадавших ресурсов.

В самом посольстве США в Душанбе, по мнению местных журналистов, информационная работа поставлена на высоком уровне. Сайт дипмиссии переводится на русский язык и освещает любое, даже самое незначительное, гуманитарное мероприятие с его участием.

Все возрастающую роль американцы отводят электронным средствам массовой информации. Укрепление места Интернета в таджикской общественно-политической жизни они рассматривают в качестве одного из приоритетов своей деятельности. Доступ к сети в республике впервые был налажен в 1995 г. Агентством по развитию Центральной Азии (Central Asia Development Agency, CADA)¹. В 2001 г. Вашингтон помог создать Ассоциацию интернет-провайдеров Таджикистана и профинансировал сеть из восьми интернет-центров по всей стране, которые проводят компьютерное обучение и помогают создавать веб-сайты некоммерческим организациям².

После того, как в Таджикистане была запрещена ретрансляция «Радио Озоди», являющегося таджикским подразделением американской информационной службы «Радио “Свобода”», на 28 языках вещающей на страны Восточной Европы и бывшего СССР³, его работа переместилась в Интернет. Сейчас портал «Радио Озоди» действует как сетевое СМИ, периодически попадая в число наиболее цитируемых по республике информационных источников, и выходит на таджикском и русском языках. Более того, недавно вернувшиеся со стажировок в США таджикские журналисты свидетельствуют, что в Америке их обучали передавать и получать зашифрованную информацию (для чего снабжали специальными программами и ключами), «раскручивать» в Ин-

¹ В Таджикистане Интернетом пользуются 1,6 млн человек // Азия-Плюс: Информ. агентство. – 2011. – 8 февраля.

² См.: Обзор деятельности USAID в Таджикистане с 1992 по 2009 г. С. 10–11.

³ Данная организация со штаб-квартирой в Вашингтоне существует за счет средств правительства США и содействует широкому распространению американских интерпретаций различных внутри- и внешнеполитических процессов среди населения авторитарных государств и государств с «молодой» или «незрелой» демократией (см.: «Радио “Свобода”» // Радио Озоди: Интернет-сайт. 2011. 20 мая. URL: http://origin-rus.ozodi.org/section/about_us/1767.html (Дата обращения: 25.04.2012.)

тернете свои страницы, преодолевать блокирующие трафик системы, а в случае перекрытия сетевых каналов действовать через так называемый «альтернативный Интернет» и независимые мобильные сети.

Еще один тревожный сигнал – сообщения об использовании социальной сети Facebook для организации общественниками уличных протестных акций в Таджикистане с целью привлечь внимание к отдельным социальным проблемам. В республике, куда практику использования Facebook привнесли обучавшиеся за границей студенты, в апреле 2011 г. состоялся первый в истории страны документально зафиксированный *flash mob* – группа активистов возложила цветы к зданию местной энергобытовой компании «в знак скорби по поводу погибшей таджикской электроэнергетики». Акция была широко освещена в местной печати, что только прибавило популярности Facebook. А уже в июне 2011 г. с помощью страницы в этом ресурсе координировали свои действия таджикские футбольные фанаты, недовольные предвзятым судейством в пользу команды, частично принадлежащей сыну президента Э. Рахмона, и вступившие в столкновения с силами правопорядка¹.

В целом новые концептуальные документы США показывают, что Белый дом будет стремиться только наращивать свои усилия в указанном направлении². К этому стоит добавить, что, согласно докладу международной организации «Internet World Stats», динамика подключения новых абонентов к «всемирной паутине» в Таджикистане сейчас одна из самых высоких среди центральноазиатских государств: в 2010 г. число пользователей Интернета в республике превысило 700 тыс. человек (9,3% населения), тогда как в 2008 г. их было 440 тыс., а в 2000 г. – всего 2 тыс. человек. В течение 2010 г. число таджикских участников сети Facebook выросло с 10 до 15 тыс. человек, а за первое полугодие 2011 г. – с 15 до 25 тыс.³ Пользователями Facebook в основном являются журналисты, интеллигенция и бизнесмены. При этом, по оценкам Ассо-

¹ Tajikistan: Facebook Users Probe Social Networking Possibilities // EurasiaNet: Website. 2011. July 7. URL: <http://www.eurasianet.org/node/63820> (Дата обращения: 16.03.2012.)

² См., в частности: IT Strategic Plan: Fiscal Years 2011–2013. Digital Diplomacy // U.S. Department of State: Website. 2012. April 18. URL: <http://www.state.gov/m/irm/rls/148572.htm> (Дата обращения: 16.03.2012.)

³ Asia Marketing Research, Internet Usage, Population Statistics and Facebook Information // Internet World Stats: Website. 2011. May 20. URL: <http://www.internetworldstats.com/asia.htm#tj> (Дата обращения: 16.03.2012.)

циации интернет-провайдеров Таджикистана, если приведенные цифры скорректировать с учетом тех абонентов, которые входят в Интернет через мобильные телефоны, то число пользователей по Таджикистану превысит 1,6 млн человек¹. Как отмечают в Ассоциации, доступ к сотовой связи в Таджикистане имеют уже около 80% населения и в последние два года среди них наблюдается резкий рост сторонников «мобильного Интернета», несмотря на высокую стоимость последнего.

Соответственно, по мере развития коммуникационных технологий, снижения цен на услуги операторов мобильной связи и Интернета все больше граждан Таджикистана будут получать постоянный доступ к информации, не соответствующей официальным позитивным оценкам деятельности властей, что, в свою очередь, повлечет снижение порога лояльности населения к действующему правительству.

Осознавая опасность «информационного шока», который потенциально может спровоцировать неконтролируемое и лавинообразное расширение Интернета, в том числе мобильного, Душанбе предпринимает попытки отвечать на новые угрозы административными мерами. Весной 2011 г. из сообщений СМИ стало известно о намерении Агентства связи при правительстве Таджикистана в целях национальной безопасности запретить всем компаниям, предоставляющим на территории республики услуги электронной связи, осуществлять самостоятельные выходы на зарубежные страны и впредь пользоваться посредничеством государственного оператора «Таджиктелеком». На фоне событий «арабской весны» в Таджикистане попытались вернуться к идее «единого коммутатора», ранее обсуждавшейся в 2004 и 2009 гг.² Однако, как выяснилось позже, ее реализация проблематична, в том числе с технической точки зрения, а исходила эта инициатива скорее всего от самой компании «Таджиктелеком», решившей за счет монополии поправить свое финансовое положение.

Об обеспокоенности властей Таджикистана по поводу растущей роли Facebook в аккумуляции антиправительственной активности свидетельствует блокирование в РТ этой социальной сети, о котором стало известно в ноябре 2012 г. Согласно комментариям руководства таджикской Службы связи, причиной тому

¹ См.: В Таджикистане Интернетом пользуются 1,6 млн человек.

² В Таджикистане намерены монополизировать электронную связь // Regnum: Информ. агентство. – 2011. – 29 апреля.

стали «многочисленные просьбы граждан о закрытии этой сети из-за оскорблений в адрес властей республики в блогах Facebook»¹.

Еще одной сферой приложения усилий американцев в Таджикистане стала поддержка НПО, реализующих разнообразные проекты в области образования (Институт по освещению войны и мира (Institute for War and Peace Reporting, IWPR), Институт «Открытое общество» (Фонд Сороса) и др.)². Программы обучения коснулись здесь не только журналистов, правозащитников и других представителей гражданского общества, но также сотрудников Министерства финансов, Министерства экономического развития и торговли, Министерства образования, Министерства здравоохранения, таможни, вооруженных сил, правоохранительных органов, руководителей муниципалитетов, предпринимателей и религиозных деятелей. Кроме того, ежегодно более 170 граждан Таджикистана выезжают на учебу в Соединенные Штаты по различным программам, финансируемым правительством США (FLEX, JFDP, MUSKIE, TEA, UGRAD, «Связи сообществ», IVLP и «Fulbright»)³.

Все это не только способствует формированию прозападной части общественно-политической элиты в Таджикистане, но и расширяет в этой стране разведывательные возможности США⁴. Не секрет (многие соответствующие факты изложены в открытой печати), что близкие к американскому правительству агентства и фонды, включая USAID, NED и Корпус мира, используются не только для распределения бюджетных ресурсов, но и для организации прикрытия деятельности американских специальных

¹ Доступ к сети Facebook в Таджикистане полностью заблокирован // РИА Новости: Информ. агентство. 2012. 27 ноября. URL: <http://ria.ru/world/20121127/912383247.html> (Дата обращения: 29.11.2012.)

² IWPR обучил правозащитников и журналистов Таджикистана новым медиатехнологиям // Бюро по правам человека и соблюдению законности: Интернет-сайт. 2010. 30 октября. URL: <http://www.humanrts.tj/ru/index/index/pageId/109/> (Дата обращения: 16.04.2012.)

³ Посольство США дарит 10 000 книг для библиотек. Пресс-релиз посольства США в Таджикистане от 7 октября 2010 г. // Посольство Соединенных Штатов Америки. Душанбе, Таджикистан: Офф. интернет-сайт. URL: http://russian.dushanbe.usembassy.gov/pr_10082010.html (Дата обращения: 25.04.2012.)

⁴ Ашуров М. «Троянский конь» в Центральной Азии / Маруф Ашуров // Военно-промышленный курьер. – 2006. – 1–7 ноября. – № 42 (158). – С. 3.

служб¹. Такая работа дает свои результаты. Именно в Таджикистане начинал профессиональную карьеру известный «борец с режимом» в России Олег Панфилов. Он тенденциозно освещал события гражданской войны в республике и был вынужден впоследствии покинуть ее, перебравшись в Москву, где возглавил Центр экстремальной журналистики. В 2009 г. Панфилов переехал на постоянное место жительства в Грузию, откуда ведет активную антироссийскую пропаганду в интересах правительства этой страны.

Вместе с тем, оценивая некоммерческий сектор в Таджикистане (в котором, по некоторым оценкам, занято до 20 тыс. человек), нельзя обойти вниманием те объективные трудности, с которыми он сталкивается в местных реалиях. Таджикские НПО пользуются меньшей поддержкой Белого дома, чем их коллеги в Киргизии и Казахстане. С другой стороны, сегмент НПО в Таджикистане поражен сильнейшей коррупцией и превратился в своего рода доходный бизнес. Значительная часть средств оседает в карманах самих американцев и их многочисленных посреднических структур, которые нередко специально стремятся попасть в республику, где имеется возможность без особого шума «попилить» бюджет НПО.

В американском экспертном сообществе существует понимание того, что сложившуюся порочную систему необходимо менять. Обсуждаются, в частности, варианты выделения средств напрямую государственным и муниципальным органам. В настоящее время в Таджикистане решением правительства страны при профильных министерствах уже созданы специальные агентства в виде центров управления проектами (ЦУП), центров реализации проектов (ЦРП) и центров координации проектов (ЦКП), которые занимаются освоением грантов, выделяемых Всемирным банком, АБР, правительствами Японии, Голландии, Франции и др. Однако весьма спорно, что вовлечение в рассматриваемые процессы окологосударственных структур (хотя в них и входят иностранные представители) в условиях республики будет способствовать снижению коррупционной составляющей.

¹ См., в частности: Golinger E. La CIA utiliza la USAID como fachada, confirma alto funcionario de la agenda estadounidense / Eva Golinger // *Rebellion*. 2009. 16 diciembre; Мейсан Т. Фонд за Демократию (NED) / Тьерри Мейсан // *Сеть «демократического» вмешательства: Интернет-сайт*. 2011. 11 апреля. URL: <http://www.voltairenet.org/article128428.html> (Дата обращения: 03.02.2012.)

Таким образом, проведенный анализ показывает: хотя неправительственные организации в Таджикистане на данный момент финансируются американцами по остаточному принципу, в основном аполитичны, поражены коррупцией и мало представлены в регионах, им принадлежит заметная доля местного информационного поля и возрастающая роль в интернет-пространстве, откуда, вероятно, и будут исходить главные угрозы внутренней стабильности Таджикистана. Мировая практика доказывает: в случае необходимости неправительственный сегмент может быть использован Западом для нагнетания общественного недовольства и подъема протестных настроений, особенно опасных в условиях государства со слабой экономикой и жестким политическим режимом.

«Центральная Азия: Проблемы и перспективы (взгляд из России и Китая)», М., 2013 г., с. 43–56.

Н. Кулешова
ВОДНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ
В ЦА И ИХ ВЛИЯНИЕ НА СТАБИЛЬНОСТЬ
В РЕГИОНЕ

Глобальные проблемы современности – это совокупность разнообразных жизненно важных проблем, стоящих перед современным человечеством, начиная с катастрофического загрязнения природной среды, истощения ресурсов, разительных перекосов в демографических процессах, нехватки продовольствия и заканчивая общей глобальной проблемой – сохранения человечества. К числу глобальных ресурсов человечества относят водные ресурсы. В рассматриваемом регионе, учитывая климатические и демографические особенности, существенна их роль. Весь водохозяйственный комплекс региона работает на удовлетворение растущих потребностей населения, на нужды ирригации, на решение энергетических проблем.

Неравномерность распределения водного потенциала разделила весь регион ЦА на богатые водными ресурсами страны, к ним относятся Таджикистан и Киргизия, и зависимые от поступления воды из первых, это – Казахстан, Туркмения и Узбекистан.

Общая характеристика водных ресурсов Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркмении и Узбекистана представлена поверхностными водостоками нескольких трансграничных рек –

Амударьи и Сырдарьи (текут во всех странах региона), Талае и Чу (Казахстан и Киргизия), Или (Казахстан), Тарим (Казахстан, Киргизия), Иртыш, Тобол, Урал (Россия, Казахстан) и др., следует отметить, что первые две из названных рек – самые крупные и обеспечивают около 80% потребностей населения Центральной Азии; крупными озерами и водохранилищами – наиболее значимые – Айдар-Арнасайское, Сарыкамыш, Соленое, Сарез и др.; резервуарами искусственного происхождения – Токтагульское водохранилище (Киргизия), Каракумское (Таджикистан) и Шар-Дарьинское (Казахстан), водоканалом Достык (в основном на территории Узбекистана); резервуарами подземных вод.

В целом, водные запасы оцениваются примерно в 170–180 тыс. км³ и считаются достаточными для обеспечения потребностей около 50 млн человек. Однако вопросы регионального водного потенциала, его использования, принципы распределения остаются государственным приоритетом стран Центральной Азии и используются руководством отдельных стран для достижения своих политических целей. Таким образом, рациональное использование гидроэнергетических ресурсов остается важной проблемой экономического сотрудничества государств региона – механизм взаимных поставок не работает. Так, например, Узбекистан и Казахстан недопоставляют Киргизии, что сказывается на работе ее электростанций. Основные противоречия между Казахстаном и Узбекистаном связаны, в основном, с превышением Узбекистаном забора воды из Сыр-Дарьи и дальнейшим ее загрязнением.

Кризис вокруг Аральского моря обострил существующие противоречия между странами региона. Акватория Аральского моря сократилась более чем в 4 раза, объем воды уменьшился в 10 раз. Соответственным образом возросла концентрация соли и увеличилась площадь пустыни. Так, например, по данным экологического доклада ООН за 2009 г., если не предпринять адекватных и согласованных межгосударственных мер, то годовой сток воды в Киргизии из-за сокращения площади ледников уменьшится к 2040 г. в 3 раза. Сегодня годовой объем стока составляет примерно 55 км³ воды, а сократится всего до 19 км³.

Обусловленное высыханием Арала изменение климата в регионе, которое представляет серьезную угрозу для всего природно-хозяйственного комплекса ЦА, в том числе для состояния водных и земельных ресурсов региона, весенние заморозки в Таласской и Чуйской областях, приносящие колоссальные убытки сельскому хозяйству, – все это свидетельствует о необходимости

объединения усилий для решения проблемы на региональном уровне.

Вторым важным аспектом рассматриваемой проблемы является гидроэнергетика региона. Ее развитие в ЦА ограничивается технологическими параметрами и сезонным регулированием стока. Объединенная энергосистема Центральной Азии (ОЭС ЦА) сегодня по-прежнему переживает тяжелый кризис. В этой связи активно обсуждается введение рыночного механизма управления региональным взаимодействием. Нарастающая конкуренция гидроэнергетических и аграрных приоритетов трансграничного водопользования тормозит переход к рациональному использованию водного потенциала. Все страны региона постоянно заявляют свои права на воду (которая пока остается бесплатным ресурсом), многократно нарушают многосторонние договоренности, слабо развивают международные проекты.

Данная проблематика должна рассматриваться в тесной связи с демографической ситуацией в регионе, так как в первую очередь необходимо удовлетворение потребностей населения. Сегодня мы отмечаем резкий рост населения в регионе, его высокую плотность в сельских районах, и в связи с этим возрастающую потребность в воде. При этом следует учитывать, что рост населения в Центральной Азии будет продолжаться и в среднесрочной перспективе. По данным ООН, численность населения Казахстана к 2025 г. составит 16 млн человек, Киргизии – 7 млн, Узбекистана – 34 млн, Таджикистана – 8 млн, Туркмении – 7 млн человек.

Отсутствие взаимодействия стран по решению данного вопроса, попытки раздельной эксплуатации традиционно объединенной энергосистемы Центральной Азии, конкуренция в сфере водопользования негативно сказываются на стабильности в регионе и сотрудничестве на межгосударственном уровне. Однако правящие круги стран региона ошибочно не считают подобный кризис гидроэнергетического баланса фактором, дестабилизирующим политическую обстановку в регионе. Только комплексный подход к проблемам Арала, гидроэнергетическим ресурсам региона представляется наиболее перспективным как с точки зрения развития региона, так и с точки зрения сотрудничества с другими государствами.

Данная проблема продолжает существовать объективно, и ее успешное решение зависит от совместных усилий всех народов и государств региона. Вода и энергетика остаются основой интеграции в Центральной Азии. Известная тройственная – природная,

техногенная и социальная – основа всех глобальных проблем, сохранившаяся в полном объеме в настоящее время, проявляется и дополняется новыми характеристиками. К ним в первую очередь относятся: существенная деградация окружающей среды; истощение природных ресурсов жизнеобеспечения населения планеты; продолжающаяся социальная поляризация и растущая конфликтность общества.

*«Ломоносовские чтения. Востоковедение»,
М., 2013 г., с. 256–257.*

Н. Мамедова,
зав. сектором Ирана (ИДВ РАН)
**ИРАН: ИНТЕРЕСЫ В ЦА
И ВОЗМОЖНОСТИ ВЛИЯНИЯ**

На протяжении последних десятилетий степень заинтересованности Ирана в отношении стран ЦА менялась, но при этом Иран всегда стремился занять лидирующие позиции в регионе, чередуя разные формы влияния – идеологические, культурные, экономические. Так как внешнеэкономические связи ИРИ были ориентированы на мировые рынки, экономическая заинтересованность Ирана в регионе с однотипной с Ираном экономикой в последние годы заметно снизилась. Однако усилившееся санкционное давление Запада на Иран, сокращение экономических связей до состояния фактической изоляции, ограничение политических контактов с Западом, повысили внимание Ирана к странам Центральной Азии. Это заметно и по заявлениям иранских руководителей, и по визитам высокопоставленных лиц. Но возможности экономического влияния Ирана в ЦА в настоящее время резко ограничены из-за мирового кризиса, затронувшего также и Иран, но главным образом из-за санкций. Экономическое развитие замедлилось, разрабатывавшиеся в 2008–2010 гг. планы по превращению страны к 2020 г. в экономического регионального лидера мало реализуемы, конкурентоспособность на региональных рынках снижена.

Каковы же в этой ситуации интересы Ирана и его позиции в регионе?

1. Иран заинтересован в поиске тех ниш и тех проектов, которые не представляют значительного интереса для иностранных инвестиций, которые для всех стран ЦА стали важным фактором

развития. Иран не принимает сколько-нибудь значительного участия в добыче нефти и газа стран региона, здесь лидируют западные и американские компании, компании России, в последние годы в лидеры среди инвесторов стал успешно пробиваться Китай.

2. Но Иран весьма активен в такой отрасли ТЭК стран ЦА, как транспортировка нефти и газа через его территорию или через участие в проектах по выводу энергоносителей. Например, он ввел в эксплуатацию терминал сжиженного газа в порту (Туркмения). Для Ирана такое сотрудничество – это и способ выхода из международной изоляции. Однако возможности расширять свое участие в проектах по выводу энергоресурсов ограничены. Во-первых, центральноазиатские государства, особенно Казахстан и Туркмения, в которых сильны позиции иностранного капитала в газонефтяной отрасли, не могут не учитывать наличие санкционного режима в отношении Ирана. Во-вторых, стремление стран ЦА – экспортеров нефти и газа с помощью Ирана ослабить свою зависимость от российской трубопроводной системы может привести к зависимости ЦА от Ирана с его сложными взаимоотношениями с Западом и странами Персидского залива.

3. Поставки через Иран нефти из Казахстана (как и России, так и, возможно, Туркмении) по схеме СВОП нерегулярны и не очень велики (порядка 1 млн т).

4. Практическое участие Ирана в трубопроводной системе ЦА пока невелико. Газопровод проведен Ираном в Туркмению (уже к двум месторождениям). Иран, безусловно, заинтересован в выводе своих ресурсов через трубопроводы на региональные рынки. Но не меньше он заинтересован в том, чтобы участие в международных системах, прокладка трубопроводов по его территории обеспечивали определенные гарантии его безопасности, особенно в современной ситуации, не исключающей военного разрешения ядерной программы. Представляется, что для Ирана выгоды от уменьшения от изолированности, от снижения вероятности силового решения ядерной программы, от повышения уровня безопасности перевешивают экономические интересы. Для стран, связанных трубопроводами с Ираном, ситуация обратная. Иранские газопроводы в Туркмению, в Армению, в Турцию выгодны этим странам даже более, чем Ирану. Они не только продают (как Туркмения) или получают (как Турция, Армения и еще Нахичевань) нужный им газ, но и стали себя вести более независимо в вопросах цен на рынке газа, особенно в отношениях с Россией.

5. Иран стремится расширять сотрудничество в области электроэнергетики – через участие в строительстве электростанций, в транспортировке электроэнергии, в создании единой энергосистемы региона. В этом отношении позиции Ирана могут быть более прочными, так как эта отрасль пока не попала под санкционный режим. Для стран ЦА проблема энергетической безопасности является весьма острой, особенно для стран с большим потенциалом гидроресурсов, например, для Киргизии и Таджикистана. Таджикистан остро нуждается в поставках электроэнергии, в завершении строительства, в том числе с помощью иранских компаний, Сангтудинской ГЭС, Шуробской ГЭС на Вахше, «Айни» на Зеравшане. Возможно, что после пуска Рогунской ГЭС ситуация изменится, но пока она остается острой и Иран на этом рынке достаточно конкурентоспособен.

6. Иран может и использует крайнюю заинтересованность стран ЦА в создании транспортной системы, позволяющей им преодолеть свою изолированность от морских путей. Поэтому он предлагает проекты по расширению своей сети дорог (шоссеиных и железнодорожных) и соединению их с соседними странами, по строительству дорог в соседних странах, например, в Афганистане. Соединены дороги с Туркменией, Ираном, построена железная дорога в Афганистане, разработан проект соединения через Афганистан дороги с Таджикистаном. Иран строит туннель, соединяющий Душанбе с севером. Казалось бы, объективно все страны ЦА должны быть заинтересованы в этих проектах, предлагаемых Ираном на двусторонней основе, на основе соглашений с несколькими странами или в рамках ОЭС, так как использование развитой иранской транспортной системы дает этим странам выход к портам Персидского залива. Но и здесь для Ирана все очень сложно. Лоббируемый Ираном проект строительства железной дороги вдоль Каспийского моря, который еще совсем недавно одобряли страны ЦА, в настоящее время фактически заморожен. Последние события, связанные с отказом Туркмении от услуг иранской компании по строительству железной дороги вдоль Каспийского моря, позволяют предположить, что причина – не в возможностях «Парс Энерджи», а в давлении на Туркмению других стран. Туркменистан и Узбекистан заявили о своем интересе к проекту железной дороги в обход Ирана – из Азербайджана в Карс, дающей выход к Черному морю. Представляется, что именно участие Ирана в этих масштабных проектах, в которых он заинтересован политически и

экономически, усиливает и его заинтересованность в стабильности региона.

7. Экономическое влияние Ирана на страны ЦА через внешнюю торговлю невелико из-за однотипности экономик. Но в настоящее время, когда для Ирана, как никогда, стала актуальной задача увеличить свой не нефтяной экспорт, можно ожидать расширения внешнеэкономических связей, в том числе и за счет продукции иранского ВПК. (Основные объемы торговли Ирана со странами ЦА приходятся на двухсторонние отношения, на Организацию экономического развития приходится не более 5% иранского оборота.)

8. Общей для региона является Каспийская проблема, имеющая разные аспекты. Для Ирана – это, прежде всего, проблема безопасности, так как на этом и туркменском участке иранской границы нет американских войск или войск НАТО. Претензии Ирана на больший процент акватории на данный момент определяются не экономическими причинами (в виде претензий на спорные месторождения), а скорее всего, являются поводом затянуть решение правового статуса моря и не допустить присутствия в нем военных сил третьих стран.

9. Иран в меньшей степени втянут в решение обостряющейся проблемы распределения трансграничных вод. Непосредственно он связан в этом отношении с Афганистаном, а со странами ЦА – опосредованно, через строительство гидротехнических сооружений в Таджикистане.

10. Культурно-идеологический аспект во взаимоотношениях Ирана со странами ЦА являлся и до сих пор является преобладающим. В последние 20 лет Иран использовал для расширения своего влияния главным образом такой компонент как общее историческое и культурное прошлое. Во всех странах региона, включая Афганистан, созданы и активно работают культурные иранские центры, им активно помогает такой исламский иранский фонд, как Комитет имама Хомейни. Выдвинута идея союза ираноязычных стран (Иран, Таджикистан, Афганистан), руководители этих стран встречаются в рамках такого союза, и хотя практически заметных результатов нет, определенный политический эффект от таких встреч достигается: Иран демонстрирует свое участие в политическом региональном диалоге, хотя Таджикистан и Афганистан надеются получить большие объемы помощи от Запада.

Идеологическая экспансия ИРИ в виде идей экспорта исламской революции, которая была так актуальна в первые после рево-

люции годы, сошла на нет. Никакой практической деятельности по их реализации Иран в отношении ЦА не предпринимал, более того, опыт по урегулированию войны в Таджикистане, по отношению к талибам в Афганистане показал, что Иран всячески пытался снизить накал экстремизма, обеспечить спокойствие на своих границах. Конечно, религиозное влияние Ирана на исламские движения в странах ЦА сильно ограничено отличием в мазхабах, хотя Иран постоянно подчеркивает необходимость единства в рамках общей мусульманской уммы.

Однако нельзя исключать и другого варианта, когда вытесняемый из всех экономических проектов, загнанный в угол, Иран вновь может попытаться использовать исламский фактор, поддерживая светским режимам стран региона оппозиционные движения. Да и через свои культурные центры Иран активно распространяет труды не столько классиков своей литературы, сколько труды исламских идеологов, открывает религиозные школы, оплачивает обучение студентов из ЦА в университетах и медресе Ирана. Да и опыт связей с исламскими суннитскими организациями у него есть, достаточно вспомнить его взаимоотношения с Хамас. В 90-е годы поддерживались отношения с ИДУ. В иранском Хоросане, по некоторым данным, остались еще с 90-х годов лагеря для семей членов ИДУ. Степень идеологического воздействия во многом будет зависеть от результатов президентских выборов в Иране в 2013 г.

* * *

Однако в целом для Ирана ЦА – это, главным образом, возможность снизить политическую изоляцию. Он не ведет борьбу за ресурсы, за изменение границ. Он не является конкурентом ни России, ни Китаю. Объективно оценивает претензии Казахстана на лидерство в регионе. И его влияние на регион до сих пор было в значительной мере стабилизирующим. Его поддержка исламских движений не выходила на уровень их официальной государственной поддержки, на уровень конфронтации с государственной властью стран Центральной Азии.

Низкий уровень экономической, военной (военный договор заключен лишь с Таджикистаном) и политической взаимозависимости позволяет предположить, что в случае военного решения иранской ядерной программы официальной поддержки от стран ЦА он не получит. Но нужно учитывать, что исламские настрое-

ния в регионе чрезвычайно сильны, несмотря на светский характер власти в странах ЦА. Нельзя не учитывать и того, что характерная для режимов стран ЦА клановая экономика, теснейшая связь правящих кланов с компаниями США и Европы, также подогревает исламские оппозиционные настроения. Потенциал социального взрыва значителен. Поэтому в случае военного решения его ядерной проблемы можно прогнозировать помощь Ирану через добровольческие исламские отряды, через исламские организации, несмотря на разницу в мазхабах, забываемую при агрессии на мусульманскую страну, а главное – очередной всплеск исламских экстремистских настроений.

*«Вызовы безопасности в Центральной Азии»,
М., 2013 г., с. 102–105.*

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Е. Дорошенко,

кандидат филологических наук

СМЕРТЬ МУАММАРА КАДДАФИ: УРОКИ ИСТОРИИ

«...в большинстве случаев Смерть терпит поражение, когда она появляется с развевающимся черным знаменем среди поднятой на поле боя пыли или в центре урагана. В подобных случаях Смерть, убежденная в своей победе, самообольщается; она побуждает тем самым своего противника сопротивляться, что ведет ее к поражению».

Муаммар Каддафи. Рассказ «Смерть»¹

Историческая реальность непрерывна и целостна – ее нельзя отменить, свести на нет умышленным перетолкованием, намеренно стереть, полностью уничтожить, а затем, когда – и если – в этом появится необходимость, «сотворить» заново. Целенаправленное создание «белых пятен» под влиянием момента, в угоду сменившейся власти или в соответствии с новой идеологией будет иметь лишь кратковременный эффект. В современном мире, где информация давно уже стала не менее важным цивилизационным топливом, чем нефть, скрытое манипулирование очевидной исторической данностью практически невозможно, хотя попытки такого рода были и есть.

Благодаря глобализации и новым технологиям важнейшие события современности год от года становятся все лучше документированными и более доступными, поэтому попытки их «утаивания» выглядят, по меньшей мере, наивно. Способность народа принять историческую правду о своей стране, с одной стороны, говорит о его зрелости, а с другой – о несомненной готовности строить свое будущее на прочном фундаменте фактов, а не на болезненных преувеличениях или откровенных мифах, в том числе и доставшихся в наследство из прошлого.

В жизни государства есть знаковые события, будь то революция, смена режима или принятие нового закона. В том же смысле и смерть тех, кто своими действиями так или иначе повлиял на развитие страны, может служить ценным историческим уроком.

Сейчас, спустя два года после трагической гибели ливийско-го лидера Муаммара Каддафи 20 октября 2011 г., когда медийная эйфория по поводу смерти «жестокого диктатора, угнетавшего собственный народ»², улеглась, сменившись тревожными сообщениями о нападениях на посольства³, атаках боевиков и прочих проблемах с безопасностью⁴, истинное положение дел и закономерности избранного новыми ливийскими властями пути развития начинают проявляться все четче.

Вместе с идеологически «темным» прошлым и огромными природными богатствами от прежнего режима теперешнему руководству достались и такие достижения, как система бесплатного государственного образования и здравоохранения, установленный для ливийских граждан набор социальных льгот (например, отсутствие платы за жилье и электроэнергию), развитая инфраструктура и ирригационный проект «Великая искусственная река» с целью полностью обеспечить население питьевой водой⁵.

Самоценность всего этого для общества, независимо от идеологической обертки, очевидна. Каддафи действительно сделал, что мог, и теперь, после его смерти, настала очередь других сделать лучше.

Вполне естественно, что для построения гражданского общества, которого, как утверждает, при Каддафи не существовало⁶, два года – слишком короткий срок. Однако уже появился целый список завоеваний ливийской революции 17 февраля 2011 г., главным из которых названа «ликвидация режима Каддафи (и его самого)», поскольку «этот человек являл собой воплощение диктатуры, и его отставка давно уже запаздывала. Его захват и отстранение от власти стало сбывшейся мечтой, которую ливийский народ лелеял на протяжении сорока лет»⁷.

Но физическим устранением Каддафи новые власти не ограничились; политика последовательного «стирания» любых ассоциаций с прежним режимом проявилась сразу в нескольких направлениях:

– закон о люстрации, по которому ни один гражданин Ливии, в той или иной степени поддерживающий прежний политический порядок, не имеет права занимать государственные посты⁸;

– намеренное игнорирование плачевного состояния таких городов, как Сирт, Таверга и Бани Валид, превратившихся в города-призраки после ожесточенного сопротивления повстанцам⁹;

– частичный отказ от заявленного ранее курса на свободу прессы¹⁰.

Такой идеологический фильтр «мести» в сочетании с проблемами безопасности и при отсутствии реальной власти и авторитета у нового ливийского правительства серьезно тормозит процесс демократизации. Так, например, закон о люстрации был принят под сильным давлением вооруженных группировок, которые за последние два года установили в стране вечный «праздник непослушания» с оружием в руках¹¹. В подобных условиях голоса всех без исключения ливийских граждан – в том числе и тех, кто до сих пор продолжает поддерживать прежний режим, – не могут быть услышаны, и в этом содержится еще одно противоречие заявленному курсу на демократизацию.

О том, что Каддафи все же пользовался поддержкой значительной части населения в последний год своего правления, говорят следующие факты:

– во время вооруженного противостояния режима и повстанцев, поддерживаемых силами НАТО, в Триполи и других ливийских городах проходили не только анти-, но и проправительственные демонстрации, самой масштабной из которых стал так называемый «марш миллионов», состоявшийся 1 июля 2011 г., в котором, по разным оценкам, участвовали от нескольких десятков тысяч¹² до 1 млн 700 тыс. человек¹³;

– 8 августа 2011 г. в ходе пресс-конференции, посвященной последствиям натовской бомбардировки города Маджер, официальный представитель режима Муса Ибрагим сделал следующее заявление: «Как может режим, начисто лишенный поддержки населения, полностью отвергнутый собственным народом, быть настолько жизнеспособным, чтобы противостоять ... силам НАТО и вооруженным повстанцам [выживать в условиях] морского эмбарго, бесполетной зоны, замороженных активов и дипломатической войны – каким же тогда должен быть этот изолированный сверхчеловеческий режим? Мы же смогли... выстоять, потому что народ, наш народ – с нами»¹⁴.

Если отвлечься от явной пропагандистской окраски этих свидетельств, можно сделать вывод, что в первом случае речь идет о действительно заметном количестве сторонников режима (скорее всего, нескольких сотнях тысяч, если попытаться найти «золо-

тую середину» между преуменьшенными данными западных СМИ и преувеличенными – прежних ливийских властей). Однако, даже если согласиться с самыми скромными цифрами, стоит учесть, что для Ливии, население которой составляет всего 6 млн человек, даже десятки тысяч – уже значительное число. Невозможно ожидать, что все эти люди в одночасье исчезнут или изменят свою позицию, а следовательно, в условиях истинной демократии и их мнение должно быть принято во внимание.

Второй факт свидетельствует об относительной жизнеспособности режима (к моменту, когда было сделано заявление, вооруженное противостояние продолжалось уже около полугода) и указывает на то, что армия, несмотря на случаи дезертирства (самым заметным из которых стал переход на сторону повстанцев министра МВД Абдула Фатах Юниса 22 февраля 2011 г.), выступила, в целом, на стороне Каддафи¹⁵.

В качестве сравнения здесь стоит отметить, что сам Каддафи пришел к власти во главе протестного движения, зародившегося именно в армии: переворот 1 сентября 1969 г. в Ливии свершился по тому же сценарию, что и революция в Египте 23 июля 1952 г. во главе с Гамалем Абделем Насером¹⁶. И в другом случае обошлось практически без жертв¹⁷ (в отличие от вооруженного противостояния в Ливии 2011 г., в ходе которого погибли, по оценкам ливийских источников, по меньшей мере, 30 тыс. человек, и были ранены 50 тыс.¹⁸). Более того, о привлечении к свержению режима «третьей силы» офицеры-юнионисты не могли даже помыслить, поскольку само присутствие на территории Ливии и Египта иностранных военных баз воспринималось тогда – с позиции основных панарабистских националистических установок – как проявление колониализма и признак неполной политической самостоятельности, а значит, и вызов государственности.

Исторической же особенностью революции 2011 г. стало не только участие НАТО на стороне повстанцев, но и вмешательство «Аль-Каиды», о чем, помимо задокументированного СМИ признания одного из главных полевых командиров¹⁹, говорит и тот факт, что ее «черное знамя развевалось над общественным зданием в Бенгази»²⁰. При этом тема «наемников Каддафи»²¹ – а под это определение попадали практически все темнокожие, находившиеся в тот момент в Ливии, – активно использовалась повстанцами и во время вооруженного противостояния, и после, уже как своеобразное оправдание убийствам по расовому признаку²².

Еще одно отличие революции 1 сентября 1969 г. Несмотря на откровенную ненависть к прежнему коррумпированному режиму, «чье тошнотворное зловоние всех нас ужасало»²³, члены пришедшего к власти Совета революционного командования (СРК) ограничились лишь пожизненным изгнанием из страны свергнутого ими лидера – короля Идриса.

Не было ни пыток, ни публичной казни, ни последующих многократных ее демонстраций по всем ведущим новостным телеканалам мира, ни кадров мертвого окровавленного «трофея» на полу морозильной камеры супермаркета, да и тяга к фотографированию с трупами отличала в те времена лишь тех, кто прежде устанавливал в Ливии «порядок» по распоряжению Муссолини²⁴.

Это, в совокупности с целым рядом других характерных особенностей ливийской «арабской весны», таких, как уже упомянутый закон о люстрации, намечающийся раскол страны²⁵, а также решение американской администрации об оказании помощи ливийским властям в подготовке местных сил безопасности (хотя и не на территории государства непосредственно, но, видимо, по сходным принципам, судя по двусмысленному заявлению официальных лиц из Минобороны США о том, что «опыт НАТО в подготовке сил безопасности в Афганистане и Ираке дает им необходимую компетенцию сделать нечто подобное и с Ливией»²⁶) все больше сближает «ливийский сценарий» с иракским.

Затянувшийся переход к демократии в Ираке, продолжающийся вот уже десять лет, сопровождается горькой иронией и неожиданным поворотом антиамериканских настроений среди населения: «[Теперь] мне бы хотелось, чтобы американцев здесь никогда не было. Они разрушили нашу страну. Они посеяли раздор... Они заставили нас оплакивать дни [правления] Саддама Хусейна»²⁷.

* * *

Хотелось бы надеяться, что будущее новой Ливии не окажется столь же мрачным²⁸ и что ливийскому руководству не придется делать схожий с египетским идеологический ход, сетуя, что «исламисты вырвали победу у революции»²⁹. Информационная пыль и постоянно меняющиеся знамена на ливийском поле боя, в конце концов, должны будут уступить место трезвой, реалистичной оценке всех исторических периодов, смягченной полутонами, а не сплошь изрезанной лезвиями черного и белого. Именно это и

послужит одним из доказательств настоящей зрелости нации и ее готовности взвешенно и обдуманно продолжать строить будущее своей страны.

Примечания

- ¹ Каддафи М. Смерть (перевод с арабского А. Подцероба) // Азия и Африка сегодня. – 2001. – № 2. – С. 71.
- ² Travis J. Vatican: Gaddafi's death marks end of 'harsh and oppressive' regime. – <http://www.catholicherald.co.uk/news/2011/10/21/vatican-gaddafis-death-marks-end-of-harsh-and-oppressive-regime/>
- ³ Gumuchian M., Shennib G. Embassy attack spreads Libyan instability to capital. – <http://www.reuters.com/article/2013/04/24/us-libya-security-idUSBRE93N0ZG20130424>
- ⁴ Katulis B., Juul P. The real scandal in Libya: A Security vacuum and new terrorist threats. – <http://www.americanprogress.org/issues/security/news/hreats/>
- ⁵ Waduge S. Cost of killing Gaddafi. – <http://www.srilankaguardian.org/2011/10/cost-of-killing-gaddafi.html>
- ⁶ Harding L. Libya after Gaddafi: now the hard work begins. – <http://www.guardian.co.uk/world/2011/oct/21/libya-after-gaddafi-analysis>
- ⁷ Libyan youth voices: 10 successes since the Revolution. – <http://internationalpoliticalforum.com/libyan-youth-voices-10-successes-since-the-revolution/>
- ⁸ Political isolation Law: The full text. – <http://www.libya-aherald.com/2013/05/14/political-isolation-law-the-full-text/>
- ⁹ Head J. Should Libya rebuild Gaddafi's hometown of Sirte? – <http://www.bbc.co.uk/news/world-africa-16961376>; Gadhafi's ghost haunts Libya. – <http://www.hurriyetdailynews.com/gadhafis-ghost-haunts-libya.aspx?pageID=238&nid=12178>
- ¹⁰ Brenzel K. In Libya, new media freedom is uncertain. – http://www.cjr.org/behind_the_news/libya_media_freedom_tightening.php?page=all
- ¹¹ Так, например, бывшие повстанцы в течение недели блокировали работу МВД Ливии. – <http://www.afriquejet.com/news/9187-libya-interior-ministry-reopens-for-business.html>
- ¹² Libya Crisis: Thousands at Tripoli pro-Gaddafi rally // Сайт «Би-би-си». – <http://www.bbc.co.uk/news/world-africa-13998833>
- ¹³ <http://www.intifada-palestine.com/2011/07/one-third-of-libya-turns-out-to-support-qaddafi-in-worlds-largest-march-ever/>; www.voltairenet.org/article170830.html
- ¹⁴ <http://libyadiary.wordpress.com/2011/08/08/moussa-ibrahim-the-majer-massacre/>
- ¹⁵ Комментируя ситуацию в армии Каддафи, американский военный аналитик, профессор Института стратегических исследований В.Э. Террилл отмечает: «Таким образом, отказ исполнять противозаконные приказы [Каддафи] был исключением, а не правилом» – см.: Tetrill W.A. Lessons of the Iraqi De-Ba'athification Program for Iraq's future and the Arab Revolutions // Strategic Studies Institute, 2012, p. 75. – <http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/pdffiles/PUB1106.pdf>
- ¹⁶ Abdel Nasser E.G. Biography. A historical sketch of President Gamal Abdel Nasser. – http://nasser.bibalex.org/Common/pictures01-%20sira_en.htm#4

- 17 1952: Egyptian army ousts Prime Minister – http://news.bbc.co.uk/onthisday/hi/dates/stories/september/7/newsid_3074000/3074069.stm; 1969: Bloodless coup in Libya. – http://news.bbc.co.uk/ont-hisday/hi/dates/stories/september/1/newsid_3911000/3911587.stm
- 18 Libyan revolution casualties lower than expected, says new government. – <http://www.guardian.co.uk/world/2013/jan/08/libyan-revolution-casualties-lower-expected-government> At least 30,000 killed, 50,000 wounded in Libyan conflict. – <http://www.tripoli-post.com/articleDetail.asp?c=1&i=6862>
- 19 Swami P. Libyan rebel commander admits his fighters have al-Qaeda links – <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/africaandindianocean/libya/8407047/Libyan-rebel-commander-admits-his-fighters-have-al-Qaeda-links.html>
- 20 Libya: al-Qaeda flag flown above Benghazi courthouse. – <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/africaandindianocean/libya/8861608/Libya-Al-Qaeda-flag-flown-above-Benghazi-courthouse.html>
- 21 Ray C. Gaddafi and the mercenary myth. – http://www.huf-fingtonpost.com/carinaray/gaddafi-mercenaries_b_983506.html
- 22 Libya: NTC must take control to prevent spiral of abuses. – <http://www.amnesty.org/en/news-and-updates/report/libya-ntc-must-take-control-prevent-spiral-abuses-2011-09-12>; Human Rights Watch report on the Tawergha. – <http://humanrightsinvestigations.org/2013/03/20/human-rights-watch-report-tawergha/>
- 23 Kawczynski D. Seeking Gaddafi. London. – 2010. – P. 18.
<http://www.kalamullah.com/Lion-of-the-desert.html>
- 24 Libya: Semi-autonomy declared by leaders in East. – <http://www.bbc.co.uk/news/world-africa-17271431>
- 26 Casert R., Baldor L. NATO to send expert mission to Libya. – <http://news.yahoo.com/nato-send-expert-mission-libya-154636972.html>
- 27 Hussain M. Iraq, Syria and the death of the modern Middle East. – <http://www.aljazeera.com/indepth/opinion/2013/05/2013567200437919.html>
- 28 По словам профессора Террилла, «к счастью, существует определенное число ливийцев, по-видимому, воспринимающих события в Ираке как предостережение». – См.: Terrill W.A. Op. cit. – P. 71. – <http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/pdffiles/PUB1106.pdf>
- 29 Egypt's revolution hijacked, country 'falling apart': El-Baradei. – <http://english.alarabiya.net/en/News/middle-east/2013/04/09/Egypt-s-revolution-hijacked-country-falling-apart-ElBaradei.html>

*«Азия и Африка сегодня»,
М., 2013 г., № 10, с. 10–12.*

О. Бибикова,
кандидат исторических наук (ИВ РАН)
ИСЛАМ В АВСТРИИ

Республика Австрия появилась на карте мира только в 1918 г., после того как народы, входящие в состав Габсбургской

Австро-Венгерской империи, обрели независимость. Луи Джеймс, автор книги «Эти странные австрийцы», цитирует остроумное высказывание бывшего премьер-министра Франции Жоржа Клемансо: «L'Autriche, c'est ce qui reste», т.е. «Австрия – это то, что осталось». В начале XX в. Австро-Венгрия была крупнейшим многонациональным государством Центральной Европы. Действительно, в Австрии проживает огромное число людей, родители или предки которых являются выходцами из Центральной и Южной Европы. До сих пор среди австрийцев популярны выражения, которые намекают на происхождение австрийцев, например: «Ты не австриец, если твоя бабушка не чешка» и т.д.

В 1912 г. при императоре Франце Иосифе в результате аннексии Австрией Боснии и Герцеговины Австро-Венгрия пополнилась населением, исповедующим ислам. Тогда же был принят закон, признающий ислам как одну из австро-венгерских конфессий. Первоначально закон касался лишь последователей ханафитского мазхаба – одной из четырех основных правовых школ суннитского ислама. Позже положения закона были расширены и охватывали также последователей других направлений суннитского и шиитского ислама, во всей полноте представленного сегодня в мусульманской общине Австрии. В Австрии закон, принятый при Габсбургах, называют символом толерантности. Он дает мусульманам те же самые права, что и верующим других официально признанных в стране конфессий и религий – католикам, лютеранам, иудеям и буддистам. Со своей стороны руководители австрийских мусульманских общин говорят о законе как об уникальном акте. Он гарантирует им всесторонние права, включая религиозное образование в государственных школах. Однако за последние годы в стране распространяется недоверие и даже ксенофобия по отношению к мусульманам. Так, по итогам опроса, проведенного Институтом общественного мнения IMAS, 54% жителей Австрии видят в исламе угрозу для себя, а почти 3/4 не верят в возможность интеграции мусульман в австрийское общество. Такое мнение формируется под влиянием публикаций ультраправых сил в европейских СМИ, а также событий 11 сентября.

Следует отметить, что фактически показатели криминальной статистики среди мусульман Австрии достаточно низкие. Одновременно обращает на себя внимание возросшая активность ультраправых сил. Согласно Отчету по защите конституции Австрии (RPCA), только в 2010 г. имели место 1040 эпизодов экстремист-

ских выступлений, организованных ультраправыми, что на 31% выше показателей 2009 г.

Австрия всегда была многонациональным государством. После Второй мировой войны в стране проживало 20 тыс. хорватов, 5 тыс. венгров, 6 тыс. чехов и около 1 тыс. словаков, 15–20 тыс. словенцев, 5 тыс. цыган. Этническая пестрота способствовала выработке определенных черт характера австрийцев. Исследователи того периода отмечали определенный комплекс неполноценности, связанный с личностью Гитлера и участием Австрии в войне на стороне Германии. Современные этнопсихологии отмечают, что австрийцы представляют собой нацию, среднее и старшее поколение которой воспитано в духе принадлежности к высшей расе.

Особый восточный колорит Вене придает наличие в ней штаб-квартиры ОПЕК, при которой проживают тысячи выходцев из стран Персидского залива. На заседания ОПЕК съезжаются респектабельные господа как в европейской, так и национальной одежде. Естественно, что это вызывает интерес, а торговые корпорации отмечают спрос на европейскую продукцию со стороны сопровождающих их дам.

По официальным данным, в Австрии сегодня проживает более 1 млн иммигрантов, что составляет примерно 12% населения. Почти 400 тыс. из них – мусульмане. Большая часть этих людей – это новый низший класс, не имеющий нормальных возможностей для развития, с низким уровнем образования, проживающий в мало пригодных для жилья условиях. Тем не менее этот низший класс конкурирует с коренными австрийцами, также имеющими низкий доход и минимальное образование, за все более дефицитные рабочие места и социальные пособия. Коренное население раздражает то, что большая часть иммигрантов ведут нестандартный, по австрийским меркам, образ жизни. Иммигранты, как правило, молоды, в то время как средний возраст австрийцев значительно выше. Кроме того, у иммигрантов высокая рождаемость, а демографическая ситуация в Австрии, так же как и повсюду в Европе, вызывает беспокойство. С конца 70-х годов в стране наблюдается серьезное падение рождаемости. Впрочем, рождаемость стала сокращаться сразу после войны, что объяснялось трудным материальным положением большинства австрийского населения в этот период. Тогда же закрепились модель малодетной семьи. Небольшой естественный прирост сохраняется в менее развитых западных альпийских землях и в сельской местности. Австрийские

демографы считают, что численность населения в ближайшие годы существенно не изменится, но очевидно, что сократится доля молодых при одновременном повышении доли пожилых (средняя продолжительность жизни в 1990 г. достигла 75 лет). В результате стране грозит уменьшение трудовых ресурсов.

На рубеже 50–60-х годов в Австрию эмигрировали около 1,3 млн человек. Это означает, что практически каждый шестой гражданин страны был рожден вне Австрии. Множество людей получили австрийское гражданство и вместе с ним – все гражданские права, например, такие как активное или пассивное выборное право. Около 70% из 800 тыс. живущих в Австрии иностранцев находятся здесь уже более десяти лет. В Вене 35% граждан – это эмигранты. Каждый четвертый ребенок в начальных школах по всей Австрии из семьи так называемых переселенцев.

В 1962 г. Австрия, по примеру Германии, прибегла к найму рабочей силы за границей. Было разработано специальное иммиграционное законодательство, в основу которого было положено «Постановление об иностранной рабочей силе» от 23 января 1933 г. Оно было перенято Австрией у соседней Германии еще в условиях аншлюса и адаптировано в 1945 г. Первые договора о найме рабочей силы были подписаны с Югославией и Турцией (1964). Причем уже скоро в эти соглашения были внесены поправки о ротации – т.е. удлинении срока найма иностранного рабочего. После экономического кризиса 1973 г. уже в следующем году был принят Закон об использовании труда иностранцев. Причем был определен возможный максимум – 250 тыс. человек. Однако уже 1 марта 1974 г. правительство приняло дополнительное постановление, согласно которому предлагалось заморозить численность иностранных рабочих по уровню ноября 1973 г. В 1975 г. были разработаны меры по сохранению рабочих мест для коренного населения за счет сокращения иммиграции.

Следует отметить, что законы, регулировавшие пребывание иностранных рабочих в Австрии в тот период, не защищали их от дискриминации в оплате труда, хотя изначально речь шла о равноправии с австрийскими рабочими. В действительности права иностранных рабочих повсеместно ущемлялись.

В 1981 г. была разработана директива «По стабилизации использования труда иностранцев», которая предлагала австрийским землям рассмотреть самостоятельно вопрос об использовании иностранной рабочей силы с целью ее сокращения. Одновременно были ужесточены процедуры вербовки и найма иностранных ра-

бочих. Было решено, что максимум иностранных рабочих в стране должен составить 60% от уровня 1981 г. В Программе занятости 1983 г. впервые было сказано о необходимости учета социально-гуманитарных аспектов пребывания иностранной рабочей силы в Австрии.

К 1980 г. сокращение иностранной рабочей силы (по сравнению с 1974 г.) составило 147,4 тыс. человек. Среди них на родину было отправлено 32,6 тыс. турок.

Австрийцы чрезвычайно дорожат своей нынешней стабильностью и стремятся сохранять хорошие отношения с соседями, руководствуясь практическими соображениями. Они экономны и поэтому они нередко едут в Италию, чтобы купить лекарство, или в Венгрию к дантисту. Так что внешнее благополучие, которым славятся австрийцы, дается им не без усилий. Это обстоятельство объясняет, почему столь пристально жители Австрии следят за поведением иностранцев – беженцев, особенно за поведением представителей мусульманских стран, чей образ жизни заметно отличается от европейцев.

В Австрии много иностранцев из стран Восточной и Центральной Европы. Как известно, конец 1980-х годов ознаменовал собой изменение внутривосточной ситуации во всей Восточной Европе. Переход бывших социалистических стран к структурному реформированию своих экономик на пути к капитализму привел к определенному снижению уровня жизни и росту уровня безработицы, что было связано с сокращением занятости в промышленном секторе. Широкомасштабная война, связанная с распадом СФРЮ и утрата существовавших в социалистический период торгово-экономических связей между соцстранами, как источника постоянной экономической помощи в виде дешевых кредитов и энергоносителей, а также как рынка сбыта продукции – все это также отразилось на уровне жизни населения. Таковы основные причины современной трудовой миграции из стран бывшего социалистического лагеря. Следует отметить, что на протяжении всех 20 лет после распада социалистической системы главной страной миграции для этих стран была Германия (64,4% от всех эмигрантов из стран Юго-Восточной Европы), несмотря даже на то, что, начиная с конца 1980-х, страна ужесточила свое миграционное законодательство. В первую тройку стран, представляющих интерес для восточноевропейских эмигрантов (наряду с Германией), входят Швейцария и Австрия, эти три страны принимают 76,9% всех мигрантов. В ходе беспрецедентного расширения

Европейского союза на 10 стран в мае 2004 г. и еще на две страны в январе 2007 г. (так называемое «балканское расширение», когда в ЕС вступили Болгария и Румыния) значительно упростилась процедура въезда в страны «Старой Европы». Для ряда стран первой волны расширения ЕС был установлен переходный период продолжительностью в семь лет. Тогда, в 2004 г. свои рынки труда полностью открыли только Ирландия, Швеция и Великобритания. Австрия и Германия же, напротив, упростив процедуры, приняли решение сохранить меры адаптационного периода для «новичков» вплоть до 2011 г. с возможностью последующего продления срока. Согласно официальным данным 2002 г. примерно 12,1% эмигрантов из стран Восточной Европы эмигрировали в Австрию. Среди них были люди, принадлежащие к разным конфессиям, в том числе и мусульмане.

Сегодня мусульманское население Австрии насчитывает более 400 тыс. человек. Из них, по мнению ходжат уль-ислама Махмуда Монтазери, руководителя венского исламского центра имени Имама Али, «в Австрии проживает 70–100 тыс. мусульман шиитского течения... В этой стране функционирует около 250 мечетей, молельных домов и исламских центров. 49% австрийских мусульман имеют гражданство этой страны». Самая большая столичная мечеть расположена в 21 районе Вены, на острове. Это великолепное здание с 32-метровым минаретом вместе с богатейшей библиотекой и школой чтцов Корана принадлежит Исламскому Центру Вены, который был построен в 1979 г. Как и повсюду в Европе, большинство исламских культовых зданий внешне не имеют атрибутов мечети. В Австрии только две мечети (в том числе венская) обладают традиционными минаретами. Остальные расположились в обычных зданиях, арендованных специально для культовых мероприятий. В городах Австрии, где есть молельные здания, функционируют 17 этноконфессиональных сообществ из Турции, Чечни и Афганистана. Среди них есть как умеренные, так и радикальные группы. Усилиями боснийских мусульман была построена мечеть на улице Херготвизгассе во втором по величине австрийском городе Грац, которая обошлась им в 12 млн долл., хотя по мнению начальника полиции Граца, очевидно, что «без поддержки зарубежных мусульманских организаций не обошлось».

Мусульманское сообщество Австрии представлено несколькими мусульманскими ассоциациями, объединяющими мусульман единого этнического происхождения. Среди наиболее крупных

организаций «Исламское религиозное управление» во главе с Омаром Аль-Раби, представляющее в австрийском парламенте оппозиционную партию Социалистов. Существуют женские и молодежные организации.

4 декабря 2012 г. в Австрии во второй раз прошел фестиваль «Долгая ночь мечетей». 11 мечетей в Вене и Нижней Австрии открыли свои двери для всех желающих ближе познакомиться с Исламом и мусульманской культурой. Были организованы дискуссии по проблемам ислама, речь шла о положении женщины в исламе, имамах в Австрии, джихаде как священной войне, отношении государства и религии, интеграции и идентичности, а также исламофобии.

Следует отметить большую роль католической общественности, которая стремится наладить диалог между представителями различных конфессий, с тем, чтобы сохранить стабильность в стране. В частности, по инициативе руководства католической общины в Австрии в последние годы регулярно проводится дискуссия между представителями католической и мусульманской общин по вопросам веры. В частности в начале 2012 г. в монастыре Шлэгль (Верхняя Австрия) прошла дискуссия на тему: «Ислам – Христианство: Мы верим в одного и того же Бога? Что нас объединяет и что разделяет?». Оппонентами в дискуссии выступили Вольфганг Палавер, католический теолог, глава Института систематической теологии при университете Инсбрука и Мусса Аль-Хассан, представитель мусульманской общины Верхней Австрии, преподаватель ислама в университете Оснабрюк (в германской земле Нижняя Саксония). Участники дискуссии согласились, что христиане и мусульмане верят в одного Бога. Аль-Хассан напомнил, что арабоязычные христиане, живущие в Сирии и Ливане, также как и мусульмане, называют Бога «Аллах». Ученый отметил, что в Коране есть разделы, содержание которых имеет много общего со священной историей иудеев и христиан и это надо защищать. Наиболее важными пунктами вероучения ислама является признание «связи между нашими религиями». Католический теолог Вольфганг Палавер процитировал слова Иоанна Павла II: «Ваш и наш Бог есть один и тот же Бог, мы – братья и сестры по вере Авраама». По его мнению, разница между христианством и исламом заключается, прежде всего, «в различных толкованиях событий», в частности, отвержение мусульманами Распятия Иисуса, считает Палавер. Как одно из отличий двух религий была названа

«любовь к врагам», которая является одной из главных составляющих христианской этики, но не отражена в исламе.

Австрия уделяет особое внимание развитию исламского образования на немецком языке для мусульман – жителей страны, составляющих 6,2% населения, что является самым высоким показателем среди западноевропейских государств. В стране функционируют Исламская педагогическая академия и кафедра исламского религиозного образования при Венском университете. Первая мечеть в Австрийской республике была построена в 1977 г., а двумя годами позже было образовано первое исламское религиозное сообщество. Обучение исламу в стране проходит во всех государственных школах, в рамках предмета по изучению религий. Правительство также ежегодно тратит 4 млн евро на подготовку имамов, обучающихся исламу.

По примеру других европейских стран в Австрии было решено создать специальный факультет для подготовки имамов для австрийских мусульман. Факультет исламской теологии должен стать частью старейшего и крупнейшего на всем немецкоязычном пространстве Венского университета. Факультет должен быть открыт в 2015 г. Главная проблема при его организации – подбор квалифицированных преподавателей, уровень подготовки которых соответствовал бы местным стандартам качества университетского преподавания и научных исследований. Руководство университета объявило о своем намерении набрать преподавателей из разных этнических общин, исповедующих ислам. До недавнего времени все имамы, работавшие в Австрии, были присланы из Турции. Для того чтобы работать в Европе, они прошли специальный курс подготовки при МИД Турции. Однако австрийские власти решили отказаться от услуг турецких имамов. Кроме того, на первое время они решили пригласить несколько преподавателей ислама из Германии. Дело в том, что в 2012 г. в Тюбингенском университете открылся факультет исламской теологии.

В 2011 г. в крупнейшей в Вене мечети было организовано большое мероприятие с участием примерно 5 тыс. человек по случаю окончания мусульманского праздника Ид аль-Фитр. На нем выступил президент Австрии Хайнц Фишер, который сказал: «В Австрии ислам – одна из главных религий, более того, его влияние возрастает». Президент призвал соотечественников не подвергать живущих в стране мусульман дискриминации, подчеркнув, что живущие в Австрии мусульмане, в свою очередь, должны уважать законы этой страны. Президент отметил, что

Австрия придерживается принципа отделения религии от государства, однако это отнюдь не означает, что Австрия и ислам чужды друг другу. В ответном выступлении глава общества мусульман Австрии призвал всех присутствующих приложить силы к тому, чтобы «покончить с враждой и протянуть руку дружбы друг другу».

Австрийские власти строго следят за тем, чтобы права представителей различных верований не ущемлялись. Так, Министерство обороны при участии венских мусульманских организаций ежегодно проводит ифтар – праздник разговения для своих солдат. Это редкий случай, когда в армии учитываются интересы солдат-мусульман. А их число в австрийской армии с каждым годом увеличивается. Празднество обычно устраивается на Уппенплатц, одной из центральных площадей Вены, причем к разговляющимся может присоединиться каждый прохожий. Меню учитывает диетарные законы мусульман, но блюда обычно местные: гуляш (из говядины), картофельный салат и штрудель. Среди солдат есть не только призванные на службу по возрасту, но и контрактники (что можно объяснить высокой безработицей среди молодых мусульман). Естественно, что совместное разговение создает дружескую атмосферу и повышает патриотические чувства австрийских мусульман. Кроме того, заставляет простых венцев больше узнать о мусульманских традициях.

Подобные праздники устраивает и крупнейший австрийский банк Райфайзенбанк. Для этого приглашаются клиенты-мусульмане на ужин, который проходит в известном ресторане Кент. Разговение начинают, как и полагается, водой, финиками и оливками. Затем следует пестрое меню, в котором представлены как блюда восточной кухни, так и традиционные венские кушанья, приготовленные из халяльной продукции.

Характерно, что среди руководителей этого банка есть мусульмане. Например, Фатма Кемран, директор одного из филиалов Райфайзенбанка. Она – одна из инициаторов этого мероприятия, в котором она видит возможность рассказать коллегам об исламских обычаях. Ныне многие австрийские компании регулярно приглашают своих клиентов-мусульман в рестораны на ифтар. Характерно, что приближение праздника ощущают практически все венцы, так как в городе организуют специальные базары, где можно купить халяльные продукты к празднику.

В марте 2003 г. делегация Исламского религиозного управления во главе с медиадиректором этой крупнейшей исламской организации Аминой Багдаджати была принята министром внут-

ренных дел Австрии Лейзе Прокоп. Поводом для визита стало выступление министра на страницах журнала «Falter» с заявлением о том, что ношение хиджаба противоречит принципам и ценностям австрийского общества. Заявление вызвало бурный протест среди австрийских мусульман. Солидарность с мусульманами в этом вопросе проявили и австрийские христиане. В частности, Бригид Вайнцингер, член «Партии зеленых», выразила недоумение по поводу высказываний министра: «Если послушать Прокоп, то можно подумать, что насилие имеет место исключительно в мусульманских семьях, а в других его просто не существует». А Вольфганг Шуссель, канцлер Австрии, заявил о том, что полномочия Прокоп не распространяются на область образования. Под напором общественного мнения Лейзе Прокоп, министр внутренних дел Австрии, отказалась от своих прежних идей о запрете хиджаба в учебных заведениях страны, сделав специальное заявление по этому поводу.

Тем не менее отношение австрийцев к мусульманам и мусульманкам нельзя назвать абсолютно позитивным. Об этом пишут в австрийских СМИ образованные гражданки Австрии, принявшие ислам. Как правило это женщины, вступившие в брак с мусульманами и особо остро чувствующие дискриминацию. В феврале 2005 г. в Австрии было объявлено о создании Женского мусульманского форума Австрии (FMFO). Андреа Салех, ставшая во главе этой организации, заявила о том, что одной из главных целей станет борьба против предвзятого отношения к исламу и его адептам.

Весной 2013 г. Фуат Санач, глава одной из крупнейших исламских организаций Австрии, выступил с предложением позволить работающим мусульманам брать выходные на время своих религиозных праздников. По его словам, невозможно молиться на рабочем месте во время больших праздников. Речь идет о праздниках Курбан-байрам и Ураза-байрам. Он мотивировал свое предложение тем, что якобы это будет способствовать интеграции в австрийское общество. Характерно, что это предложение было поддержано представителями других конфессий. Члены инициативной группы «религия – частное дело каждого» предлагают компромиссный вариант, согласно которому властям следует определить количество выходных дней в году, которые верующий может взять в связи со своими религиозными праздниками.

Турецкая диаспора в Австрии

По официальным данным на 2010 г., турецкая диаспора в Австрии насчитывает 183 тыс. человек и является третьим по величине меньшинством после немцев (213 тыс.) и иммигрантов из Сербии, Косово и Черногории (207 тыс.). На самом деле турецких иммигрантов здесь гораздо больше – 250–300 тыс., в том числе нелегалов, а также имеющих виды на жительство, выданные в Германии. В 2009 г. 10,2% иностранцев в Австрии не имели работы, среди австрийцев безработными были 4,1%. Особенно сильно безработица затронула турок. В результате 20% турок не имеет постоянной работы в Австрии. Малый процент занятости эксперты из Организации экономического развития и сотрудничества объясняют низким образовательным уровнем, социальной стигматизацией, патриархальным укладом в мусульманских сообществах. Ситуацию усугубляет так называемое культурное «зависание», т.е. недостаточное владение как родным, так и немецким языками. От нищеты молодежь спасает система социальных пособий, выплачиваемых австрийским правительством, а также общинная солидарность, дающая возможность подзаработать в среднем и малом бизнесе (в основном это предприятия быстрого питания турецкой национальной кухни).

В 2010 г. по инициативе австрийского Министерства внутренних дел было проведено социологическое исследование, согласно которому лишь 26% турок заявили, что чувствуют себя вполне интегрированными в австрийское общество; 55% заявили, что они бы не хотели, чтобы их дети заключали брак с «нетурками». В 2006 г. аналогичное исследование показало, что 45% мусульман в Австрии не желают интегрироваться. Таким образом, можно сделать вывод о том, что проблемы «мусульман второй волны иммиграции», характерные для большинства стран Западной Европы, свойственны и Австрии.

Исследование также показало, что идентичность турецкой молодежи, проживающей в Австрии, в большей степени определяет религия (ислам), нежели австрийская культура. Более того, 50% проживающих в стране турок хотят, чтобы нормы шариата частично были инкорпорированы в местное законодательство. Итоги социологического исследования обсуждались в австрийской прессе. Эксперты считают возможной дезинтеграцию австрийского общества без разумной миграционной политики и работы с детьми мигрантов-мусульман, начиная с детского сада. Австрийские ис-

следователи считают, что процесс сближения иммигрантов и принимающего общества должен быть синхронным. В противном случае, по мнению социолога Петера Ульрама, возникновение мусульманской субкультуры среди австрийских турок вполне реально. Это произойдет, если не изменить отношение к мусульманам самих австрийцев, прежде всего людей с низким образовательным уровнем.

В 2011 г. стало известно, что Министерство просвещения Австрии работает над новой программой обучения, которая предусматривает внедрение турецкого языка как второго иностранного. Дело в том, что в школах уже существуют подобные программы французского, русского, польского, а также боснийского, сербского и хорватского языков. В этом плане австрийцы опередили Германию.

Анкара, так же как и в Германии, патронирует турецкую общину в Австрии. В частности, в посольстве Турции в Австрии есть специальный отдел, занимающийся делами турецких иммигрантов. В 2010 г. посол Турции в Австрии Кадри Эджвет Течкан в одном из интервью газете «Die Presse» обвинил власти в том, что они чинят препятствия турецким иммигрантам, ужесточают миграционную политику и создают барьеры для их интеграции. «К туркам в Австрии относятся, как к вирусу», – сказал посол. Главный пафос его выступления был направлен против отрицательного отношения австрийцев к мусульманской одежде женщин-турчанок. В ответ на это Э. Штадлер, депутат австрийского парламента (партия «Союз за лучшее будущее»), выступил на одном из пленарных заседаний с заявлением, в котором предложил объявить турецкого посла «персоной нон грата». Он также заявил, что выступление посла оскорбляет устои австрийской республики. Аналогичное выступление в Турции, по его словам, могло бы стать предметом судебного расследования согласно статье 301, по которой слова посла (будь они сказаны о Турции, а не об Австрии) рассматриваются, как уголовное преступление. «Умаление турецкой нации, государства, республиканских институтов... ведет к тюремному заключению на срок от 6 месяцев до 2 лет». Кроме того, депутат привел примеры зверских убийств христианских священников в Турции, имевших место с 2008 г. Этот эпизод свидетельствует о том, что отношения между Австрией и Турцией отнюдь не безоблачны.

Турецкий премьер Р.Т. Эрдоган регулярно посещает Австрию и каждый раз встречается со своими соотечественниками

(последний визит в феврале 2013 г. для участия в Форуме Альянса цивилизаций). Целью его визитов является давление на австрийские общественные круги, которые он намерен склонить в пользу вступления Турции в ЕС. Однако австрийские националистические партии, в частности партия «Альянс за будущее Австрии» (созданная Йоргом Хайдером в 2005 г.), протестовали против визита турецкого премьера. Накануне визита президент страны Хайнц Фишер сказал, что предстоящие переговоры турецкой делегации и чиновников Евросоюза по вопросу вступления страны в ЕС будут трудными. Австрия является одной из стран – членов ЕС, препятствующих членству Турции в Евросоюзе. Социал-демократы и Народная партия поддерживают переговоры, но при этом указывают на некоторые необходимые для обсуждения деликатные вопросы, такие как права человека и неравенство полов в Турции. Лишь 18% австрийцев поддерживают так называемое привилегированное партнерство между Турцией и Евросоюзом, а еще меньше – 5% высказываются за членство Турции в Евросоюзе.

Тем не менее в отношениях двух государств много вопросов, которые требуют разрешения. В частности, Министерство внутренних дел Австрии обеспокоено деятельностью турецкой молодежной националистической организации «Бозкурт» (Серые волки) среди турецких иммигрантов.

*Статья представлена автором для публикации
в бюллетене «Россия и мусульманский мир».*

Д. Нечитайло,

кандидат политических наук (ИВ РАН)

ИДЕОЛОГИЯ САЛАФИЗМА В США

Рассматривая Вашингтон в качестве врага № 1 «Аль-Каида» стремится перенести военные действия на территорию самих США. При этом она делает ставку как на группировки, действующие автономно, так и на отдельных моджахедов, так называемых «одиноких волков», способных в рамках общей стратегии борьбы «Аль-Каиды» совершать теракты с причинением серьезного ущерба этой стране. Следует отметить, что как в Европе, так и в США существует почва для появления такой категории радикалов. Вероятно также применение ими ОМП любого типа. Со своей стороны пропагандисты уже усилили психологический эффект от возможных будущих терактов, возложив всю ответственность за их

последствия на граждан тех государств, чьи правительства отправляют свои войска для оккупации Ирака и Афганистана. В самих США также происходит рост численности радикальных исламистов. Некоторые граждане страны принимают участие в боевых действиях на стороне исламистов в различных «горячих точках», которые могут быть использованы впоследствии для совершения терактов в США. В недавнем интервью «Аль-Джазире» один из лидеров «Союза исламских судов» Шейх Хасан аль-Харси заявил, что среди его моджахедов есть и американцы.

Махмуд Фарук Brent (Махмуд аль-Мутаазим) из штата Огайо прошел подготовку в военно-тренировочном лагере пакистанской радикальной исламистской группировки «Лашкаре Тойба». Затем он вернулся в Балтимор, где и был арестован в августе 2005 г. В свою очередь он был связан с Тариком Шахом, который снабжал всем необходимым исламистов военно-тренировочного лагеря в одном из горных районов США. В радикальную исламистскую ячейку входил также Сейфулла Чапман, бывший морской пехотинец. В ходе следствия ФБР удалось выяснить, что в США действуют несколько групп, члены которых были подготовлены в Пакистане. Одна из таких «Группа джихада в Виржинии», в которую входило 11 человек. Руководителем ее являлся Али ат-Тамими, сын юриста из иракского посольства. Известно, что в возрасте 15 лет его семья переехала в одну из стран Персидского залива, где он проявил интерес к исламу, там и познакомился с салафитской идеологией. После возвращения в США он защитил диссертацию по биологии. Кроме того, он преподавал ислам. Активно сотрудничал с «Исламской Ассамблеей Северной Америки». Группировка финансировалась одной из стран Персидского залива. В ее задачи входила пропаганда салафитской версии ислама. Пригодились связи ат-Тамими в студенческой среде, где он вербовал своих сторонников. Практически открыто проповедовал радикальные исламистские идеи, призывал к уничтожению американских военных. Ат-Тамими поддерживал контакты с египетским радикальным идеологом Абд ар-Рахманом Абд аль-Халидом и переводил его работы на английский язык. Затем члены группировки прошли подготовку на военно-тренировочных базах исламистов в Пакистане. В будущем их предполагалось использовать для совершения терактов внутри США.

Исламистские организации пытаются усилить свое влияние в университетах США, сообщает сайт «Кампус уотч», руководимый известным политологом-востоковедом Д. Пайпсом. Они ис-

пользуют сложившуюся ситуацию в американских университетах, когда подбор учебных дисциплин напрямую зависит от спонсорских денег. Многочисленные «благотворительные фонды», базирующиеся в странах Персидского залива, переводят средства для финансирования курсов исламоведения в американских университетах. После этого местные мусульманские общины направляют в университет своих активистов, выполняющих роль своего рода «контролеров политкорректности» на занятиях. Если кто-либо из преподавателей допускает критическое осмысление исламских норм, они немедленно поднимают скандал и срывают занятия. А затем исламские активисты предупреждают университетское начальство, что спонсор немедленно прекратит финансирование, если такой-то профессор не изменит своих взглядов или не будет уволен. В результате возникает вероятность превращения «курсов исламоведения» в американских университетах в арену антиамериканской и антисемитской пропаганды.

С конца 80-х годов в США проявляет активность радикальная группировка «Хизб ут-Тахрир». Известными ее руководителями являются палестинцы Ияд Хилали и Мухаммад Малкави, программист из Чикаго. Длительный период времени у себя на родине они были членами этой организации. По мнению Хилали и Малкави, число их сторонников могло быть гораздо больше, однако они избрали в своей идеологической работе режим жесткой конспирации. Например, членам «ХТ» запрещается произносить название организации. Недовольство последователей «Партии освобождения» вызвал запрет со стороны Хилали и Малкави на использование интернета в качестве средства связи и пропаганды. В действительности же причиной запрета явилось то, что основатели организации в США боялись, что в стране станут возникать новые ячейки, деятельность которых они не смогут контролировать.

Тем не менее сторонники идей «ХТ» проигнорировали рекомендации лидеров и стали вести активную проповедническую работу во всемирной сети. Новое поколение американских последователей «ХТ» через интернет-магазины продают обувь, одежду с символикой организации. Стали создаваться хип-хоп группы, в названии или репертуаре которых фигурируют исламистские лозунги. Пропаганда ведется через различные интернет-чаты. Параллельно свою работу ведут Ияд Хилали и Мухаммад Малкави. Последователем последнего стал Джалиль Абд аль-Адил, профессор клинической психологии университета Иллинойс. Хилали приоб-

рел многочисленных сторонников в мелких мечетях и молельных домах Нью-Йорка, особенно в «черных» кварталах.

Наряду с этим в рядах «Аль-Каиды» участвуют коренные американцы. В частности, Адам Гадан по прозвищу Аззам аль-Амрики регулярно выступает с обращениями, ориентированными, прежде всего, на англоязычную аудиторию. Эксперты его еще называют англоязычным рупором бен Ладена.

Обращаясь к администрации Белого дома и широкой американской общественности, он призывает их вывести солдат, военных советников и инструкторов из мусульманских стран «от Афганистана до Занзибара». «До тех пор пока на территории мусульман будет оставаться хотя бы один американский шпион или солдат, у нас будет оправдание для продолжения оборонительного джихада против вашей нации и народа». Во-вторых, Аззам аль-Амрики призывает США «прекратить военную, политическую, экономическую помощь правящим режимам мусульманского мира и передать их судьбы в руки воинов ислама. Если это не будет выполнено в достаточном объеме, то для нас этого будет достаточно для продолжения борьбы и убийств американцев.

Он требует от Запада не вмешиваться в образовательные школьные и информационные программы исламского мира, положить запрет на все трансляции, которые порочат ислам, мораль и ценности мусульман.

Следующими требованиями аль-Амрики являются: освобождение мусульманских заключенных из тюрем и лагерей, невмешательство в создание истинно исламского государства, призванного объединить мусульман всего мира. Любое невыполнение этих условий, по словам Аззама аль-Амрики, будет основанием для применения «живых бомб» и совершения терактов против граждан США и других западных стран.

Таким образом, он акцентирует внимание широкой аудитории на том, что действия всемирного движения джихада являются, прежде всего, ответом на политику, проводимую странами Запада в отношении мусульман. Он вселяет в каждого гражданина стран Запада уверенность в том, что именно от него зависит, будет ли он убит или нет.

Ориентированная на широкую публику пропаганда подразумевает проведение антивоенных демонстраций, митингов, маршей протеста в надежде на то, что это окажет необходимое давление на правительства стран для последующего вывода своих войск

с территорий мусульманских стран. В противном случае граждане Запада становятся законной мишенью для совершения терактов.

Нечитайло Д.А. «Идеология и практика современного радикального исламизма», М., 2013 г., с. 377–380.

КОНФЛИКТЫ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ В XXI ВЕКЕ

Весной 2013 г. состоялось очередное заседание Ученого совета Института мировой экономики и международных отношений РАН под председательством директора Института академика РАН А.А. Дынкина на тему «Конфликты на Ближнем Востоке в XXI веке». С основным докладом выступила доктор политических наук, главный научный сотрудник ИМЭМО РАН Д.Б. Малышева. В обсуждении доклада приняли участие доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИМЭМО Г.И. Мирский, к.и.н., зав. отделом ИМЭМО Н.А. Косолапов, доктор исторических наук, зав. центром ИМЭМО В.Г. Хорос, доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИВ РАН И.Д. Звягельская, доктор политических наук, профессор РГГУ Е.С. Мелкумян, доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИМЭМО А.Г. Володин, доктор экономических наук, руководитель центра ИМЭМО С.В. Жуков, кандидат исторических наук, зав. отделом ИВ РАН Т.А. Карасова, кандидат исторических наук, главный научный сотрудник ИМЭМО Э.Е. Лебедева, кандидат философских наук, руководитель Центра Азии и Ближнего Востока РИСИ Е.В. Супонина. Предлагаем вниманию читателей доклад и некоторые выступления, представленные на Ученом совете.

Выступление Д.Б. Малышевой

Ближний Восток (или Западная Азия по классификации ООН) представляет собой обширный регион, простирающийся от Суэцкого канала и пролива Босфор до Персидского залива. Вокруг этого пространства ведется большое количество споров и переговоров, строятся заговоры, завязываются многочисленные международные интриги и – что печальнее всего – происходят ожесточенные кровопролития, жертвами которых все чаще становятся гражданские лица.

Прежде всего – несколько предварительных замечаний, позволяющих охарактеризовать предмет анализа, хронологически затрагивающего преимущественно первое десятилетие и первые годы второго десятилетия XXI в.

Под конфликтом мы понимаем действия по разрешению социально-политических, национально-этнических, религиозных и иных противоречий с применением вооруженного насилия. К этой категории относятся гражданские войны и такие этнические конфликты, когда группы людей, идентифицирующих себя как самостоятельный этнос, порой инорелигиозный, стремятся к государственному обособлению.

В XXI в. на Ближнем Востоке имело место несколько межгосударственных конфликтов; наблюдалась здесь и практика силового решения конфликтных ситуаций посредством международных «гуманитарных интервенций». Кроме того, в последние годы международное вмешательство проявилось в более активной организации переговорно-трансформационного процесса, центральные места в котором заняли США, Саудовская Аравия, Катар (иногда при участии ООН). Возросла посредническая роль в конфликтах региональных организаций – Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) и Лиги арабских государств. Но все же большая часть конфликтов на Ближнем Востоке – внутреннего характера, несмотря даже на то, что они часто вовлекают в свою орбиту соседние страны, заинтересованные стороны, региональные державы.

Относительно новое явление в регионе – увеличение числа так называемых негосударственных конфликтов (non-state conflicts). В них транснациональные иррегулярные вооруженные формирования типа «Аль-Каиды» противостоят либо правительствам, либо гражданскому населению, которое становится объектом насильственных или террористических действий со стороны таких негосударственных субъектов.

Что касается другого предмета нашего анализа – Ближнего Востока, то он представляет собой одну из важных несущих конструкций современной мировой экономики и всей системы международных отношений. Его значимость для мировой экономики определяется в немалой степени тем, что регион является одной из крупнейших ресурсных «кладовых» развитых индустриальных государств, а также таких развивающихся стран и растущих держав, как Китай и Индия. Не удивительно, что военно-политическая и экономическая ситуация на Ближнем Востоке в

значительной степени влияет на состояние мирового рынка энергоносителей, а также на рынок вооружений. Помимо этого, что немаловажно, Ближний Восток – это и своего рода сердцевина «мира ислама», особый религиозно-культурный ареал, влияющий на положение дел в межцивилизационных отношениях в Европе и в других частях мира, – там, где наряду с представителями иных конфессий, имеется значительное количество приверженцев ислама.

Но Ближний Восток – это на сегодняшний день один из наиболее беспокойных регионов мира. По числу конфликтов он может соревноваться с Африкой, занимающей первое место в этом печальном списке. По подсчетам СИПРИ, из 69 вооруженных конфликтов в мире с 2001 по 2010 г. восемь (т.е. 12% всех конфликтов) приходится на Ближний Восток.

Конфликты в таком геостратегически значимом регионе, как Ближний Восток, равно как и в целом, положение в затронутых вооруженными противостояниями «проблемных», «неустойчивых государствах» (fragile states), выходят в глобальной повестке дня в сфере содействия международному развитию на передний план. Действующая в рамках Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) «Международная сеть по нестабильным и затронутым конфликтами государствам» насчитала в 2000-е годы в мире 47 таких стран с населением около 1,5 млрд человек. С началом арабских революций на Ближнем Востоке и в Северной Африке число «проблемных государств» возросло, и они дополнили список нуждающихся в помощи со стороны ООН, ОЭСР, международных банковских структур¹.

Кризисные явления на Ближнем Востоке возникают по многим причинам. Это и серьезная раздробленность стран региона, которые разделены по конфессиональному, национальному, политическому и прочим признакам, и столкновение интересов мировых центров, склонных все чаще прибегать к военной силе. Специфическим фактором, усиливающим конфликтность в регионе, стали демографические сдвиги, которые привели в ряде «проблемных стран» к резкому увеличению численности молодежи, по большей части лишенной работы. Обращает на себя внимание и то, что возникшие в XXI в. новые международно-политические реалии автоматически не ликвидировали предрассудки и вражду,

¹ См. подробнее: Доклад о мировом развитии 2011. Конфликты, безопасность и развитие. Вашингтон, Международный банк реконструкции и развития / Всемирный банк, 2011.

копившиеся на Ближнем Востоке десятилетиями, не приблизили оппонентов к разрешению конфликтов.

Это касается в первую очередь арабо-израильского, или, как его иначе называют, ближневосточного конфликта, во многом определяющего политическое лицо региона, но в обозримой перспективе, скорее всего, не решаемого. В основе этого самого застарелого в современную эпоху противоборства лежит противостояние между арабами-палестинцами и евреями из-за права на территорию, которую каждый из обоих народов считает своей. Это обстоятельство делает позиции сторон особенно непримиримыми, серьезно затрудняя поиски выхода из ситуации. Кроме того, она была значительно усугублена интернационализацией конфликта в эпоху холодной войны, когда СССР и США в рамках противостояния двух возглавлявшихся ими военно-политических блоков окрасили арабо-израильский конфликт идеологически. Палестинская проблема, являющаяся средоточием этого конфликта, по-прежнему имеет несколько аспектов:

- национальный, или собственно палестинский вопрос, суть которого состоит в обеспечении законности устремлений палестинцев к независимому национальному развитию в рамках собственного государства;

- региональный, поскольку нерешенность палестинской проблемы затрагивает интересы и судьбы всех арабских народов и особенно соседей Израиля – Египта, Иордании, Ливана, Сирии;

- международный, одно из центральных мест в котором занимает проблема Иерусалима: принадлежность города (в том числе и с использованием религиозной мотивации) оспаривается как еврейской, так и арабской сторонами.

Арабо-израильский конфликт усугублен ростом напряженности в палестинской среде, расхождением между идеями арабского национализма, последовательным сторонником которого остается Организация освобождения Палестины (ООП), и политизированным исламом, являющимся основой деятельности самой известной на оккупированных территориях радикальной группы – Движения исламского сопротивления (ХАМАС). Неоднозначный по своим результатам «демократический процесс» в Палестинской национальной автономии (ПНА) привел к власти вполне законным путем ХАМАС, который 25 января 2006 г. выиграл выборы в Законодательное собрание ПНА – палестинский парламент. С этим не может смириться светский ФАТХ, занимавший до того в Палестине доминирующие позиции. Принятое 30 ноября 2012 г. реше-

ние Генеральной Ассамблеи ООН о предоставлении ПНА статуса государства – наблюдателя ООН может на какое-то время укрепить пошатнувшиеся позиции лидера ФАТХ Махмуда Аббаса, но едва ли повлияет на изменение правового положения Западного берега реки Иордан, откуда Израиль уходит не собирается.

Пока же между ХАМАС и ФАТХ идет междоусобица, временами ставящая ПНА на грань гражданской войны. Ситуацию здесь едва ли можно считать разрешенной, в том числе и потому, что лидеры ХАМАС по-прежнему отказываются признавать право Израиля на существование, что делает новые вспышки насилия почти неизбежными.

О степени непримиримости Израиля и ХАМАС говорят несколько недавних конфликтов, основными целями которых явилось уничтожение Израилем военной инфраструктуры ХАМАС и предотвращение ракетных обстрелов своей территории. В декабре 2008 г. и начале 2009 г. в секторе Газа Израилем была проведена операция «Литой свинец» (тогда, кстати, в отличие от многих арабских государств ХАМАС поддержал Катар, что впоследствии усилило его влияние на это движение, имеющее также тесные связи с Ираном). А в ноябре 2012 г. Израиль провел операцию «Облачный столп», которая, помимо всего прочего, имела целью испытание в боевых условиях новой тактической системы ПРО «Железный купол», предназначенной для перехвата неуправляемых тактических ракет на дальности от 4 до 70 км. Эта операция была также и определенным посылом Ирану, с которым Израиль вот уже несколько лет балансирует на грани войны.

Другим, менее продолжительным, нежели арабо-израильский, но также достаточно значимым, является иракский конфликт. Он начался 20 марта 2003 г. с инициированной США операции «Иракская свобода». Она проводилась в рамках объявленной США «Глобальной войны против терроризма» и вслед за вторжением в 2001 г. в Афганистан. В операции участвовало 49 государств, в числе которых было и одно арабское – Кувейт, что неудивительно, ибо в августе 1990 г. оно подверглось нападению саддамовского Ирака.

1 мая 2003 г. многонациональные силы во главе с США завершили военную часть операции; к лету 2009 г. из Ирака ушли контингенты стран – союзниц США, а к декабрю 2011 г. – американские и британские подразделения. Тем не менее итоги военной операции многонациональных сил в Ираке неоднозначны. Позитивными результатами были свержение диктаторского режима

Саддама Хусейна, создание определенных условий для трансформации страны (этот процесс Дж. Буш назвал в 2005 г. «пурпурной революцией» по аналогии с «бархатными революциями», произошедшими по окончании холодной войны в Восточной Европе); Ирак не представлял, как при Саддаме, угрозу для своих соседей. Однако в проведенном американцами политическом эксперименте по демократизации Ирака ставка была сделана на шиитов и курдов как на наиболее пострадавшие при режиме Саддама общины (сунниты во времена правления Саддама Хусейна занимали главенствующее положение в государственных структурах Ирака). Это обернулось яростным сопротивлением баасистов и суннитов, к которому активно присоединилась и «Аль-Каида», имеющая здесь самоназвание – «Исламское государство Ирака». Эта организация призывает к военному джихаду, совершает террористические акты с использованием смертников. Созданная в Ираке политическая конструкция оказалась нестабильной, и ее расшатывает возобновившийся межконфессиональный конфликт. В результате конфликта в одном только 2006 г., когда Ирак захлестнула волна насилия, там ежемесячно погибали более 1000 граждан, а около 365 тыс. человек стали беженцами¹.

Возобновившееся, в том числе и как следствие иностранной оккупации Ирака, противоборство между шиитами и суннитами превращает это государство – наряду с Йеменом, Бахрейном, Сирией, где имеются крупные шиитские общины, – в площадку ирано-саудовского соперничества.

К числу «замороженных», но сохранивших в XXI в. статус-кво конфликтов можно отнести кипрский и курдский. В первом случае речь идет о территориальном конфликте относительно острова Кипр между греко-киприотами и турками-киприотами. С начала XXI в. по инициативе ООН между сторонами ведутся переговоры о воссоединении. Их, однако, осложнило принятие в 2004 г. Республики Кипр в Евросоюз, что де-факто стало признанием суверенитета греко-киприотского государства. Его отказывается признавать Турция, и это является формальным препятствием (наряду с другими) для принятия ее в ЕС. Кроме того, неожиданно открытые в Средиземноморье газовые месторождения и планы

¹ См.: UNHCR worried about effect of dire security situation on Iraq's displaced. Опубликовано 13.10.2006 на сайте Агентства ООН по делам беженцев (The UNHCR. The UN refugee agency) (<http://www.unhcr.org/news/NEWS/452fa9954.html>).

Республики Кипр их разрабатывать породили пока еще дипломатический конфликт. На одной его стороне – Республика Кипр, Греция и Израиль, на другой – Турция и Турецкая Республика Северного Кипра.

В Турции правительство вовлечено во внутренний вооруженный конфликт с различными курдскими повстанческими группами. Начиная с восстания турецких курдов в 1984 г., более 40 тыс. человек стали жертвами конфликта, который то затихает, то возобновляется. После достижения летом 2010 г. соглашения о прекращении огня в 2011 г. конфликт разразился вновь. Однако 22 марта 2013 г. лидер курдских сепаратистов Абдуллах Оджалан, отбывающий в Турции пожизненное заключение за государственную измену, призвал своих сторонников вывести боевые отряды с турецкой территории и начать мирные переговоры. А 24 марта глава военного крыла признанной ООН террористической организацией Рабочей партии Курдистана, которая ведет вооруженную борьбу за создание на юго-востоке Турции независимого курдского государства, заявил о прекращении огня.

С началом сирийского конфликта курдская проблема обрела новое измерение ввиду заметной активизации курдов, населяющих граничащие с Турцией северные районы Сирии. Там местные курды, живущие, кстати, в отличие от Ирака и Турции разрозненно, стремятся к созданию автономии по образцу Иракского Курдистана, или, как он официально именуется «Курдского района Ирака», имеющего по новой Конституции Ирака статус автономии, но де-факто являющегося полунезависимым государственным образованием в составе Ирака. В создании курдской автономии на сирийской территории заинтересованно участвует президент «Курдского района Ирака» Масуд Барзани, который покровительствует сирийскому Курдскому национальному совету. Так что у Турции имеются серьезные основания опасаться появления на своих границах, наряду с иракским Курдистаном, еще и Курдистана сирийского, а главное – усиления там влияния Рабочей партии Курдистана, что с точки зрения дальнейших перспектив, сулит Турции обострение противоречий с курдами.

С 2010 г. конфликтный потенциал Ближнего Востока усугублен событиями, больше известными за пределами арабского мира как «арабская весна». В самом Ближневосточном регионе этот мощный общественно-политический подъем, временами заставляющий вспомнить о национально-освободительных движениях на Ближнем Востоке в XX в., трактуют по-разному – «рево-

люция», «восстание» или «пробуждение». Оно, начавшись в Тунисе и Египте, завершилось потом в Ливии; отголоски его дошли до Йемена и Бахрейна, а в Сирии «арабское пробуждение» приобрело уже совсем немирный характер, трансформировавшись из протестного движения в гражданскую войну с вовлечением в нее внешних сил. По мере нарастания внутрисирийского противостояния ключевую роль в нем стали играть суннитские фундаменталисты, и конфликт между властями и вооруженной оппозицией приобретает сегодня все больше черт межконфессионального, учитывая, что властные позиции в Сирии занимают выходцы в основном из алавитской общины (она составляет 10–12% населения республики).

Каждый день конфликта уносит немало жизней. По данным ООН, в Сирии, где до конфликта проживали 20,7 млн человек, погибли около 70 тыс., 2 млн составили перемещенные лица и почти 1 млн – беженцы, укrywшиеся в основном в Иордании, Ливане, Турции, Ираке и Египте. Только с января 2013 г. более 400 тыс. сирийцев стали беженцами¹.

Главная особенность конфликта в Сирии состоит в том, что в нем, в отличие от большинства других вооруженных противоборств, заметное место в рядах оппозиции, борющейся с оружием в руках против законной государственной власти и сохранившей ей верность армии, занимают транснациональные иррегулярные вооруженные формирования. Хотя для их участников гражданство или национальность существенного значения не имеют, они не являются классическими наемниками. Но «сражаясь за идею», совершая акты террора под флагом джихада и «мученичества во имя веры», они сознательно пренебрегают международным гуманитарным правом, стремятся к максимализации наносимого ими ущерба.

Модифицировалось в Сирии и иностранное вмешательство: в отличие от Ирака и Ливии, где имело место прямое американо-натовское вооруженное вторжение, в Сирии США и европейские страны вместе с их ближневосточными партнерами избегают прямой военной интервенции. Они прибегают здесь к другому способу – ведению боевых действий извне внутренними силами, оказывая в рамках этой стратегии логистическую и военную поддержку противостоящим Асаду оппозиционным силам. В формате «Друзей Сирии» Запад и его партнеры представляют интересы сирий-

¹ См.: Syria conflict: Refugees number a million, says UN. 06.03.2013 (<http://www.bbc.co.uk/news/world-middle-east-21676542>).

ской оппозиции (главным образом Свободной сирийской армии и Национальной коалиции оппозиционных и революционных сил) в ООН и на других международных площадках. Имеют место и иные формы косвенного, но весьма действенного участия иностранных государств в смене режима в Сирии. 28 марта 2013 г. Евросоюз на заседании совета министров иностранных дел не продлил для своих государств-членов эмбарго от 1 марта 2013 г. на ввоз на территорию Сирии оружия и боеприпасов. Кроме того, в середине марта стало известно о переброске из Иордании около 300 боевиков, которых американские специалисты на своих военных базах обучали военному и диверсионному искусству.

Логика происходящих событий подтверждает, что изменить ситуацию в Сирии политико-дипломатическим путем не удастся. США и европейские страны не смогли добиться однозначного осуждения по ливийской модели режима Асада в Совете Безопасности ООН из-за позиции, занятой Россией и Китаем. Кроме того, как обнаружилось в ходе противостояния в Сирии, режим Асада пользуется поддержкой значительно большего числа людей, чем предполагалось изначально. И дело не в личных симпатиях простых сирийцев к Асаду, а в том, что люди боятся альтернативы, опасаются смены традиционно светской парадигмы Сирии на радикально-исламистскую, что грозит меньшинствам (алавитам, христианам, армянам и пр.) не просто ущемлением их гражданских прав, а физическим уничтожением. И надо сказать, что «шариатизация» политико-правовой системы Сирии в будущем не такая уж фантазия. В марте 2013 г. две крупные группировки, играющие значительную роль в антиасадовском восстании и прославившиеся своим непримиримым отношением ко всем отступникам и «неверующим» (речь идет, конечно же, в первую очередь об алавитам) – Джабхат ан-Нусра (Фронт поддержки), включенный в США в список террористических организаций, а также Катаиб Ахрар аш-Шам (Батальоны свободных сирийцев), – призвали к замене режима в Сирии исламским государством, основанном на салафитских принципах.

«Арабское пробуждение» опрокинуло сложившуюся архитектуру Ближнего Востока, где центральное место занимал Египет, что определялось его историческим влиянием в арабском мире, особыми отношениями с США, Израилем и аравийскими монархиями Персидского залива. Трансформация региона в ходе победного шествия «арабской весны» шла также на фоне выстраивания Западом новых отношений с «умеренными исламистами» в надеж-

де привить им демократические ценности, беспрецедентной политической активности «неоосманской» Турции, а также Саудовской Аравии и Катара. Целью последних стало переформатирование Арабского Востока путем замены здесь светских режимов на религиозно-ориентированные и союзные суннитско-фундаменталистские силы в их противостоянии шиитской «волне», поднятой и направляемой, как считается, историческим соперником аравийских суннитских правителей – Ираном.

«Арабская весна» создала и опасность образования пояса государств от Мавритании до Судана, находящихся в той или иной зависимости от сил политического ислама и «Аль-Каиды». Да и в целом конфликты на Ближнем Востоке, где многие процессы взаимосвязаны, не ограничиваются пределами того государства, где они происходят, воздействуя на своих соседей или даже на целые регионы.

Так, дестабилизация Сирии и Ирака сказывается на Иордании, на которую влияет также ситуация на Западном берегу реки Иордан, где Израиль отказывается идти на уступки палестинцам. Нарастает напряженность в Ливане в связи со втягиванием его во внутривосточную и межконфессиональную смуту в Сирии: в то время как ливанская «Хезболла» и местные алавиты заявляют о поддержке официального Дамаска, сунниты Ливана, симпатизирующие сирийским противникам Асада, организуют переправку через ливано-сирийскую границу нового пополнения бойцов (так же, как это делает Турция, которая де-факто стала плацдармом для вооруженного вторжения оппозиционеров в Сирию). 18 марта 2013 г. сирийские правительственные войска нанесли серию ракетно-бомбовых ударов по территории Ливана в отместку за нежелание правительства Ливана прекратить пропуск вооруженных боевиков через свою границу. Однако Ливан, имеющий самую слабую армию на Ближнем Востоке, едва ли в состоянии контролировать собственные границы или прекратить деятельность сирийских оппозиционеров на своей территории. В традиционно беспокойной зоне африканского Сахеля (куда перекинулась конфликтность с арабского Востока) разгораются конфликты в Мали, Нигере. Есть и другие потенциальные зоны, где в любой момент может вспыхнуть острый внутривосточный кризис. Это, в первую очередь, Иран, который вот уже несколько лет живет под угрозой иностранного вторжения.

Между тем, как это ни парадоксально, именно Иран, а также Сирия сдерживают волну радикального исламизма на Ближнем

Востоке. Если произойдет смена режима в Сирии, а потом и в Иране, это приведет к ряду трудно прогнозируемых, но явно негативных последствий. К примеру, резко активизируются азербайджанская и курдская карты, падет барьер, сдерживающий суннитско-фундаменталистскую экспансию, влияние исламистского экстремизма и «неоосманизма». Конкретно это может выразиться в пополнении за счет выходцев из стран Ближнего Востока рядов тех, кто является принципиальным противником любых легальных методов борьбы и готовы прибегать к террору для достижения политических целей; в контрабанде оружия, боеприпасов, укреплении инфраструктуры терроризма; в распространении идеологии радикального политического ислама. Все это – серьезные вызовы для России, что побуждает ее к более активным действиям, нацеленным на противодействие применению военной силы в регионе.

Однако влиять на конфликты России, как и Западу, становится все сложнее, тем более что ситуация на Ближнем Востоке очень быстро меняется. Иран приближается к созданию атомного оружия, что будет усиливать конфликтность, причем не только со стороны Израиля и Запада, но и со стороны арабских соседей Ирана – аравийских монархий – участниц ССАГПЗ. Отношения Израиля со всеми его арабскими соседями плохие, как никогда за последние 20 лет; не предвидится и разрешения палестинской проблемы. Под вопросом стабильность в Египте, который традиционно играл серьезную роль в ближневосточной политике. Попытки пришедших там к власти «Братьев-мусульман» выстраивать исламское государство в стране, где уже более или менее сложилось светское, не способствуют сохранению стабильности в обществе, не приближают его к консенсусу. Наконец, вмешательство Турции, претендующей на роль новой региональной державы на Ближнем Востоке, во внутренний сирийский межконфессиональный и политический конфликт еще больше усложняет и обостряет ситуацию.

* * *

Подведем некоторые итоги сказанному

Международное сообщество так и не сумело найти оптимальную стратегию решения конфликтов на Ближнем Востоке. С одной стороны, на Западе считают, что народные восстания против авторитарных режимов обусловлены экономическими проблемами, задачами модернизации государств, а потому такое народ-

ное волеизъявление не должно подавляться насильственно. Другое дело, что поддержка Западом оппозиции, в том числе и посредством военной силы, ведет совсем к иным результатам, нежели те, на которые на Западе рассчитывали: к власти приходят вовсе не демократы, а враждебно настроенные по отношению к своим ситуативным спонсорам исламисты. Неслучайно западные политики и эксперты все чаще называют процесс, развивающийся в переживших революции арабских странах, «арабской зимой».

Позиция России диктуется ее убежденностью в том, что всякого рода «гуманитарные интервенции», связанные с применением силы, должны осуществляться строго под контролем ООН. Недопустимой считают в Москве и смену режимов при помощи вмешательства извне. Это связано с озабоченностью теми последствиями, к которым, как показала международная практика, приводит свержение неугодных внешним силам режимов. В Ливии после Каддафи, в Афганистане, Ираке и, скорее всего, в Сирии Россию беспокоит не сам факт падения режимов, которые на деле вовсе и не так дружественны ей. Справедливую озабоченность российских политиков и дипломатов вызывает возникающие в результате интернационализации конфликтов общий хаос, фактический распад стран, разграбление там запасов оружия, накопленных свергнутым режимом, которое распространяется по региону и за его пределы. В России также крайне встревожены усилением угрозы терроризма, а также влияния в мире и, в частности, в российских мусульманских регионах радикальной исламистской идеологии.

Время покажет, удастся ли на Ближнем Востоке совместить поиск приемлемого и эффективного баланса между необходимым движением к переменам и сохранением стабильности. Пока же регион погружен в очередной сложный виток турбулентности, и можно только надеяться, что ближневосточным странам удастся выйти из нее, и тогда в обозримой перспективе число «проблемных государств» в мире начнет сокращаться.

Г.И. Мирский. Д. Малышева выступила с интересным, содержательным докладом, в весьма ограниченных рамках которого она сумела коснуться ряда важнейших проблем исключительно сложного и бурного региона. Но многое еще, естественно, можно добавить. Я хочу сказать несколько слов по поводу исламистов и Сирии.

Исламисты – это приверженцы радикального политического течения фундаменталистского толка, призывающие мусульман-

ское общество вернуться к «золотому веку» чистого ислама. Термину «фундаментализм» в арабском языке соответствует понятие «салафий» (от слова «салаф», предки), и «крайних исламистов» называют салафитами. У нас их зовут ваххабитами, хотя на самом деле ваххабизм – это одна из сект суннитского толка ислама, идеология которой господствует в Саудовской Аравии, а также стала основой экстремистского учения Усамы бен Ладена, создателя террористической глобальной сети «Аль-Каида». Мне пришлось однажды встретиться с узбекскими ваххабитами, откровенно объяснившими, что их целью является создание исламского государства – сначала в Узбекистане, затем в Казахстане и, наконец, в Татарстане. Получившим распространение термином «джихадисты» обычно обозначают тех салафитов, которые не ограничиваются стремлением построить исламское государство в своей стране, но призывают к «глобальному джихаду», трактуемому ими как священная война против неверных с целью возрождения Халифата. Пример «просто салафитов» – «Талибан», салафитов-джихадистов – «Аль-Каида». Мракобесная бесчеловечная практика и тех, и других хорошо известна.

Беда в том, что джихадизм – это не какое-то чуждое, неисламское течение. Даже если его назвать злокачественной опухолью на теле ислама, который никак не может считаться религией насилия и террора, все равно приходится признать, что джихадизм, исламизм базируются на одной из аутентичных исламских традиций, берущих свое начало в глубокой древности, в военных походах пророка Мухаммеда. Это лишь одна из традиций, но она имеет свои корни в исламе, а не привнесена откуда-то извне. Именно поэтому ей страшно трудно противостоять. Но необходимо. Ислам не смог выработать в себе противоядия против экстремизма – вот в чем проблема.

Что общего могут иметь «Братья-мусульмане» и «Ан-Нахда», организации, играющие сегодня первую скрипку в Египте и Тунисе, с исламистским интернационалом? Именно этот вопрос является сейчас одним из важнейших. Демократы надеются, что эти исламистские организации, считающиеся умеренными на фоне салафитов-джихадистов, будут соблюдать права человека, допустят плюрализм мнений и откажутся от попыток насаждения бесчеловечных практик шариата в экстремистской версии. Но это еще вопрос – смогут ли и захотят ли они менять кожу или хотя бы постепенно избавляться от своих броских исламистских одежд, которые и создали им репутацию. А если при этом еще и с эконо-

микой дела пойдут не так, как ожидает народ, всегда надеющийся на быстрые перемены к лучшему после избавления от ненавистной старой власти? На «Братство» обрушатся и единомышленники – салафиты – за отход от исламских принципов, и светские силы, включая военных, – за неспособность вывести страну из кризиса. Тогда, безусловно, можно ожидать раскола внутри организации, и поднимут голову все ее враги. Запад добивается введения египетским правительством мер экономии. Но не только. Нужны гарантии того, что не будет никакой радикальной исламизации. Каирским властям необходимо возрождать туризм, получать кредиты из-за рубежа, звать, приглашать иностранных инвесторов. Но ради этого придется чем-то жертвовать, отказаться от введения шариата в его максималистском значении, близком к мракобесным установкам «Аль-Каиды» или «Талибана».

Итак, исламисты, играющие сейчас первую скрипку на политической арене Египта и Туниса, оказались между Сциллой и Харибдой: идти по пути исламизации и внедрения шариата в суровой пуританской форме, как это предписывает их идеология, – означает риск оттолкнуть от себя Запад и не получить ни кредитов, ни иностранных инвестиций. Тогда экономика может рухнуть окончательно, и разочарованное, расшатавшееся население сбросит исламистов с вершин власти – вероятно, надолго, если не навсегда. А отказаться от давно разработанной и разрекламированной идейной платформы – значит подставить себя под удар более радикальных, экстремистски настроенных единомышленников.

Теперь Сирия. То, что там происходит – это уже не бедствие, даже не трагедия, а настоящая катастрофа. На наших глазах гибнет страна. Первоначально все было похоже на ставшую уже привычной «арабскую весну». Как в Египте, Тунисе, Йемене борьбу, еще в форме уличных демонстраций, вели молодые люди из среднего класса. Но правящий сирийский режим отличался двумя особенностями: во-первых, он не просто авторитарный, а почти полностью тоталитарный, однопартийный, вождистский, идеологизированный, кагебешный. Во-вторых, в Сирии, как в Ираке, первостепенное значение имеют противоречия конфессионального характера. Поэтому получилось не так, как в Египте и Тунисе, а гораздо хуже, ближе к тому, что было в Ливии. Жестокие репрессии со стороны власти привели к эскалации конфликта, превращению его в гражданскую войну.

Стал усиливаться фактор межконфессиональной борьбы, и поскольку одной из сторон здесь являются сунниты, составляю-

щие большинство населения, в Сирию стали проникать из других арабских стран все больше суннитов-боевиков, таких же, как те, которые в свое время нахлынули в Афганистан для борьбы с Советской армией, а затем в Ирак, чтобы бить американцев. Эти люди играют авангардную роль в оппозиции благодаря своей идейной убежденности, энергии, свирепости и умению привлекать массы простыми и понятными лозунгами.

План Кофи Аннана не работал с самого начала, и вряд ли кто-то верил в то, что воюющие стороны перестанут стрелять, Асад уведет войска в казармы из городов, позволяя повстанцам их захватить, или же в то, что повстанцы сложат оружие, а потом те и другие соберутся за круглым столом и начнут формировать коалиционную власть, идя на неизбежные уступки и достигая компромисса.

Гражданская война – это война до победного конца, беспощадная борьба на уничтожение. Диалог, компромисс, переговоры? Кто может себе представить Ленина и Колчака, обсуждающих за столом переговоров вопрос о коалиционном правительстве? Может быть лишь один вариант, при котором воюющие стороны согласятся на ничью – это если на них надавит мощная внешняя сила. И в данном случае такая сила есть – это ООН, которая в крайних обстоятельствах имеет право даже послать вооруженные силы, миротворцев, чтобы буквально заставить дерущихся образумиться. Именно в этом и мог заключаться единственный шанс плана Кофи Аннана. Но при условии солидарных действий ООН. Однако это оказалось нереальным с самого начала: в первой же резолюции Совета Безопасности, представленной Западом, наши дипломаты обнаружили формулировки, которые в случае чего могли быть истолкованы как оправдание интервенции. И понять эти опасения можно – вспомним прошлогоднюю Ливию.

Сбросить режим Асада американцам хотелось бы, поскольку Сирия – единственный союзник Ирана. Но воевать ради этого? Ирак многому научил. Недаром, уходя в отставку, руководитель американского военного ведомства Роберт Гэйтс сказал: «Любого будущего министра обороны, который опять посоветует президенту послать крупные американские сухопутные силы в Азию или на Ближний Восток и в Африку, надо будет отправить на обследование к психиатру». И в Англии или Франции не найдешь человека, который согласился бы пожертвовать жизнью хотя бы одного «нашего парня», солдата, для свержения какого-то арабского диктатора.

Может реализоваться видоизмененный ливийский сценарий: создается «гуманитарная зона» на границе с Турцией, убежище для спасающихся от перекрестного огня гражданских беженцев, в этой зоне концентрируются силы «Свободной сирийской армии», рассчитывающей как раз там и создать с помощью турок свой плацдарм, свой «Бенгази»; Асад, дабы этого не допустить, бросает туда армию, образуется новый очаг военных действий, оппозиция обращается за помощью к Западу, чтобы ударами с воздуха парализовать правительственные войска. Это был бы максимум того, на что готов пойти Запад, и то неохотно – ведь Асад получил от России несравненно более мощные средства ПВО, чем Каддафи.

И чем дольше продолжается война, тем большую роль в стане оппозиции играют исламистские экстремисты, джихадисты, оголтелые отморозки типа боевиков «Аль-Каиды» или «Галибана». Что будет, когда они захватят власть, – не хочется даже думать. Горе алавитам и всем шиитам, горе христианам и курдам.

И чем дольше будет идти война, унося жизни десятки тысяч людей под аккомпанемент бесполезных разговоров о необходимости диалога, переговоров и т.д., тем больше шансов на то, что в конце концов верх возьмут самые изуверские и беспощадные группировки, в первую очередь «Джабхат ан-Нусра», ответвление «Аль-Каиды». Именно они, как я уже сказал, сейчас вышли на ведущие позиции в повстанческом лагере благодаря своим высоким боевым качествам, а также помощи, которую они получают от Саудовской Аравии и Катара. Эти отморозки и изуверы своими зверствами уже восстановили против себя другие вооруженные группировки оппозиции, главным образом Свободную Сирийскую армию, пользующуюся поддержкой западных держав и Турции. «Джабхат ан-Нусра» объявлена американцами террористической организацией, что вполне логично, если учесть, что тон в ней задают те же самые суннитские боевики, верные последователи Усамы бен Ладена, которые еще несколько лет тому назад в Ираке убивали американских солдат. Можно, правда, надеяться на то, что люди «Аль-Каиды» и в Сирии переиграют сами себя так же, как это произошло шесть лет тому назад в Ираке, когда даже местные суннитские боевики, шокированные их безобразным поведением, решили, что «Америка – это плохо, но “Аль-Каида” – еще хуже». Уже слышны разговоры о «второй войне» в Сирии – между умеренными и оголтелыми повстанцами, причем Запад, естественно, должен помогать первым. Было бы уж полным абсурдом, если бы американцы в Сирии оказались де-факто союзниками ис-

ламистских террористов, которые открыто заявляют, что их главная цель – не столько свержение режима Асада, сколько создание «Исламского государства Ирака и Леванта». Но открытие «второго фронта» в сирийской гражданской войне не принесет облегчения народу, а лишь усилит тенденцию к расколу страны (надо еще учесть рост сепаратистских настроений среди сирийских курдов), к превращению Сирии в некое подобие Ирака, Афганистана и Ливии одновременно: межконфессиональная война и борьба за власть враждующих исламистских группировок.

Н.А. Косолапов. Мои комментарии будут касаться проблемы теоретического различения конфликта и войны как явлений; специфических функций конфликта вообще и его перспектив в современном мире и вероятного места стран Ближнего и Среднего Востока в осуществлении этих функций в мире в обозримом будущем.

С позиций политической теории конфликт и война – по форме нередко схожие, но по сути и содержанию принципиально и качественно разные явления. Главное различие между ними в том, что война имеет место между сторонами, которых «соединяет» лишь крайняя степень взаимной вражды. Поэтому война нередко ведется не просто на победу, но на уничтожение противника. По той же причине война сама по себе ничего не создает, она лишь расширяет место для какого-то последующего строительства.

В конфликте стороны объективно объединены, хотя субъективно, как правило, считают себя противостоящими, разъединенными некими реалиями и / или желаемым будущим, которые, однако, не устраивают хотя бы одну сторону. Выход из подобной ситуации – в изменении ее самой и / или ее связей с окружающей социальной средой. Поэтому конфликт всегда что-то видоизменяет или создает, это его главная социальная функция. Поэтому же конфликт, в отличие от войны, не предполагает уничтожения оппонента.

В тех системах международных отношений, что существовали до этапа глобализации, доминировали войны. Делились территории, заморские владения, сферы влияния, т.е. так или иначе видоизменялась сеть, какой является система международных отношений. Но при всех переделах сама эта система всегда так и оставалась сетью. Конфликты имели место обычно внутри государств и империй. Их итогом в отдельных странах были разгром мятежников и укрепление власти либо смены режимов, политического устройства, в империях – отпадение ее отдельных частей,

полный распад. То есть во всех подобных случаях происходило существенное изменение потенциала и / или конфигурации «вертикали власти» по сравнению с ее же доконфликтным состоянием.

Правомерно заключить, что война трансформирует сетевые структуры, конфликт выстраивает и / или изменяет иерархические. Изменения могут касаться как форм сетей и иерархий, так и их содержания или того и другого. На практике жесткой границы между войной и конфликтом как явлениями нет. Одно и то же недружественное взаимодействие может одним участникам представляться войной, другим – конфликтом. Но как идеальные модели и как политические феномены войну и конфликт целесообразно четко различать.

Международно-политическая глобализация открыто заявила о себе в 2000-е годы. Но прелюдией к ней стала биполярная конфронтация 60–80-х годов XX в. В условиях конфронтации шел процесс вертикальной интеграции каждой из двух противостоящих группировок: лидеры евроатлантического сообщества – США и соцсодружества – СССР стремились политически и неформально прочнее закрепить вокруг себя союзников. Доконфронтационная система международных отношений оказалась как бы разорвана на три части. Сеть межгосударственных отношений в частях-противниках была дополнена вертикалью лидерства одной из сверхдержав. В сегменте развивающихся стран движение неприсоединения не обрело мощного лидера. Как следствие, эта часть системы международных отношений не выстроила даже подобия своей вертикали, осталась внутренне неинтегрированной и в итоге «растворилась» в нынешнем мироустройстве.

С распадом СССР вертикаль евроатлантического сообщества стала основой международно-политической глобализации, придав ей «США-центричность». Никакой альтернативной вертикали пока нет; восстановилась сетевая целостность остатков системы международных отношений, но уже в условиях зачатков вертикали глобальной. Последняя может быть моно- или мультиполярной, но ее глобальная природа от этого не изменится.

Политический «спрос» на конфликты совпал с началом строительства двух биполярных вертикалей. Именно с этого времени понятие «война» постепенно замещается в мирополитическом обороте термином «конфликт». Видимо, это не было случайностью. Вертикаль порождает сопротивление ей, но одновременно

и карательную практику со стороны самой вертикали¹. При этом, если на периферии системы межгосударственных отношений по-прежнему возможны и периодически возникают войны, то вблизи вертикали – внутристрановой, международно-региональной и / или глобальной – имеют место только конфликты. Это закономерно: вертикаль занимается созданием норм, институтов, политий; и здесь нужны не только убеждение и пряники, но и кнут. Страх – важный и эффективный политический ресурс, а конфликт – один из способов накачки, подтверждения и использования этого ресурса.

Ближний Восток выполнял здесь особые функции. С середины 40-х и до начала 60-х годов это была главная арена молчаливого сотрудничества СССР и США, направленного на демонтаж роли Великобритании и Франции как прежних лидеров довоенной системы международных отношений. С 60-х и до конца 80-х годов события в регионе играли свою роль в системе биполярной конфронтации и взаимного ядерного сдерживания СССР и США.

В постсоветский период, и особенно с рубежа 2000-х годов, с началом международно-политической глобализации Ближний Восток, Северная Африка и Средний Восток становятся одной из арен отработки норм, правил, процедур таких ключевых элементов политической глобализации, как nation-building². Цель и функция политической глобализации – создание политической системы глобального мира, а не просто очередного сетевого миропорядка, как бывало в прошлом. Эта функция объективно влечет за собой растущий спрос на конфликты по трем взаимосвязанным направлениям: переустройство государств извне, сопряжение внутристрановых и транснациональных процессов социально-политических перемен, а также прецедентное обеспечение расширяющегося диапазона глобального управления.

Представляется, что задача науки в этих условиях – разработка теории и технологий ведения конфликтов различных типов с прицелом на повышение эффективности и минимизацию человеческих затрат. Ориентация на политическое урегулирование

¹ При внимательном теоретическом анализе все военные операции, осуществлявшиеся США, НАТО и СССР / Россией с начала 60-х годов и по настоящее время, были не чем иным, как карательными операциями, нацеленными против «внутреннего врага» и / или против внешних сил и стран, бросавших прямой или имплицитный вызов стране – претенденту на лидерство в своем союзе и / или в мире.

² Nation-building – процесс формирования национальной идентичности, опирающийся на политические институты, культурные ценности и традиции.

конфликтов без разработки теории их ведения – теоретически и политически ущербная, проигрышная позиция.

Е.С. Мелкумян. Несмотря на сложность поставленной задачи, Д.Б. Малышева смогла представить всесторонний анализ конфликтных ситуаций на Ближнем Востоке. Проблемы, связанные с «арабской весной», вызвали наиболее оживленные дискуссии. Говоря о роли арабских монархий, возросшей после протестных выступлений в арабских странах, необходимо затронуть вопрос о причинах активизации их деятельности и деструктивном или же, напротив, позитивном воздействии на региональную ситуацию.

В связи с этим обратим внимание на следующие немаловажные факты. Массовые выступления, охватившие некоторые арабские монархии, не привели к падению там правящих режимов, тем самым подтвердив их устойчивость и легитимность. Более того, выступления проходили не под лозунгом смены режима. Требования протестующих касались необходимости углубления политических реформ, борьбы с коррупцией и решения насущных социально-экономических проблем. Причем массовые акции протеста вообще не затронули некоторые монархические государства Залива – в их числе Саудовскую Аравию, Катар и Объединенные Арабские Эмираты.

Протестным движением в Королевстве Бахрейн руководила парламентская оппозиция. Ее главное требование – создание «выборного правительства», т.е. премьер-министром должен стать лидер победившей на выборах организации. В последние годы такой организацией была шиитская группировка «Исламская ассоциация национального единства» – «Аль-Вифак», составлявшая костяк парламентской оппозиции, куда входили также демократы и либералы, не подчеркивавшие своей конфессиональной принадлежности. Эта группировка потребовала ликвидации монархии и образования исламской республики (что не было поддержано большинством участников протестного движения). Выполнение этого требования привело бы к трансформации политической системы, основанной на власти правящей семьи Аль-Халифа, ее представитель традиционно назначался премьер-министром, равно как и все ключевые министры бахрейнского правительства. Однако правительство Бахрейна, опасаясь, что деятельность этой группировки поддерживал Иран, обратилось к своим партнерам по ССАГПЗ за помощью. В Бахрейн были направлены вооруженные формирования из состава объединенных сил Совета сотрудничест-

ва «Щит полуострова», укомплектованные, главным образом, саудовскими военнослужащими. Они не принимали непосредственного участия в разгоне демонстрантов. Но их присутствие должно было, по официальным заявлениям властей, сдерживать агрессивные намерения Тегерана. Бахрейнское руководство полагает, что некоторые иранские политические силы не отказались от идеи аннексии Бахрейна. Эти формирования и в дальнейшем, уже после спада протестных выступлений, не оказывали давления на развивавшийся в стране политический процесс. Всего в Бахрейне в ходе демонстраций погибли, по данным правозащитных организаций, не более 70 человек.

Монархии Залива смогли активно участвовать в решении проблем, возникших в арабском мире из-за длительного противостояния между оппозицией и правительством, потому что в пределах их собственной территории протестное движение отсутствовало либо было минимальным. Это – один из факторов, способствовавший тому, что наибольшую активность в регионе арабского мира проявили Саудовская Аравия и Катар.

В то же время все государства – члены Совета сотрудничества были вовлечены в решение проблем, возникших в регионе Ближнего Востока. Их деятельность была направлена на стабилизацию региональной ситуации. Неслучайно, что именно члены ССАГПЗ выдвинули инициативу по урегулированию положения в Йемене, благодаря которой удалось добиться отстранения от власти президента Ахмеда Салеха (это было главным требованием оппозиции) и не допустить начала широкомасштабной гражданской войны. Йеменский сценарий государства члены Совета сотрудничества предлагали осуществить и в Сирии. Их предложение нашло поддержку со стороны Лиги арабских государств, но из-за позиции России не было реализовано. Расхождение между Россией и членами Лиги арабских государств в будущем создаст неблагоприятные перспективы для развития отношений между Россией и арабским миром.

Для арабских монархий Залива смена режима в Сирии имеет принципиальное значение. Они осудили режим Б. Асада за то, что действия правительственных войск привели к массовым жертвам среди мирного населения и потребовали его ухода. Позиция этих стран по сирийскому вопросу, вне всякого сомнения, связана и с их стремлением ослабить Иран, который не только признан государствами Совета сотрудничества главным стратегическим противником, но и является союзником правящего сирийского режи-

ма. В то же время монархии заинтересованы в скорейшем прекращении гражданской войны в Сирии, потому что ее продолжение будет и дальше дестабилизировать ситуацию в регионе, что не выгодно арабским государствам Залива – крупнейшим поставщикам энергетического сырья на мировой рынок. Экономические интересы этих государств подталкивают их к тому, чтобы предпринимать действия, направленные на обеспечение региональной безопасности.

В.Г. Хорос. У меня некоторые соображения по поводу внешнего фактора событий на Ближнем Востоке. В.Л. Шейнис задал вполне резонный вопрос: почему западные державы, в частности США, в конфликтах в арабских странах или между арабскими странами поддерживают те силы, после прихода к власти которых у них (т.е. у западных держав) возникают более серьезные проблемы, чем прежде? Ответ на этот вопрос Д.Б. Мальшевой (хотя в целом ее доклад мне понравился) не вполне удовлетворил: мол, западные лидеры шли вслед за событиями, которых они не ожидали, они надеялись, что оппозиционные исламисты будут относиться к ним лояльно, отстаивать демократические принципы и прочее. Уж что-что, а пассивными в своей внешней политике западные страны, прежде всего США, не были никогда и наивность не проявляли.

Напротив, уже в случае с Ливией удивили неординарная активность и жесткость западного вмешательства в этот конфликт. При том, что Каддафи, конечно, не самая симпатичная политическая фигура, в последние годы он был вполне лоялен к Западу, а внутри страны за счет нефтедолларов сохранял социальную стабильность. Тем не менее западная коалиция не только всячески поддержала «повстанцев» (среди которых преобладали пришлые боевики, в том числе из «Аль-Каиды»), но и пошла на прямое военное вмешательство, только благодаря которому существующая власть была свергнута. А результат? Убийство американского посла после прихода исламистов и политический разброд в стране, скорее всего надолго.

В Сирии прямого военного вмешательства со стороны Запада нет. Но есть та же безоговорочная поддержка исламистских боевиков из «Фронта Аль-Нусра», «Черного батальона Аллаха», «Аль-Каиды» и других (среди которых собственно сирийская оппозиция остается на вторых ролях), снабжение их оружием, демонизация «преступного режима» Б. Асада в СМИ, наконец, блокирование попыток мирного урегулирования, о чем откровенно

сказал Кофи Аннан после своей отставки с должности спецпредставителя ООН в Сирии. Политика, как видим, повторяющаяся и так или иначе «способствующая» хаотизации Ближнего Востока.

Возникает вопрос: зачем? В Интернете и некоторых СМИ не так давно появились сообщения об американских планах так называемого реформирования Ближнего Востока. Об этом, в частности, говорил бывший командующий войсками НАТО генерал Уэсли Кларк. Он даже называл порядок «реформирования», т.е. смены существующих режимов: Ирак, Сирия, Ливан, Ливия, Сомали, Судан, Иран¹. Ну что ж, в трех случаях уже совпало...

К этому можно добавить «цифровую дипломатию» – воздействие на население той или иной страны через социальные сети в Интернете. Такое влияние, безусловно, имело место в процессе развития событий «арабской весны». В настоящее время США уже организовали порядка полутора сотен «виртуальных посольств» в различных странах, включая государства арабского Востока.

У меня нет достаточно аргументированного объяснения вышеописанной политики США и подыгрывающих им стран Запада. Надо повнимательней присмотреться к дальнейшему ходу событий. Но если этот внешнеполитический курс действительно ориентирован на хаотизацию ближневосточного региона, то это, на мой взгляд, – стратегическая ошибка, которая не принесет выгод самому Западу. Прецеденты ошибок были: переоценка шахского режима в Иране, оккупация Ирака под ложным предлогом наличия там оружия массового поражения, наконец, хаотизация Ливии. Что произойдет дальше, проживем – увидим.

А.Г. Володин. Значение доклада Д.Б. Малышевой прежде всего в том, что она убедительно показала усложнение социально-политической ситуации на Ближнем Востоке, которое проявляется в постоянно возрастающей конфликтности взаимоотношений этносов. Эта конфликтность затрагивает жизнь всех без исключения национальных групп и при этом распадается на множество взрывоопасных «головоломок» – сирийскую, турецкую, палестинско-израильскую, иракскую, иранскую, аравийскую и т.д. Одна лишь попытка представить коллегам «головоломку головоломок» современности есть несомненная заслуга автора.

Ограничусь рассмотрением нескольких обстоятельств, имеющих непосредственное отношение к деятельности отечест-

¹ См.: http://www.youtube.com/watch?v=fSNyPSOfXpU&feature=player_embedded

венной дипломатии и фундаментальным проблемам внешней политики России.

В связи с «сирийским кризисом» целесообразно выделить несколько моментов. Во-первых, несмотря на отчаянное давление извне (и изнутри), социально-политическая коалиция секуляристских сил не распалась, тем более что «демонстрационный эффект» творческого бессилия начинает проявляться в тех арабских странах, где исламисты уже пришли к власти: тупиковый характер подобной «модели» развития очевиден большинству сирийцев. Во-вторых, часть американского внешнеполитического истеблишмента, включая госсекретаря Дж. Керри, сознает необходимость сохранения секуляристского характера сирийского общества, и это – в интересах Америки, поскольку расширяет для нее (а также для России и Китая) «коридор возможностей» при урегулировании «сирийского кризиса». В-третьих, «исламистское» разрешение сирийского кризиса выталкивает на «полосу неопределенности» стратегического союзника Америки – Израиль, что едва ли будет приветствоваться влиятельными силами в США. Словом, сирийский кризис придется урегулировать путем сложного компромисса, который должен иметь институционализированный, т.е. договорно зафиксированный характер.

Позицию Турции значительно осложнили ее собственные правящие круги. Длительный экономический рост в этой стране побудил часть ее правящего истеблишмента ринуться на рынки Ближнего Востока. Подобная легко объяснимая экономическая экспансия была дополнена идеологией «неоосманизма», которая вряд ли будет встречена с симпатией в арабских странах, переживших длительный период турецкого колониализма. Такая агрессивная внешнеполитическая линия, на мой взгляд, вывела среди прочих факторов из летаргического состояния постмубараковский Египет, руководители которого стремятся нейтрализовать влияние Турции на Ближнем Востоке активной внешней политикой, включая восстановление связи с Ираном. Помимо этого, следствием поддержки Турцией сирийских повстанцев станет перенапряжение ее внутренних сил, поскольку западные союзники опасаются, что открытая поддержка ими Анкары может привести к «большой войне» на Ближнем Востоке с труднопрогнозируемыми последствиями, в том числе для самого Запада. Наконец, специалисты прекрасно понимают: шансов даже частично решить курдскую проблему в настоящее время мало. Кроме того, более 85% населения Турции против военного конфликта с Сирией, а действовать

на нескольких фронтах, с учетом сложной внутривосточной ситуации, Анкара не сможет.

Еще один производный от ближневосточной «головоломки» вопрос: какова судьба «нефтяных монархий» Персидского залива, ведомых Саудовской Аравией? Известно, что в этом субрегионе замедляются темпы роста, что часть отстраненных от власти элит «нефтяных монархий» лелеет идею представительной / конституционной монархии, способной более адекватно представлять интересы политических «верхов» государств Аравийского полуострова и т.д. Не станет ли крошечный Бахрейн детонатором взрыва политических систем монархий, т.е. не выполнит ли он роль Туниса двухлетней давности? Тем более что саудовское государство сильно рискует, продолжая конфликт с Сирией (а значит, и с Ираном), в котором будут только побежденные. И это происходит тогда, когда США начинают проводить новую, более реалистичную и взвешенную политику в отношении Ирана. Наконец, «постамериканское» урегулирование в Афганистане создает угрозу политическим системам «нефтяных монархий» в том смысле, что делает слабозащищенным восточный фланг их системы обороны в условиях не снижающего свою геополитическую активность Ирана.

Происходит (объективно) быстрый рост демографического потенциала мусульманских государств. Некоторые их лидеры выступают с позиций радикальной исламизации данных обществ, в том числе в форме халифата. В этой связи архиважной и архисложной становится задача сохранения секуляризма как принципа функционирования политических систем ближневосточных государств, да и не только их. О Сирии уже было сказано. Еще одной силой, противостоящей радикализму исламского толка, объективно является Израиль (при всей критике внутренней и внешней политики этого государства). Возникает естественный вопрос: способен ли Запад во главе с Америкой в одиночку отстаивать идеи секуляризма в международных отношениях, в частности в данном регионе?

Распад биполярного мира повлек за собой ослабление международных институтов урегулирования конфликтов. Уход с исторической сцены «советского неокOLONиализма» лишь подчеркнул неспособность США управлять миром на основе модели «униполюса». Ливия и Сирия сделали пересмотр «американоцентричного миропорядка» безотлагательным. ООН, очевидно, уже не справляется с функциями урегулирования конфликтов и решения других

неотложных и перспективных проблем человечества. Поэтому необходимы не частичные реформы основного международного института (точнее, разговоры о реформах), а содержательный консенсус широкого круга государств, принимающих активное участие в мировой политике и способных отстаивать не только свои интересы, но и цели других, менее влиятельных стран. Таков, на мой взгляд, главный геополитический урок событий 2011–2013 гг. на Ближнем Востоке.

Э.Е. Лебедева. Я хочу поддержать тезис докладчика о том, что конфликтность с арабского Востока перекинулась на традиционно спокойную зону африканского Сахеля и Африки южнее Сахары, где «просыпаются» застарелые конфликты и разгораются новые. Ярчайший пример этого – кризис в Мали.

В начальной стадии он выглядел очередным мятежом туарегов-сепаратистов. Однако неожиданно для всех они под руководством Национального движения за освобождение Азавада (НДОА) в апреле 2012 г. захватили северные провинции страны, т.е. примерно половину территории Мали, и провозгласили создание Независимого государства Азавад (НГА). Этот успех НДОА стал следствием нарушения политического баланса в сахарско-сахельской зоне после свержения М. Каддафи, который десятилетиями умело разыгрывал туарегскую карту. Он поддерживал автономистские устремления туарегов¹, многим из них давал приют в годы сильнейших засух в Сахеле; после неудачных антиправительственных выступлений на родине в 1990–1995 и 2007–2009 гг. около 2 тыс. туарегов служили в ливийской армии. Одновременно М. Каддафи предоставлял правительствам беднейших западноафриканских стран значительную финансовую помощь, которая шла в основном на оснащение их вооруженных сил. После падения режима М. Каддафи этот денежный поток иссяк, малийская армия оказалась без оружия и продовольствия, военные на севере страны занялись мародерством. А вот вернувшиеся из Ливии туареги, принимавшие там участие в гражданской войне, обладали возросшим (как следствие «арабской весны») национальным самосознанием, боевым опытом и огромным количеством современного вооружения. Повстанцы НДОА воспользовались также фактическим безвластием в Мали и полной деморализацией правительственной армии после государственного переворота, совершенного

¹ Из 5,5 млн туарегов 1,72 млн проживают в Нигере, 1,4 – в Мали, 1,025 – в Алжире, 0,6 – в Буркина-Фасо и 0,56 млн – в Ливии.

22 марта 2012 г. младшими офицерами в столице страны Бамако и спровоцированного тем, что центральное правительство не смогло обеспечить боеспособность армии и остановить распад страны.

Но к июлю 2012 г. вся территория Азавада оказалась под контролем соратников НДОА по антиправительственной борьбе – исламских экстремистов из группировок «Ансар ад-Дин» (Защитники веры), «Аль-Каида в странах исламского Магриба» (АКИМ) и «Движение за единство и джихад в Западной Африке». Руководство НДОА в этих условиях отказалось от идеи независимости в пользу автономии. Среди исламских радикалов, особенно в АКИМ, было много арабов, как местных, так и из стран Магриба, а также суданцев, пакистанцев и афганцев. И в отличие от светских туарегов из НДОА, джихадисты хотели захватить власть во всей стране и заставить малийцев, 90% которых – мусульмане-сунниты, жить по законам шариата. С этого момента конфликт в Мали приобретает новое качество. Намерение джихадистов создать Исламское государство Мали, наладить сотрудничество с исламистскими группировками в других западноафриканских странах ставили под удар не только экономические интересы Франции, но и в целом активы иностранных компаний в регионе. Под вопросом оказалось само существование «хрупких государств» и, как результат, – образование зон «неконтролируемой анархии»¹ в регионе.

Поэтому когда исламисты продвинулись на контролируемую правительством территорию в центральной части Мали и заняли 10 января 2013 г. город Кону, что открыло дорогу на Бамако, французская авиация на следующий день начала бомбить позиции исламистов. Через три недели франко-малийская операция «Сервал» была завершена. Исламисты, покинувшие северные города перед лицом превосходящих сил, укрылись в труднодоступной местности и перешли к тактике партизанской и диверсионной войны.

Операция «Сервал» оказалась весьма затратным мероприятием: она обошлась Парижу в 100 млн евро. Но и по ее завершении французская авиация была задействована в уничтожении баз боевиков в горных районах Мали на границе с Алжиром. Посы-

¹ Французская атомная госкорпорация Aegva ежегодно поставляет во Францию около 3 тыс. т нигерского урана, что составляет треть годовых нужд АЭС страны. При этом атомная энергетика имеет для Франции стратегическое значение, так как обеспечивает около 75% энергобаланса страны. Эта госкорпорация приступила к разработке урановых месторождений и на севере Мали.

лать свои войска в Мали ни европейцы, ни американцы не собираются. Их помощь французам ограничивается логистикой, материально-техническим обеспечением, транспортом, системами наблюдения и разведки, обучением малийской армии. Правительственные же войска и подразделения Экономического сообщества стран Западной Африки (ЭКОВАС), на которых возложено обеспечение безопасности в ранее освобожденных городах и районах Мали, не способны самостоятельно противостоять исламистам. Зато малийские военные проводят «зачистку» городов от всех, кого они посчитали исламистами. Спецпредставитель ООН по борьбе с геноцидом сообщил о фактах массовых расстрелов арабов и туарегов, разграбления их собственности, что не способствует возвращению беженцев в северные провинции Мали. По оценкам Верховного комиссара ООН по делам беженцев, с начала 2012 г. места своего постоянного проживания там покинули 430 тыс. человек. Тяжелую гуманитарную ситуацию на севере усугубляет нехватка продовольствия и медикаментов в условиях страшной засухи. Главное же там – вакуум государственной власти, который заполняют враждующие между собой мафиозные кланы, командиры вооруженных группировок и т.п., основным источником доходов которых является контрабанда оружия, наркотиков, сигарет.

Франция очень боится увязнуть в малийском конфликте, и с апреля она начала вывод своих войск. Париж поддержал просьбу правительства Мали о переводе под эгиду ООН миротворческой операции в стране. Одновременно французы, памятуя о захвате исламистами в середине января 2013 г. иностранных заложников на газовом объекте в Алжире, направили на север Нигера отряды спецназа для охраны урановых рудников, являющихся важным источником сырья для французских АЭС. В конце февраля исполняющий обязанности президента Мали Д. Траоре – явно под давлением Франции и ЭКОВАС – заявил о готовности правительства к переговорам с представителями НДОА, если оно «откажется от территориальных претензий», и о создании Комиссии по диалогу и воссоединению. Однако если правительство не пойдет на предоставление северным провинциям какой-либо формы самоопределения, работа комиссии будет безрезультатной.

В этих условиях первостепенное значение приобретает решение так называемого туарегского вопроса, в котором туго переплелись противоречия социокультурного (расового) и экономического характера. Нынешний кризис углубил взаимное неприятие, вражду между туарегами-кочевниками, принадлежащими к

берберским племенам, и оседлым негроидным большинством населения страны, в исторической памяти которого сохранился образ туарегов как грабителей и разбойников. В свою очередь туареги, особенно светлокожие («белые») из аристократических кланов, с доколониальных времен воспринимают чернокожих как рабов и не хотят подчиняться центральной власти, находящейся в их руках. Туареги жалуются на централизацию власти, а главное – на огромный разрыв в жизненном уровне северян и южан, на недостаток внимания правительства к развитию экономики северных провинций. Центральные же власти оправдываются их отдаленностью, малонаселенностью (менее чем 10% всего населения Мали) и высокой стоимостью инвестиций в Сахару.

Неспособность /нежелание правящих элит государств сахарско-сахельской зоны решать туарегский вопрос и – шире – заниматься развитием периферийных районов, слабость государственных институтов, системная коррупция, массовая бедность в условиях отсутствия в этих странах чувства национальной идентичности, а, значит, и легитимности государства являются причинами дальнейшей дестабилизации сахарско-сахельских государств. И все более возрастающую роль в этом процессе играют тесно и активно взаимодействующие исламистские группировки, а также формирование альянсов джихадистов с наркоторговцами и другими преступными синдикатами в целях финансирования своей террористической деятельности.

Резко возрастает угроза ухудшения ситуации в Нигерии – крупнейшей африканской стране, одном из двух центров силы в Африке южнее Сахары и важном торгово-экономическом партнере США, Китая и ЕС. На севере Нигерии уже несколько лет бесчинствуют террористы из радикальной группировки «Боко харам», часто называемой «Черным Талибаном». По сведениям американских военных, группировка наладила контакты с АКИМ. По мнению командующего АФРИКОМ генерала К. Хэма, в сахарско-сахельской зоне складывается джихадистская дуга, которая тянется из Нигерии через Мали и Ливию в Сомали. Что же касается малийского кризиса, то перспективы его урегулирования в ближайшем будущем не просматриваются. А малийскую мифотворческую миссию ждет судьба подобных ооновских миссий в Сомали и ДРК, т.е. она будет многолетней, очень затратной и малоэффективной в плане восстановления государственного суверенитета над всей территорией Мали.

Е.В. Супонина. Нестабильность на Ближнем Востоке затянется. Возможны новые конфликты и новый передел границ, сходный по масштабам с событиями первой половины XX в. Экономическая ситуация в регионе останется тяжелой. Кстати, я не считаю сам по себе передел границ катастрофой, мы ведь тоже жили в государстве, которого уже нет, – в Советском Союзе. Вопрос в том, как сделать эти процессы менее болезненными для людей и менее опасными для международных партнеров. И дело не только в Ближнем Востоке. «Мир переживает беспрецедентный по историческим меркам переходный период», – говорил министр иностранных дел России Сергей Лавров, подводя в этом году в Москве итоги минувшего 2012 г. На международной арене, по его словам, «формируется новая расстановка сил».

Исходить надо из того, что с новыми задачами в одиночку справляться будет сложно. О необходимости объединить усилия и делать ставку на «мягкую силу» заявил президент США Барак Обама во время инаугурации 21 января 2013 г. и в выступлении перед конгрессом 12 февраля. Отметим при этом такую тенденцию: американцев и их лидера интересуют внутренние проблемы, а международные – ровно в той степени, в какой это касается внутреннего развития. Из волнующих проблем главными оказались и те, что важны также и для России, например сокращение ядерных арсеналов, борьба с терроризмом и структурами типа «Аль-Каиды».

Еще одна болезненная для всех тема – вывод войск НАТО из Афганистана. И здесь все-таки хорошо бы по возможности иметь в виду, что угрозу интересам России несет не сам вывод этих войск как таковой – ведь уход иностранных войск многими афганцами приветствуется. В связи с этим мне кажется слишком прямолинейной формулировка, содержащаяся в той части новой концепции внешней политики России, где говорится про региональные приоритеты, – о том, что и сам вывод этих войск тоже «несет серьезную угрозу безопасности России». Это может быть и так, но дело в нюансах подачи. На мой взгляд, делая публичные заявления на эту тему, не надо забывать о том, что афганцы, как и многие другие народы, стремятся к суверенитету и хотят самостоятельно распоряжаться своей судьбой. И в этом их надо поддерживать. А вот сохраняющийся в Афганистане кризис, который после ухода войск неизбежно усилится, действительно представляет серьезную угрозу. Здесь и торговля наркотиками, и активность экстремистских

группировок, их связи с Центральной Азией и другими регионами, в том числе с Ближним Востоком.

Афганцам надо идти к подлинной независимости, пусть этот путь и усыпан маковой соломкой, а не розами. То же в Ираке: если там сейчас плохо, это не значит, что при Саддаме было хорошо. Я уверена, что от стереотипов такого рода – восточным народам лучше жить либо при диктатуре, либо под иностранной оккупацией – надо избавляться.

Для России на этом фоне очень важно стремление Б. Обамы мирным способом решать международные проблемы. Президент США прав, когда говорит, что «надо еще уметь выиграть мир, а не только войну». Ведь ни в Афганистане, ни в Ираке американцам и их союзникам так до сих пор и не удалось «выиграть мир», не получилось добиться стабильности в этих странах и вокруг них. Напротив, возникают новые очаги напряженности. Несмотря на имеющиеся разногласия, мы все находимся в одной лодке в этом бушующем море перемен.

Фундаментальные причины волнений на Ближнем Востоке коренятся, прежде всего, в долго накапливавшихся социально-экономических проблемах. А такие проблемы, как ослабление роли среднего класса, коррупция, огромный разрыв между самыми богатыми и бедными, есть не только в арабских странах (где эти проблемы уже привели к потрясениям), но и в Европе, России, США.

Надо признать, что иногда споры о частностях заслоняют собой серьезные вопросы, требующие осмысления. А между тем от Москвы и Вашингтона многие на Ближнем Востоке ждут совместных разумных решений, способных остановить кровопролитие. Так, отнюдь не отпала необходимость сообща определиться с тем, что такое «ответственность по защите» и что такое «гуманитарная интервенция». Как и когда их можно проводить? Каковы критерии? И кто должен нести ответственность за неуспех такого рода операций? Получается, приходится действовать в правовом вакууме, да еще при наличии серьезных расхождений по этим ключевым вопросам. А это опасно.

О том, что договоренности между Россией и США и их объединенные усилия наверняка могут привести к положительному результату в Сирии, мне говорили приезжавший в начале марта 2013 г. в Москву для переговоров в МИД генерал Манаф Тласс, а также многие другие сирийские оппозиционеры. Звучит, быть может, идеалистично, но этого результата в регионе ждут. Россиянам

и американцам пора бы перестать воспринимать Ближний Восток как арену противостояния, это пережиток холодной войны, и от этих фантомных болей надо избавляться. Недопустимо также, чтобы под предлогом появления новых проблем мы забывали о необходимости решения застарелых конфликтов. Отойдя сейчас на второй план, они еще преподнесут сюрпризы. Возьмите проблему Палестины – ее нельзя оставлять без внимания, но успехами на этом направлении международные посредники похвастаться не могут.

Так что не стоит думать, что в ближневосточных делах мы являемся всего лишь сторонними игроками или наблюдателями. Это – общие проблемы. Да и в современном взаимосвязанном мире уже просто невозможно локализовать проблему в отдельно взятом месте. События в Сирии, например, могут привести к гибели имама в Бельгии, как это случилось при поджоге экстремистом мечети в Брюсселе в марте 2012 г. И чтобы справляться с этими и другими вызовами, надо вести диалог, активизировать контакты между экспертными и общественными организациями различных стран, включая Россию, вместе искать ответы на новые вопросы. Нужно действовать сообща. Пришла пора объединять усилия.

Материал подготовила И. Лабинская.

«Мировая экономика и международные отношения», М., 2013 г., № 10, с. 3–18.

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

А. Суворова СТОЛКНОВЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ ИЛИ ИХ ПРИМИРЕНИЕ? БХУТТО ПРОТИВ ХАНТИНГТОНА

Национальная и религиозная идентичность Бхутто не подлежала сомнению – она всегда осознавала себя пакистанкой и мусульманкой. Что касается культурной идентичности, Бхутто принадлежала к «двум мирам»: парадигмы родной культуры она, естественно, усвоила от рождения, но благодаря образованию и годам жизни в США и Великобритании легко ориентировалась в смыслах и кодах западной культуры. В частности, будучи убежденной сторонницей модернизации и демократии и используя английский язык в качестве первого, «родного», она могла идентифицировать себя с Западом хотя бы в идейном и языковом отношении. Она так писала о связи своего западного образования и мировоззрения: «Наши представления о жизни в Гарварде и США вдохновили нас и коренным образом изменили дальнейшую судьбу. По возвращении домой в качестве преподавателей, ученых или премьер-министров мы несли представления о демократических ценностях и социальных институтах в наши страны» [Bhutto, 2008, p. 273]. О том же писала в некрологе Бхутто и ее подруга, известная британская журналистка Виктория Скофилд: «Как либеральная западная женщина, верящая в политический процесс – нечто, усвоенное ею со времен обучения в Гарварде и Оксфорде, – она была искренне убеждена, что может что-то изменить» [Schofield, 2008, p. 105].

Видимо, поэтому теория неизбежного конфликта ислама с западной цивилизацией, описанная Сэмюэлом Хантингтоном в статье «Столкновение цивилизаций?» [Huntington, 1993, p. 29–49] и вызвавшая бурные споры в 1990-х годах, настолько взволновала Бхутто как политика и человека, что она посвятила анализу этой

теории большую часть своей книги «Примирение: Ислам. Демократия. Запад» [Bhutto, 2008], написанной при участии американского журналиста и политолога Марка Сигела. Как видим, даже в названии книги содержится полемика с Хантингтоном – «примирение» вместо «столкновения». Замечу в скобках, что ни до, ни после Бхутто никто из женщин, государственных деятелей Южной Азии, не анализировал проблемы мировой политики так глубоко и комплексно.

Сэмюэл Филипс Хантингтон (1927–2008) – американский исследователь-аналитик, социальный философ и политолог, был основателем ведущего в США политологического журнала «Международные отношения» («Foreign Policy»). Ступени его карьеры включали многочисленные посты в университетах, исследовательских организациях и правительственных структурах. Он был президентом Американской ассоциации политических наук, а в последние годы жизни работал директором Института стратегических исследований при Гарвардском университете.

Наибольшую известность среди книг Хантингтона получила опубликованная в 1997 г. концептуальная работа «Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка» [Huntington, 1997], написанная в развитие упоминавшейся статьи и описывающая динамику современных международных отношений сквозь призму цивилизационных процессов и связанных с ними конфликтов. Хантингтон рассматривает цивилизацию как наивысшее культурное образование, объединяющее людей и обеспечивающее им определенную степень культурной самобытности. В этом смысле цивилизация определяется как общими объективными элементами (язык, история, религия, обычаи, общественные институты), так и субъективной самоидентификацией людей.

Цивилизационная идентичность, по мнению автора, будет играть все более важную роль в будущем, и в дальнейшем мир будет формироваться в значительной степени под влиянием взаимодействия нескольких главных цивилизаций и одновременно углубления различий между ними. Наиболее значительные по последствиям конфликты будущего произойдут на культурных границах, разделяющих эти цивилизации. При этом основное внимание автор уделяет нарастающему конфликту между западной цивилизацией и остальным миром. Рост цивилизационного самосознания диктуется раздвоением роли Запада. С одной стороны, Запад находится на вершине своего могущества, а с другой – возможно, как раз поэтому среди незападных цивилизаций происхо-

дит возврат к собственным корням. Все чаще приходится слышать о «возврате в Азию» Японии, о конце влияния идей Неру и об «индуизации» Индии, о провале западных идей социализма и национализма и «реисламизации» Ближнего Востока.

Статья и книга вызвали множество дискуссий в научных кругах и ныне считаются наиболее цитируемыми в политологии, учитывая, что целый ряд прогнозов Хантингтона получил к настоящему времени весьма впечатляющее подтверждение, особенно после всплеска терактов, проведенных мусульманскими экстремистами в странах Запада.

Бхутто с самого начала заявила, что не согласна с теорией Хантингтона, которую в несколько мистическом духе назвала «самосбывающимся зловещим пророчеством», спровоцировавшим предсказанный им конфликт [Bhutto, 2008, p. 38]. Включаясь в полемику, Бхутто идентифицировала себя с «исламской цивилизацией» и возмущалась искажением представлений об исламе в статье Хантингтона, в частности его утверждением о том, что ислам противоречит основным демократическим свободам и ценностям. Бхутто отвергает использование термина «демократия» как синонима понятия «западная демократия», считая, что теория Хантингтона отрицает универсальность демократических прав и свобод.

Между тем Хантингтон и сам был готов критиковать Запад за его высокомерие и стремление подчинить весь мир своим интересам. «Выражение “мировое сообщество” превратилось в эфемеризм, заменивший выражение “свободный мир”. Оно призвано придать общемировую легитимность действиям, отражающим интересы США и других западных стран. <...> По сути дела Запад использует международные организации, военную мощь и финансовые ресурсы для того, чтобы править миром, утверждая свое превосходство, защищая западные интересы и утверждая западные политические и экономические ценности» [Хантингтон, 1994, с. 35].

В своих комментариях к Хантингтону Бхутто пытается выдержать академический тон, но зачастую в них звучит прямо-таки личная обида на «предвзятость» по отношению к исламу. Например, она пишет: «Хотя Хантингтон приводит примеры конфликтов в бывшей Югославии, Китае и Японии, он акцентирует внимание на исламской цивилизации, потому что у “ислама границы обогрены кровью”» [Bhutto, 2008, p. 243].

Здесь имеется в виду следующий пассаж из статьи: «Особого накала эти конфликты достигают по границам исламского мира, полумесяцем раскинувшегося на пространстве между Северной Африкой и Средней Азией. Но насилие практикуется и в конфликтах между мусульманами, с одной стороны, и православными сербами на Балканах, евреями в Израиле, индусами в Индии, буддистами в Бирме и католиками на Филиппинах – с другой. Границы исламского мира везде и всюду залиты кровью» [Хантингтон, 1994, с 36].

Бхутто считает одним из слабых мест теории «столкновения цивилизаций» то, что она отводит религии роль «определяющего признака» и «основного разделителя» людей. Вместе с тем она сама подтверждает справедливость этого тезиса, акцентируя внимание на вопросе секуляризации, который, по ее мнению, «оскорбителен для исламской культуры». В глазах мусульман, считает Бхутто, «западный метод секуляризации равен отрицанию религии и таким образом является аморальным» [Bhutto, 2008, p. 245].

По-видимому, для Бхутто понятие «секуляризация» означало исключительно ущерб для религии, а не благо для общества, как для Хантингтона и большинства жителей Запада. Именно о таком понимании секуляризации писал русский философ и востоковед Александр Пятигорский: «Речь идет о феномене и понятии секуляризации. Говоря о секуляризации в рамках истории Нового и Новейшего времени, следует неукоснительно иметь в виду, что дело здесь не только и не столько в уменьшении роли религии в обществе или государстве, сколько в уменьшении степени религиозности самой религии. Оттого феноменологически было бы более корректным говорить о секуляризации религии, чем о секуляризации общества, исповедующего данную религию. Во всяком случае, исторически будет вполне правильным сказать, что первая секуляризация предшествует последней и служит ее причиной. Тогда станет ясным, насколько условны юридические и конституционные формы взаимоотношения религии и государства, формы, которые сами по себе ничего не говорят о факте или масштабах секуляризации» [Пятигорский].

Очевидно, что, несмотря на гарвардские уроки философии, Беназир Бхутто оставалась противницей секуляризации в мусульманском обществе. Вообще, по ее мнению, Хантингтон не понимает сути ислама (обычное обвинение со стороны мусульманских политиков и общественных деятелей по отношению к их западным коллегам) и не делает различия между умеренными мусульманами

и экстремистами. Высокий уровень обобщения, используемый Хантингтоном, просто не предполагал таких дефиниций и «партикуляризма». Как человека «двух миров» (но не цивилизаций), Бхутто больше устраивал традиционный тезис о мирном сосуществовании различных культур, основанном на образовательном и культурном обмене между народами и странами. «По моему личному опыту, такой обмен ведет к результатам, противоположным вооруженным конфликтам. Годы обучения за рубежом не только познакомили меня с другой культурой и обществом, но и повлияли на тех, с кем я общалась с точки зрения своей культуры, народа и религии» [Bhutto, 2008, p. 252].

Здесь Бхутто переводит полемику в область личного опыта, который всегда уникален и зачастую нарушает общие положения и схемы. Конечно, ее личные друзья, европейцы и американцы, под ее влиянием профессионально увлеклись проблемами Пакистана и ислама, не переставая при этом оставаться людьми западной цивилизации. Но никакая взаимная симпатия между Беназир Бхутто и Радживом Ганди, людьми одного возраста, положения и происхождения, вроде бы имевшими так много общего, не смогла серьезно повлиять на индийско-пакистанские отношения или даже просто сблизить позиции двух стран по кашмирской проблеме, которая с точки зрения обсуждаемой теории носит характер цивилизационного конфликта.

Сама Бхутто вспоминала о том, как между Пакистаном и Индией чуть не вспыхнул очередной вооруженный конфликт в 1964 г., когда из мечети Хазратбал в Сринагаре был похищен волос Пророка Мухаммеда, величайшая реликвия для мусульман, которую индусы якобы осквернили [Bhutto, 1988, p. 177]. Хазратбал снова стал яблоком раздора в 1993 г., когда его захватили и месяц удерживали вооруженные кашмирские сепаратисты. Тогда Бхутто, уже в качестве премьер-министра, пришлось взывать к мировому сообществу, чтобы привлечь внимание к событиям в Кашмире и оказать давление на индийские власти. Граница между исламом и индуизмом, проходящая по Кашмиру, постоянно обгагралась кровью, подтверждая выкладки Хантингтона.

Наконец, во время своего второго премьерства Бхутто и ее правительство в 1996 г. поддержали взятие Кабула талибами, этим – как она их до этого неоднократно называла – «американским Франкенштейном». В этой поддержке «вопреки убеждениям» проявился еще один тезис Хантингтона о «сплочении цивилизации», или о синдроме «братских стран», в соответствии с которым

«группы или страны, принадлежащие к одной цивилизации, оказавшись вовлеченными в войну с людьми другой цивилизации, естественно пытаются заручиться поддержкой представителей своей цивилизации» [Хантингтон, 1994, с. 38].

Принадлежность к «двум мирам» не только составляла уникальность личного опыта Бхутто; она воочию наблюдала «цивилизационный» контраст за границей и дома: «Я оказалась меж двух миров, миром диктатуры и миром демократии. Я могла наблюдать за властью народа в демократической системе и в противовес ей – за нехваткой политической силы в родной стране. Я видела, как люди в Америке воспринимали свои права как данность. <...> В моей же стране людей убивали и сажали в тюрьмы за попытку отстоять свою свободу» [Bhutto, 1988, p. 92].

Тем не менее даже вопреки негативному опыту Бхутто оставалась сторонницей «оптимистического» развития политической истории и была убеждена, что будущее исламского мира – не в диктатуре, а в демократии и модернизации (пусть даже в «модернизации без секуляризации и вестернизации»). Хантингтон, напротив, считал, что «на поверхностном уровне многое из западной культуры действительно пропитало остальной мир. Но на глубинном уровне западные представления и идеи фундаментально отличаются от тех, которые присущи другим цивилизациям. <...> В политической сфере эти различия наиболее отчетливо обнаруживаются в попытках Соединенных Штатов и других стран Запада навязать народам других стран западные идеи демократии и прав человека. Современная демократическая форма правления исторически сложилась на Западе. Если она и утвердилась кое-где в западных странах, то лишь как следствие западного колониализма или нажима» [Хантингтон, 1994, с. 42].

На это Бхутто отвечала: «Хотя мусульманские и западные общества отличаются друг от друга, различия менее категоричны в политических вопросах: выборов, правления, парламентской демократии, нежели в вопросах культурных и социальных. Важно, что обе цивилизации в равной степени стремятся к демократическим идеалам и правлению» [Bhutto, 2008, p. 264].

В то время как международная неправительственная организация Freedom House считает Индонезию единственной мусульманской страной в мире, соответствующей демократическим параметрам, Бхутто полагала, что многие исламские государства в XX в. проходили периоды демократического развития. К ним она относит и Пакистан в правление ее отца Зульф리카ра Али Бхутто и

в годы, когда у власти стоял ее кабинет. Между тем опрос, проведенный в 2012 г. американским институтом «Pew Research Center» в шести мусульманских странах, показал, что Пакистан среди них является абсолютным лидером в том, что касается предрасположенности к шариату [Most Muslims Want Democracy, 2012]. За полное соответствие юридических законов нормам ислама в Пакистане выступают 82% населения (для сравнения в Ливане – всего 17%).

В одном Бхутто была совершенно права – очевидные социальные и культурные различия между Западом и в частности Пакистаном не порождали драматических противоречий между ними на политической арене, где Пакистан оставался неизменным союзником США, в том числе и в «войне с террором». Однако на «межличностном» уровне выраженная неприязнь большинства простых пакистанцев к Америке и отношение в странах Запада к пакистанской диаспоре как к источнику повышенной угрозы таят в себе все возможности «конфликта цивилизаций».

Переходя к теме «войны с террором», Бхутто подчеркивает, что эта война отражает конфликт между умеренными и радикальными силами внутри мусульманского мира, а не столкновение между исламом и Западом. Этой теме Бхутто посвятила много статей, интервью и публичных выступлений. Она неоднократно заявляла, что демократические государства не могут выступать спонсорами терроризма, и потому дальнейшее развитие демократии способно устранить источник поддержки террористов в исламском мире.

Отношение Бхутто к западной демократии было неоднозначным, поскольку она видела в ее распространении в исламских странах определенную этическую проблему. Восхищаясь конкретными проявлениями демократии в США и Европе, она в то же время полагала, что Запад возводит демократию в ранг почти религиозных ценностей, «утверждая, что свобода – право, данное Богом. И часто западные страны пытаются применить эту же установку к зарубежным государствам, проповедуя демократические ценности, почти как миссионеры – религию» [Bhutto, 2008, p. 84]. Но ведь и демократия, в представлении самой Бхутто, – если не религия, то настоящая панацея от всех политических болезней современного мира. «Можно утверждать, что XXI век ознаменуется мирным ростом демократии и умеренных сил по всему миру, особенно в мусульманских государствах, и опровергнет тезисы, представленные в книге “Столкновение цивилизаций”. <...>

Столкновения западной и исламской цивилизаций не будет, если демократия воцарится в мусульманском мире», – говорила она в одной из речей [Bhutto, 2008, p. 292]. Такое «обоожествление» демократии объясняет, какой смысл Бхутто вкладывала в свой девиз «Демократия – это лучшая месть», дошедший до нас как цитата в передаче ее сына Билавала [Fitzgerald, 2007]. Очевидно, она имела в виду, что демократия не только созидает – строит, например, гражданское общество, но и уничтожает основные общественные пороки: автократию и диктатуру, экстремизм и религиозный фанатизм, бесправие и дискриминацию. «Симбиоз экстремизма, фанатизма, терроризма, диктатуры и бедности – прямая угроза стабильности на международном и национальном уровне и опасность для всего мира. Средство борьбы с этим злом – расширение демократии» [Bhutto, 2008, p. 297].

Так кто же должен развивать эту спасительную для целого мира демократию в странах ислама? По мнению Бхутто, это должны делать страны Запада, если хотят избежать «столкновения цивилизаций». Они просто обязаны помогать мусульманским странам «создавать и поддерживать демократическую инфраструктуру; путем создания и финансирования неправительственных организаций по социальному обеспечению и правам человека обеспечивать передачу демократического опыта; не поддерживать военную диктатуру, а укреплять вооруженные силы, признающие власть конституции» [Bhutto, 2008, p. 298].

Каким образом западные страны будут укреплять вооруженные силы суверенных государств Азии, остается без комментариев, но скорее всего дело сводится к банальному финансированию. Кроме того, Бхутто предлагала значительно увеличить квоты для студентов-мусульман в высших учебных заведениях Запада, где молодежь, пока еще не пополнившая ряды радикалов и экстремистов, «усвоит политические нормы и стандарты прав человека, к которым стремятся во всем мире» [Bhutto, 2004]. Кто должен платить за такую подготовку нового поколения мусульманских демократов, догадаться нетрудно.

Любопытно сравнить, как трактует те же темы взаимоотношения Запада, ислама и демократии соученик Бхутто по Оксфорду, британский журналист и историк Тарик Али в своей книге «Столкновение двух фундаментализмов: крестовые походы, джихад и современность» [Али, 2003]. Он считает, что после окончания холодной войны США стали играть роль новой империи, а всякая империя подрывает развитие национального самосознания как

в центре, так и на периферии. Создавая единое пространство для множества различных этносов и религий, она держится за некие универсальные ценности, которые в обязательном порядке вменяются всем входящим в «империю» народам.

В современном мире в качестве таковых выступает «американское кредо» – принципы, агрессивно насаждаемые по всему миру: протестантская этика, гражданские свободы, основанные на индивидуализме, и идеология личного успеха. Но ужесточение политического курса и риторики в центре «империи» в качестве своего отражения провоцирует возрождение фундаменталистских настроений по всему миру. В итоге на смену диалогу между равноправными нациями в современном мире приходит столкновение различных типов фундаментализма.

Надо отметить, что Тарик Али в отличие от Бхутто больше анализирует историю, чем современный политический ландшафт. Совершенно неисследованным, например, остается опыт Турции, мусульманской страны и одновременно бывшей империи, показавшей пример успешной модернизации и вхождения в процессы глобализации. И все же его книга показывает определенный аспект столкновения цивилизаций – современный империализм – и объясняет, в чем кроются истоки религиозного экстремизма. Правда, никаких путей преодоления противоречий между исламом и Западом Тарик Али не обсуждает.

Напротив, Бхутто в «Примирении» предлагает миру новый «план Маршалла», который будут осуществлять государства Европы и Америки для улучшения жизни людей в бедных мусульманских странах, что устранил основания для конфликта цивилизаций. По ее мнению, целевые программы финансовой, социальной и гуманитарной помощи могут коренным образом изменить представления (очевидно, негативные) простых мусульман о Западе. «Материальные доказательства вытеснили бы старые предрассудки» [Bhutto, 2008, p. 309], – заключает Бхутто, видимо не смущаясь этической стороной предлагаемого ею плана, по которому жителям западных стран придется откупаться от враждебно настроенных к ним мусульман и оплачивать свою безопасность от исламских террористов.

Бхутто искренне верила, что образование, личные контакты, знакомство с другими культурами и прочая гуманитарная деятельность способны искоренить ксенофобию и привести к диалогу цивилизаций. Таков был ее жизненный опыт: она много лет жила на Западе, где свободно путешествовала, обзавелась преданными

друзьями и не сталкивалась с проявлениями расизма и дискриминации. Кроме того, когда бы она ни выступала перед западной аудиторией, к ней уважительно прислушивались.

В то же время, близко наблюдая жизнь своих единоверцев в той же Великобритании, Бхутто не могла не осознавать, что у западной «исламофобии», о которой говорил Хантингтон, есть свои причины: «Эти отношения осложняются и демографическими факторами. Стремительный рост населения в арабских странах, особенно в Северной Африке, увеличивает эмиграцию в страны Западной Европы. В свою очередь, наплыв эмигрантов, происходящий на фоне постепенной ликвидации внутренних границ между западноевропейскими странами, вызвал острое политическое неприятие. В Италии, Франции и Германии расистские настроения приобретают все более открытую форму, а начиная с 1990 г. постоянно нарастают политическая реакция и насилие в отношении арабских и турецких эмигрантов» [Хантингтон, 1994, с. 45].

В этих проблемах, о которых пишет здесь Хантингтон, Бхутто перекладывает большую часть ответственности на Запад, который, по ее убеждению, должен предпринять усилия, чтобы сократить «цивилизационную пропасть» между собой и исламом: «Запад должен быть готов признать негативные последствия колониализма и поддержку диктатуры во время “холодной войны”. Запад, особенно США, должен быть готов пересмотреть позицию в так называемой всемирной войне с террором, которую многие мусульмане воспринимают как всемирную войну с исламом. <...> Признавать собственные ошибки всегда непросто и неприятно, но в современных условиях это совершенно необходимо» [Bhutto, 2008, p. 303].

Вопрос о том, как в таком случае должны относиться народы стран Запада к многочисленным терактам, осуществляемым у них дома мусульманскими экстремистами, остается открытым. Видимо, жителям западных стран следует терпеливо ждать, пока в исламском мире окончательно не победит демократия и «умеренные» не одолеют «радикалов». Именно тогда по предсказанию Бхутто, терроризм исчезнет сам собой. В отличие от Хантингтона и других западных политологов Бхутто была знакома с терроризмом не понаслышке: террористы не раз покушались на ее жизнь и в конце концов убили ее. Поэтому ее, казалось бы, академический спор с американским политологом, в котором пока перевес остается на стороне Хантингтона, носит по-настоящему драматический, личный характер.

Литература

1. Пятигорский А. Этнос или религия? // <http://vasilievaa.narod.ru/mu/csipfo/metod/etnoreg.htm> (2000–2001).
2. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. – 1994. – № 1.
3. Ali T. Clash of Fundamentalisms: Crusades, Jihads, and Modernity. – L.: Verso, 2003.
4. Bhutto B. The Way Out: Interviews, Impressions, Statements and Messages. – Karachi: Mahmood Publications, 1988.
5. Bhutto B. Message to Youth – August 23, 2004 // Selected Speeches. 1989–2007. (http://bhutto.org/ Acrobat/BB_Speeches-Book.pdf).
6. Bhutto Br. Reconciliation: Islam, Democracy, and the West. – N.Y.: HarperCollins, 2008.
7. Fitzgerald M. Democracy Is the Best Revenge, Says Bhutto's Son // Irish Times. 2007. December 31.
8. Huntington S. The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs, Vol. 72. N 3. 1993. Summer.
9. Huntington S. The Clash of Civilizations and Remaking of the World Order. – N.Y.: Touchstone, 1997.
10. Most Muslims Want Democracy // Pew Research Center. 2012 (<http://www.pew-global.org/2012/07/10/most-muslims-want-democracy-personal-freedoms-and-islam-in-political-life/>).
11. Schofield V. Benazir Bhutto: A Great and Brave Friend // Reflections on Benazir Bhutto / Ed. by Javaid Laghari. – Karachi: SZABIST, 2008.
«Восток-Oriens», М., 2013 г., № 6, с. 72–78.

М. Байрақдар,
философ (Университет Едитепе, Стамбул)
ФИЛОСОФИЯ И НАУКА В ИСЛАМЕ.
ПЕРСПЕКТИВЫ

Для начала я хотел бы отметить, что слово «ислам» в названии статьи обозначает ислам и как религию, и как цивилизацию, потому что исламская религия и исламская цивилизация существенно связаны друг с другом с любой точки зрения. Два источника ислама: Коран, являющийся откровением Бога, и традиция Пророка Мухаммеда (сунна), первичная интерпретация Корана, – это те два основных источника, которые сегодня называют исламской философией и исламской наукой и которые, несомненно, глубоко укоренены в этих источниках, ибо мусульмане с самого начала считали это цивилизационным проектом. Коран содержит наставление всем людям на все времена. Исламская философия связана с ним глубокими корнями. Хотя он, очевидно, не является ни фило-

софской, ни научной книгой, тем не менее мусульманские философы очень часто использовали его, дабы придать вес своим философским взглядам и доктринам. Считается, что Коран был и остается до сих пор источником, содержащим Послание, приглашающее людей к рассуждениям и размышлениям.

Этот бесспорный факт был совершенно справедливо отмечен Францем Розенталем, сказавшим, что «ильм (знание) и есть ислам»¹. Мы могли бы не задумываясь добавить к этому, что ислам и есть знание. Своим содержанием Коран очень отличается от любого другого рода священных книг, так как говорит не только о религиозных вопросах как таковых, но также едва ли не обо всех вещах Вселенной – таких мелочах, как комар, и таких огромных вещах, как солнце, звезды, океаны и др. Итак, как мы уже упоминали выше, мы, мусульмане, считаем Коран цивилизационным проектом. Несомненно, не являясь ни философской, ни научной книгой как таковой, Коран содержит много сведений о человеке, природе, он призывает человека подумать о Боге, природе и истории с помощью всех предоставленных ему органов – глаз, ушей, разума и сердца, чтобы понять все, что происходит вокруг него и что есть что.

Однако, несмотря на это, некоторые западные мыслители XIX в., как, например, В. Кузэн, отрицали само существование исламской философии и исламской науки, утверждая, что учение ислама направлено против любого свободного обсуждения и исследования и, следовательно, ислам не приходил на помощь философии и науке на протяжении всего своего существования². Эти западные мыслители, несомненно, безграмотно моделировали ислам по аналогии с христианством средневековых римских пап. На самом деле знания, философия и науки были самой основой развития исламской цивилизации. Вот почему Франц Розенталь заявлял вновь и вновь: знание – вот одна из доминантных составляющих ислама, как в религии, так и в цивилизации, которая придает ему характерные черты и определенный облик. На самом деле никакая другая составляющая не оказала такого сильного воздействия на исламскую философию и науку во всех их аспектах в той же степени, что ильм (знание)³.

¹ Rosenthal F. Knowledge Triumphant. – Leiden: E.J. Brill, 1970, p. 2.

² Cousin V. Cours de l'histoire de la philosophie. – P., 1841. – P. 48–49.

³ Rosenthal E. Knowledge Triumphant, p. 2.

Конечно, мы не отрицаем факта воздействия извне на исламскую философию и науку в основном греческой философии. Но они отнюдь не являются простыми подражаниями и повторениями греческой философии, как это неверно утверждают некоторые востоковеды. Первым из них был французский востоковед Э. Ренан, который однажды сказал, что семитская раса не обладает способностью породить философию и науку¹. Однако в «Avertissement» к более позднему изданию своей знаменитой книги «Averroes et l'Averroïsme» он заявил, что арабы имеют свою философию. Таким образом, Ренан противоречил сам себе, как и многие другие. Жаль, что не последующие суждения Ренана, а его предшествующие расовые предрассудки оказали влияние на некоторых других востоковедов более позднего поколения, в том числе таких, как Леон Готье, Т. Дж. Де Бур, Р. Рудольф Уолцер и Дж. Дэвид Карсон.

К счастью, ряд востоковедов не разделяли ошибочное мнение первой группы востоковедов ни в прошлом, ни в настоящем. Одним из них является Генри Корбэн, который считает, что не стоит даже говорить о каком бы то ни было иностранном источнике исламской философии, а говоря об истоках исламской мысли, он говорит следующее: «Не стоит обсуждать вопрос о том, что западные востоковеды нашли или не нашли в Коране, надо лишь знать, что в нем нашли мусульмане...»².

Определять исламскую философию можно по-разному, но, как следует из ее названия, речь идет о философии, созданной мусульманскими мыслителями в рамках исламской культуры и среды. Зарождение спекулятивной мысли в мусульманском мире произошло еще при жизни Пророка Мухаммада. После его смерти в 632 г. ранние мусульмане столкнулись с таким количеством религиозных и социально-политических проблем, что для их решения ими было выдвинуто множество разных версий, что привело к появлению различных философских школ, рождение которых определило дальнейшее развитие философского мышления.

Но расцвет философии (ал-фалсафа – транслитерации на арабский язык греческого слова «philosophia») начался с создания «Байт аль-Хикма» халифа Аббасидов аль-Мамуна в 829 г. С этого

¹ Renan E. Histoire générale et système comparé des langues sémitiques. – P., 1855. – P. 3–10.

² Corbin H. La Philosophie islamique de ses origines à la mort d'Averroes // Histoire de la philosophie. Vol. I. Ed. by B. Parain. – P.: Gallimard, 1969. – P. 1048.

дня под патронажем этого халифа начался процесс ускоренного перевода на арабский язык основных греческих философских и научных текстов. Это переводческое движение, несомненно, обогатило развитие нарождающейся исламской мысли, как количественно, так и качественно, в последующие века.

Исламская философия в более широком смысле включает в себя чистую философию, теологию (калам), суфизм и исламскую юриспруденцию. Основные философские школы можно классифицировать следующим образом.

Рациональная теология: то, что сегодня называется исламским богословием, являлось рациональным движением с самого начала. Несмотря на свою религиозную мотивацию, в исламском богословии рассматриваются многие проблемы – от экономических до философских. Особенно с появлением мутазилитов исламское богословие стало философски ориентированным. Это правда, что многие теологи критиковали греческий способ философствования и философию в основном за метафизические предположения. Тем не менее исламская теология может считаться оригинальной и творческой философией. В частности, некоторые мусульманские и западные востоковеды, например Г. Дуга и Ибрагим Мадхуль, считали исламскую теологию оригинальным созданием мусульманских мыслителей и исламской культуры¹. Среди наиболее важных школ богословия здесь следует отметить мутазилизм, ашаризм, матуридизм и шиизм.

Перипатетическая философия: это то, что правильно называть аль-машшайа. Как следует из названия, в ее основе лежит аристотелевский способ философствования на исламской почве. Конечно, это не означает, что мусульманские философы испытали влияние лишь Аристотеля; наряду с ним мусульманским философам были хорошо известны Сократ, Платон, Плотин и некоторые эллинистические философы. Представителями этой школы являются большинство видных мусульманских философов, таких, как аль-Кинди, аль-Фараби, Ибн Сина, Ибн Ваджа и Ибн Рушд.

Философия озарения: еще одной важной философской школой является аль-ишракийя, основанная в XII в. известным философом Шихаб ад-Дином Йахья ас-Сухраварди. Мы могли бы включить в нее такие интеллектуальные мистические движения, как вахдат аль-вуджуд (единство бытия), вахдат аш-шухуд

¹ Dugat G. Histoire des philosophes et des theologiens musulmans. – P., 1878. – P. XV.

(единство свидетелей) и вахдат аль-кушуд (единство воли / желания). Некоторые современные ученые квалифицируют философию озарения как вечную философию. Среди выдающихся мыслителей этой школы, как суфиев, так и философов, следует упомянуть Ибн Араби, Дауда аль-Кайшари, Исмаила аль-Анкарави, аль-Джили и Муллу Садра.

Хотя исламская философия, особенно перипатетическая, заимствовала многие идеи из греческого наследия, мусульманские философы разработали, изменили и обогатили греческие идеи таким образом, что они стали исламскими. В конце концов они и сами произвели несчетное число новых концепций, идей и мыслей. Конечно, здесь у нас нет ни достаточно времени, ни места, чтобы вспомнить этот оригинальный вклад в полном объеме. Ограничимся лишь несколькими примерами.

Как известно, мусульманские перипатетики переняли принцип причинности от Аристотеля, однако они перевернули порядок четырех причин Аристотеля, поставив первопричину на первое место, тогда как у Аристотеля она находилась на третьем. Потому что для них только Бог может стать первой и конечной причиной всего. Такие мусульманские мыслители, как Абу Хатим аль-Рази, добавляли к четырем причинам еще одну, которую они называли «инструментальной». Ибн Сина (Авиценна) и аль-Фараби, например, приняли космологию Плотина, но под абсолютным Единым Плотина понимали Аллаха. В то время как абсолютное Единое Плотина не думает ни о чем, даже о себе, у аль-Фараби и Ибн Сины Единое обязательно мыслит, обладая способностью к мышлению; оно мыслит само, а также созданные им существа. Иначе Единое не могло быть активным и эффективным, они же думали, что существование Единого в исламском смысле, или Аллаха, было бы невозможно. Как отметил Т. Дж. Де Бозр¹, аль-Фараби был первым, кто обратил наше внимание на проблему «ante rem», «in re» и «post rem». Когда эта идея аль-Фараби дошла до средневековых западных теологов и философов, они приступили к обсуждению этого вопроса, и, как мы знаем, отсюда берут начало такие движения, как реализм, концептуализм и номинализм. Опять же аль-Фараби был первым, кто указал на различие между аналитической и синтетической концепциями, задолго до Лейбница и Канта. Без сомнения, аль-Фараби является предшественником Канта, ко-

¹ Boer Th. J. De. History of Philosophy in Islam. Eng. transl. by E. R. Jones. – N.Y., Dover Publ, 1967. – P. 113.

торый утверждал, что существование вообще не предикативно. Ибн Сина также явился автором многих инноваций. Он первым провел четкое различие между сущностью и существованием. Для Ибн Сины душа, или дух, является центром личности мыслящего человека. Чтобы доказать это, Ибн Сина использовал притчу о летающем человеке; та же притча использовалась и Декартом в его «*cogito ergo sum*». Можно даже сказать, что Ибн Сина вдохновил Декарта¹. А вот еще один пример из Ибн Сины, чтобы опровергнуть иннеизм Платона: он говорит, что ум человека при рождении пуст, как белый лист бумаги. Это нечто иное, как «*Tabula Rasa*» Дж. Локка.

Что касается аль-Газали, он также является новатором в области теологии и философии. Он известен своими острыми критическими суждениями о метафизике перипатетиков. Он также автор многих оригинальных идей и мыслей. Одну из них – окказионализм, который на деле очень похож на идею Мальбранша о том, что «этот мир есть лучший из миров», который является его принципом экзистенциального и этического оптимизма, – дословно повторил Лейбниц. И нет сомнений, что аль-Газали предвосхитил появление «*Pari de Pascal*». Аль-Газали также известен за его непризнание философов, придерживающихся теории естественной причинности. Как позднее утверждал Д. Юм, аль-Газали считал, что то, что называется причиной, или причинностью, есть просто впечатление, вытекающее из привычки рассматривать явления как обязательно связанные между собой. Мы думаем, что эти несколько примеров показывают, насколько ислам оригинален и независим от греческого наследия во многих отношениях.

Здесь мы также должны сказать несколько слов относительно интерпретации исламской философии современными западными учеными. Одна из таких интерпретаций, принадлежащая знаменитому французскому философу Анри Корбэну, чрезвычайно аллегорична, эзотерична и мистична. Одним из следствий его интерпретации является то, что все должно быть прочитано как нечто священное, в духе шиитской и особенно исмаилитской концепции. Второе толкование выдвигается Лео Штраусом. Согласно его воззрениям, все следует читать в терминах негативной политики, он воображает, что мусульманские философы, как правило, подвергались пресле-

¹ Van den Bergh S. Die Epitome der Meta physiks des Averroes. – Leiden, 1924.

дованиям за свои идеи со стороны богословов и улама. Поэтому, на его взгляд, это вынуждало мусульманских философов маскировать свои истинные мнения, либо признавая религиозные истины только на словах, либо используя особую технику письма, предназначенную для отвлечения враждебного внимания. Еще одна, третья, интерпретация – это интерпретация некоторых востоковедов из СССР, русских и мусульман, которые представляли многих мусульманских философов, от аль-Фараби до Ибн Халдуна, как социалистов, материалистов и атеистов. Разумеется, ни одна подобная интерпретация не является для нас приемлемой и правильной в качестве общей характеристики исламской философии или мусульманских философов.

Философия науки. Давайте вернемся к исламской науке и скажем кое-что о ее характерных особенностях и основных чертах. В период своего становления в IX в. исламская наука была также подвержена влиянию иностранных наследий, особенно греческого. Однако вскоре мусульманские ученые отказались от греческой философии науки, которую они посчитали слишком теоретической и спекулятивной, а такой ученый, как аль-Бируни, утверждал, что она к тому же еще и мифологична. Поэтому они решили утвердить новую философию науки. Ее методами и подходами должны были стать наблюдение, эксперимент и количественный эмпиризм. На самом деле они не только исправили некоторые греческие научные теории, но и ввели в оборот множество новых научных идей, открытий и инноваций в медицине, математике, астрономии, физике, химии и технике.

Мы, разумеется, не можем перечислить здесь все ценные научные вклады мусульманских ученых. Приведем лишь несколько примеров, чтобы продемонстрировать их творчество в различных областях науки. Знаменитый математик ал-Харезми был первым, кто использовал «ноль» как число. Доказав неправильность пятого постулата Евклида, Насреддин Туси создал антиевклидовую геометрию задолго до современных математиков. Некоторые мусульманские математики Северной Африки, как Ибн ал-Банна и ал-Каласади, изобрели современные цифры, которые европейцы называют «арабскими», а также алгебраические знаки и обозначения. Сферическая тригонометрия, которой у греков, по существу, не существовало, была введена и разработана аль-Баттани и Сабитом ибн аль-Курра.

Раскритиковав планетарную модель Птолемея, аль-Бируни и другие мусульманские астрономы практически создали новую мо-

дель – гелиоцентрическую систему, которая очень похожа на систему Коперника. Аль-Баттани открыл движение апогея Солнца. Ибн Рушд был первым ученым, наблюдавшим солнечные пятна. Ибн Сина, как говорят, применил воздушный термометр. И конечно, Ибн Юнус был первым, кто использовал маятник для отсчета времени. Мусульманские астрономы определяли с удивительной точностью наступление равноденствия и движение планет, которые были совершенно неизвестны грекам. Как писал сам Колумб в одном из писем, его путешествие стало возможным благодаря географическому и астрономическому учению Ибн Рушда и таблицам аль-Баттани.

Мусульманские ученые также внесли немалый вклад в область физики и оптики. Ибн Хайтам (Alhazan, лат.) первым выдвинул верную теорию зрения, став предшественником Кеплера, сформулировавшего законы отражения и преломления света. Аль-Бируни был первым ученым, заговорившим о всемирном тяготении.

Первое имя, которое должно упомянуть, говоря о химии, – это Джабир ибн Хайям. Он сделал химию эмпирической наукой и первым обнаружил азотную и серную кислоты, нитрат серебра, в котором можно растворить золото и серебро. Вспомним еще раз имя аль-Бируни, потому что он был первым, кто использовал своего рода гидростатическое равновесие, известное как «пикнометр» на Западе, для определения плотности минералов.

Мусульманские ученые внесли огромный вклад в медицину и фармакологию. Выдающийся врач Абу Бакр Закария ар-Рази был первым, кто отличил оспу от кори. Ибн Сина, настоящий принц среди врачей, первым вывел различия между видами менингита. А его знаменитый ученик Ибн Нафс открыл легочную циркуляцию крови, которая была передана на Запад благодаря Мигелю Сервету в XVI в. Вакцина против оспы применялась в Стамбуле начиная с XV в. Леди Монтегю привезла ее из Стамбула в Лондон в 1718 г., о чем она сама рассказала в своих письмах. Насколько нам известно, аль-Кинди и Ибн Сина использовали музыку для лечения некоторых психических заболеваний.

Я думаю, что приведенных здесь примеров достаточно, чтобы показать, что исламская философия и исламская наука вполне оригинальны и не являются простой имитацией греческого наследия. Тем не менее некоторые востоковеды утверждали, что после смерти Ибн Рушда в 1198 г. философские исследования в мусульманском мире прекратились. Если и есть нечто верное в этом оши-

бочном суждении, так это то, что в исламском мире более никогда не было такого реального аристотелеведа, как Ибн Рушд, который посвятил всю свою жизнь интерпретации учения Аристотеля. Но философская и научная деятельность продолжалась очень долго и после его смерти. Как считают многие историки, период между X и XV вв. был золотым веком исламской философии и исламских наук.

С другой стороны, как исламская наука, так и философия сыграли двойную и неоспоримо важнейшую роль в истории человечества, в частности в истории Европы. Первая роль заключается в том, что исламская философия и наука сохранили греческое наследие в арабских переводах и передали его средневековой Европе в переводах на латынь. Как мы знаем, западные христианские власти считали греко-римскую мысль языческой и опасной для христианской веры, поэтому они запрещали преподавать ее в школах, а в 529 г. они попросили императора Юстиниана I закрыть афинскую школу, и семь философов-неоплатоников были выселены из Афин.

Вторая и самая важная роль исламской философии и науки состоит в том, что благодаря переводам работ мусульманских мыслителей на латынь, иврит и некоторые местные языки произошло пробуждение европейцев от глубокого и долгого сна. Это переводческое движение было начато Папой Сильвестром (де Саси) II в X в., когда он открыл школу перевода в городе Риппол. Таким образом, европейцы, христиане и евреи опять узнали про философию и науку от мусульман. Именно под влиянием исламской культуры состоялось европейское Возрождение, сначала в Испании и Италии. Говоря о влиянии Ибн Сины на средневековую Европу, А.-М. Гуашон¹ сказал следующее: «Арабская философия, принесшая с собой новые веяния, греческие и восточные, оживила молодые европейские умы, открытые всему новому».

П. Бриффо выразил свою точку зрения на то, как исламская философия и наука стали движущей силой современной Европы: «Вполне вероятно, что если бы не арабы, современная европейская цивилизация никогда бы не возникла вообще; совершенно точно, если бы не они, она бы не обрела тот характер, который позволил ей превзойти все предыдущие этапы эволюции. И хотя нет ни одного аспекта европейского роста, в котором бы ни прослеживалось

¹ Goichon A.-M. La Philosophie d'Avicenne et son influence en Europe Meudon-Paris. – P. 91.

решающее влияние исламской культуры, нигде это не проявилось так ясно и весомо, как в генезисе той силы, которая представляет собой важнейшую отличительную силу современного мира. Наиболее важный источник его победы – естественные науки и научный дух... Долг нашей науки перед арабами не в поразительных открытиях или революционных теориях, наука обязана гораздо большим арабской культуре – своим существованием. Древний мир был, как мы видели, донаучен... То, что мы называем наукой, возникло в Европе в результате появления нового духа исследований, новых методов, методики экспериментов, наблюдения, измерения, развития математики в форме, неизвестной грекам. Этот дух и эти методы были введены в европейский мир арабами»¹.

«Философия и наука в культурах Востока и Запада», М., 2013 г., с. 286–293.

Т. Муслимов,

кандидат исторических наук

(Региональный центр этнополитических

исследований Дагестанского научного центра РАН)

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ПРИЧИНЫ

РЕЛИГИОЗНЫХ РАСКОЛОВ

И ПРЕЦЕДЕНТЫ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Религиозные расколы порождались и порождаются прежде всего глубокими социальными и геополитическими причинами. Они вытекают в конечном счете из противоположности экономических и политических интересов противоборствующих социальных групп или государств.

Наиболее явно это прослеживается в истории западных стран, а общая тенденция характерна и для других регионов.

Когда в классическом рабовладельческом обществе появились зачатки феодализма, одновременно наступила трансформация и в религиозной сфере: с господствовавшим тогда многобожием – язычеством – в противоборство вступили зачатки единобожия – христианства. Сторонников новой религии преследовали жесточайшим образом. Но с победой феодализма христианство в запад-

¹ Briffault R. The Making of Humanity. – London: G. Allen and Unwin, 1919. – P. 190–191.

ных странах в основном преодолело язычество и стало его идеологической и нравственной основой.

Римская империя в IV в. распалась на восточную и западную ветви, что в итоге повлияло и на религию. На Западе сложился свой вариант христианства – католицизм, а на Востоке – в Византии, а затем и на Руси – православие.

Когда в недрах феодализма появились зачатки капитализма, это сразу сказалось и на религиозных устоях общества. Феодализм, как известно, является строем, где власть, во-первых, наследуется. Во-вторых, религия здесь освящает наследуемую власть как власть от Бога. И это последнее обстоятельство крайне затрудняло борьбу с ним нарождающейся буржуазии, поскольку верующих в то время было очень много.

У буржуазии сложились непримиримые отношения к духовной основе феодального строя – католической религии и церкви. Суть состояла в том, что как феодальная элита, так и католическое духовенство были приверженцами роскоши и расточительства. Это мешало развитию капиталистических отношений, которые требовали и требуют накопления капитала. Но просто так избавиться от католицизма было невозможно. Каждый общественный строй и каждая религия по мере возможностей себя защищают.

В XVI в. в Западной и Центральной Европе против феодализма развернулось общественное движение, получившее название Реформация. Это движение приняло форму борьбы с католической церковью. Идеологи Реформации выдвинули тезисы, которыми фактически отрицалась необходимость католической церкви с ее иерархией и духовенством вообще, отрицались также права церкви и на земельные богатства.

Католическая церковь, со своей стороны, развернула контрреформацию. Все эти движения привели в XVI–XVII вв. к ожесточенным религиозным войнам. В Германии, например, население вследствие этих войн сократилось вдвое. Известный пример – Варфоломеевская ночь: в Париже ночью 24 августа 1572 г. католики вырезали более 3000 гугенотов (протестантов).

Под знаменем Реформации произошли буржуазные революции в Англии и Нидерландах, которые первыми стали классическими капиталистическими странами. Реформация породила и новую разновидность христианства – протестантизм (лютеранство, кальвинизм, баптизм и другие течения). Для него характерны отсутствие церковной иерархии, упрощенный культ, отсутствие монашества. Здесь нет культа святых, ангелов, икон, число таинств

сведено к двум: крещению и причащению. Протестантизм выступал против феодальной раздробленности, способствовал образованию национальных государств. В результате и сам католицизм приспособился к новым условиям. В Европе такие страны, как Англия, Нидерланды, Швеция, Норвегия, Дания, Германия, Ирландия, Исландия, стали протестантскими. Франция, Италия, Испания, Португалия, Румыния при этом остались католическими.

Нас интересует вопрос: каким образом Европа вышла из длительных религиозных войн и преодолела раскол? Решение было следующим: западные страны стали светскими государствами с гарантированной свободой совести.

С изменением общественных устоев меняется не только религия, но меняется и сам человек. Реформация привела к тому, что соборный человек, который до этого религиозно входил в братскую общину ради спасения души, превратился в индивидуума и собственника. Бывшие крепостные стали собственниками, но только собственного тела, которое они могли уступать по контракту как рабочую силу. Прежде они этого не могли делать, поскольку как личности принадлежали рабовладельцу.

Как относилась новая религия протестантизм к новым собственникам – богатым (буржуа) и бедным (пролетариям)? Вот что изложил Мартин Лютер, который первым поставил вопрос о кардинальной реформации католицизма: «Наш Господь Бог очень высок, поэтому он нуждается в этих палачах и слугах – богатых и высокого происхождения, поэтому он желает, чтобы они имели богатства и почести в изобилии и всем внушали страх. Его божественной воле угодно, чтобы мы называли служащих ему палачей милостивыми государями». Богатые стали по новой религии носителями власти, направленной против бедных.

Адам Смит так определил главную роль государства в гражданском обществе – охрана частной собственности: «В той мере, в какой оно устанавливается для защиты собственности, оно становится, в действительности защитой богатых против бедных, защитой тех, кто владеет собственностью, против тех, кто никакой собственности не имеет».

Из всего сказанного однозначно вытекает вывод, что причиной социальной и политической борьбы в обществе, в том числе и религиозных расколов, является социальное неравенство. И отсюда следует, что условием стабильности в обществе является социальная справедливость.

В западных странах удалось соблюсти относительную социальную справедливость прежде всего благодаря колониальным грабёжам, а сейчас – неэквивалентному обмену. Это обеспечивает относительную стабильность западного общества.

Религиозный раскол по геополитической причине имел место и в России в XVII в. Раскол обусловили различия в московских и греческих обрядах, прежде всего в перстосложении: великороссы крестились двумя перстами, греки и малороссы (украинцы) – тремя. Казалось бы, что за проблема? Избранный в 1652 г. патриархом Никон и его будущий оппонент протопоп Аввакум крестились двумя перстами. Конфликт между ними возник после присоединения Украины к России в 1654 г. Потребовалось достигнуть единообразия в обрядах. Никон выступил за троеперстие, Аввакум – за двоеперстие. В итоге раскололось и религиозное сообщество. Аввакум отстаивал превосходство местного московского варианта православия. Но с вхождением Украины он не мог быть связующей основой суперэтноса как близких, но разных народов. Поэтому царь и патриарх были за закрепление вселенского характера русского православия («Москва – третий Рим»). Тех, кто пошли за Аввакумом, стали называть старообрядцами. Многие из них вынуждены были из-за преследований царского правительства и церкви эмигрировать в разные страны. Раскол тогда обошелся гибелью миллионов старообрядцев. Вот пример, свидетельствующий о жестокости преследований и глубине раскола. Известная боярыня Морозова, изображенная на знаменитой картине Сурикова, отказалась признать реформы патриарха Никона и осталась на стороне старообрядцев. Она была заключена в темницу, где умерла от голода. А была она богата, дома ей прислуживало человек 3000. Ездил она в дорогой карете в 12 лошадей. Геополитика оказалась предпочтительнее, чем религия и социальная принадлежность.

Так дорого оплачено было единство с Украиной, хотя сегодня националисты-западники это и отвергают. Опять заработали геополитические факторы. Часть украинцев хочет вернуться в лоно Запада. Прозападная элита добивается вхождения Украины в НАТО и раскола православной церкви.

Чем объяснить упорство старообрядцев, которые предпочитали гибель и рассеяние отказу от простейшего обряда? Сам Аввакум был сожжен по указу царя. Они рассматривали отход от двоеперстия как покушение на национальную самобытность русских.

В XVIII в. религиозный раскол произошел и в исламе. На Аравийском полуострове появилось социально-политическое те-

чение, аналогичное протестантизму в христианстве, получившее название салафия («последователи благодетельных предков»). Как и протестантизм, выступавший против феодальной раздробленности, это течение было направлено против племенной раздробленности и способствовало созданию единого государства – Саудовской Аравии. Салафизм понимает джихад как борьбу с неверными. А его более радикальное течение – ваххабизм понимает джихад еще и как борьбу с теми мусульманами, которые не разделяют идей ваххабизма.

Основы учения ваххабизма (сопоставьте с протестантизмом): Алллах – единственный источник творения, и только он достоин поклонения со стороны людей. Мусульмане отошли от этого принципа, поклоняясь святым и вводя различные новшества. Поэтому необходимо очистить ислам и вернуться к его изначальным установлениям путем отказа от новшеств и культа святых. Проповедуется социальная гармония, братство и единство всех мусульман, осуждается роскошь и стяжательство. Важное место отводится, как сказано выше, идее о священной войне (джихаде) против многобожников и мусульман, «отступивших» от принципов раннего ислама. Там, где появляются сторонники идей ваххабизма, за ними следуют вооруженные джамааты, социально-политические движения, а затем выдвигаются и требования смены власти.

Социально-политическая суть доктрины ваххабизма – социальная справедливость; условием достижения этой цели является отстранение традиционного духовенства, которое считает, что богатство и бедность от Аллаха. Но хорошо известно, что, получив власть, идеологи оказываются во власти имманентных социальных законов общества и их доктрины трансформируются в пользу социального неравенства.

Следующим этапом социальных перемен стала глобализация, получившая размах в XX в. Теперь противостоят не только богатые и бедные в отдельных странах, а богатые государства Запада, объединившись в военные блоки и экономические союзы, противостоят бедным, развивающимся государствам. Запад эксплуатирует весь остальной мир, стремится законсервировать его как свой сырьевой придаток, разрушает их традиционные основы под катком демократизации, не останавливается перед агрессией и оккупацией, как случилось с Югославией, Ираком и Афганистаном. Главная цель глобализации социальная – увековечение западного потребительского общества для «золотого миллиарда».

Более всего с глобализацией борется на исторической сцене радикальный исламский мир. Все больше и больше молодых людей готовы умереть за исламскую идею, как они ее понимают. А идеи, за которые добровольно умирают молодые люди, как правило, побеждают. Кстати, в российской истории было такое явление во второй половине XIX и в начале XX в. Мы помним, чем все это закончилось.

Перейдем к положению в Дагестане. Мы видим, что ряды молодежи, склонной к идеям ваххабизма, растут. Упор делается на уничтожение тех, кто пошел в леса. Борьба по их ликвидации затягивается. Зреет мнение, что необходимо отказаться от вооруженного сопротивления и принять участие в идеологическом, а, возможно, и в политическом диалоге.

Однако диалог не складывается, взявшиеся за оружие предпочитают смерть. Причина, видимо в том, что ушедшие для борьбы в подполье абсолютно последовательны в своих ваххабитских воззрениях, которые не разделяют идей ваххабизма. А таких мусульман в Дагестане абсолютное большинство. Договариваться с ними для них бессмысленно. И второе, в обществе чрезмерны коррупция, потребительство, стяжательство, велика социальная дифференциация, низка социальная справедливость. С этим тоже полагается бороться с оружием. Но надежд что-нибудь изменить на данном этапе через диалог они не видят и продолжают бороться с оружием.

Слышны также жалобы на равнодушие общества на нескончаемые теракты. Равнодушие возможно и объясняется отсутствием заметных позитивных перемен в социальной сфере. Ряды ваххабитов, пусть и мирных, растут, что может стать базой для экстремистов. Созрело мнение, что в сложившихся условиях необходимо вступать с радикалами в диалог. Диалог, хотя и не с прямыми участниками, состоялся недавно по инициативе московских ученых и журналистов во главе с известным исламоведом Максимом Шевченко. Многие из выступавших на встречах с ними выход из положения видели в усилении исламских начал в государственном устройстве или хотя бы во включении шариатских норм в правовую систему.

Представляется, что для преодоления имеющего место в стране и республике социального и религиозного раскола на всех уровнях, и на федеральном прежде всего, допускаются принципиальные ошибки. В центре внимания находится не устранение причин социального и религиозного расколов как преодоление соци-

альной дифференциации, повышение социальной справедливости и жизненного уровня, а сосредоточение внимания на следствии, т.е. усилении религиозных начал государственной и общественной жизни.

Социальная причина состоит в том, что в стране сложилась олигархическая модель экономики, которая бессчетно, в громадных размерах переправляет за границу финансовые ресурсы и расточительно тратит их на роскошь, вместо того чтобы инвестировать их в производство, науку, повысить зарплаты бюджетникам и пенсии. К тому же недавно президент Медведев и премьер Путин заявили, что никаких перемен у существующей модели не будет. Приведу ряд примеров аморальности этой модели. В разгар кризиса Роман Абрамович появился в Санкт-Петербурге на бронированной яхте стоимостью 340 млн долл. с охраной из числа английского спецназа. Сотни миллионов долларов Абрамович тратит на развитие английского спорта. Живя в Англии, он прежде был чукотским губернатором, а ныне является председателем чукотского парламента. Никто в России не признает миллиарды, которые он тратит, а его образ жизни признают аморальным. Много таких, как Абрамович, став олигархами, разграбив народ России, осели со своими миллиардами за границей. Чуткую заботу президент и премьер проявили об олигархах в наступившем кризисе, выделив им миллиарды для расплаты с иностранными кредиторами, под маркой поддержки производства. Даже эти средства они употребили не по назначению, частично отправив их в офшоры, а частично раздав бонусы (премии) высшим служащим и членам советов своих компаний. Бывший генеральный директор АвтоВАЗа Артяков при переходе на должность самарского губернатора получил бонус в 1,5 млрд рублей. Все олигархи имели возможность за счет офшорных вкладов, вилл и яхт расплатиться за кредиты, однако власть оберегает их как зеницу ока. К тому же, чтобы они заплатили зарплату из этих денег, премьеру приходится лично выезжать на места.

Вместо того чтобы преодолеть социальный раскол, отказавшись от олигархической модели и потребительского общества, российская власть заявляет о продолжении этой линии, что по существу является главной причиной социального раскола, а вслед за ним – экстремизма и терроризма.

Вместо развязывания социальных узлов федеральная власть как компенсацию верующим внедряет религию в армию, школу, свертывает светские начала государства. Религия должна оста-

ваться орудием морального совершенствования общества и людей. Она не может быть источником социально-экономического развития. Надо видеть также возможные последствия взятого курса клерикализации общества.

Граждане страны все больше будут идентифицировать себя не россиянами, а православными, мусульманами и представителями других религий. Возникнут конфликты между тарикатистами и салафитами за влияние в школе, между салафитами и светской публикой, возрастут противоречия между наукой и религией. Астрофизик академик Дмитрий Варшалович недавно в интервью в «Российской газете» говорил: «Год назад у меня был такой случай. Я выступал перед десятиклассниками, будущими абитуриентами, агитировал поступать в политехнический институт. Потом в вестибюле они меня обступили и говорят: “Что же вы нас вводили в заблуждение, говоря о тринадцати миллиардах лет. Мы-то знаем, что Вселенная произошла около семи тысяч лет назад”. Это они из Библии почерпнули. Я понимаю, что библейские заповеди – основа человеческой морали, что религия нужна для стабильного существования общества. Но оспаривать науку с позиции религии... Это уже отдает мрачным средневековьем».

Таким образом, фундаментальной причиной религиозных расколов является социальное неравенство. Религиозные расколы следуют за социально-политическими расколами. А в основе преодоления религиозного экстремизма находится социальная справедливость.

*«Религия и исламский мир: Сближение мазхабов
как фактор солидарности мусульман»,
М., 2011 г., с. 166–173.*

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР
2014 – 4 (262)**

Научно-информационный бюллетень

Содержит материалы по текущим политическим,
социальным и религиозным вопросам

Художественный редактор Т.П. Солдатова
Компьютерная верстка
Н.М. Власова, Е.Е. Мамаева

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 18/III-2014 г. Формат 60x84/16
Бум. офсетная № 1. Печать офсетная. Свободная цена
Усл. печ. л. 10,75 Уч.-изд. л. 10,0
Тираж 300 экз. Заказ № 31

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997**

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел. Факс (499) 120-4514
E-mail: inion@bk.ru**

**E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)**

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9